

Российская академия наук
Институт славяноведения

САРА МАКАРТУР

**КОГДА К ШТЫКУ ПРИРАВНЯЛИ ПЕРО
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СМИ ПО ОСВЕЩЕНИЮ
БОСНИЙСКОГО КРИЗИСА (1992-1995 гг.)**

МОСКВА 2007

Российская академия наук
Институт славяноведения

САРА МАКАРТУР

**КОГДА К ШТЫКУ ПРИРАВНЯЛИ ПЕРО
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СМИ ПО ОСВЕЩЕНИЮ
БОСНИЙСКОГО КРИЗИСА (1992-1995 гг.)**

МОСКВА 2007

Ответственный редактор:

доктор исторических наук **К.В.Никифоров**

Рецензенты:

доктор исторических наук **А.Л.Шемякин**

кандидат исторических наук **Л.В.Кузьмичева**

Книга шотландской исследовательницы Сары Макартур посвящена такому важному явлению наших дней, как военная журналистика. Автор останавливается на истории появления этого феномена, подробно анализирует освещение прессой Боснийской войны. Эта война явилась не только важнейшей составляющей всего современного югославского кризиса, но и наиболее отраженной в СМИ войной в истории человечества. В книге разбирается работа СМИ тех стран и регионов, представители которых наиболее полно освещали боснийский конфликт. Прежде всего это – западная и российская пресса, а также журналистика государств, входивших в состав бывшей Югославии. Автор приходит к выводу, что в бывшей Югославии и, в частности, в Боснии международное журналистское сообщество потерпело поражение.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ВВЕДЕНИЕ	8
ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ	10
1. Западная историография.....	10
1.1. До Первой мировой войны.....	10
1.2. После 1918 г.....	13
1.3. Англоязычный Запад.....	15
1.4. Западная континентальная Европа.....	20
1.5. Латинская Америка.....	22
2. Югославянская историография.....	25
2.1. До 1991 г.....	25
2.2. После 1991 г.....	28
3. Российская историография.....	33
ГЛАВА II. РОЛЬ СМИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	39
1. Появление прессы.....	39
2. СМИ в период военных конфликтов.....	41
3. Технологический прогресс.....	48
4. Моральные обязательства.....	56
5. Почему важно считаться со СМИ.....	66
ГЛАВА III. ОСВЕЩЕНИЕ БОСНИЙСКОГО КРИЗИСА	71
1. Западные СМИ.....	71
1.1. Англоязычные СМИ.....	72
1.2. На континенте.....	90
2. Российские СМИ.....	97
3. Югославские СМИ.....	103
3.1. Перед началом конфликта.....	103

3.2. Сербские СМИ.....	107
3.3. Прямая трансляция из Пале.....	116
3.4. Хорватская пресса.....	118
3.5. СМИ Боснии и Герцеговины.....	125
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	136
СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	146
ПРИМЕЧАНИЯ.....	157

ОТ АВТОРА

В основу этой книги легла дипломная работа, которую я писала с 2001 по 2003 гг., будучи студенткой исторического факультета Московского государственного университета. С того времени появилось множество публикаций на разных языках, по большей части на английском, в которых затрагиваются темы и вопросы, существенные для моего исследования, но которые, тем не менее, не вошли в текст книги. По мере сил я следила за новыми публикациями в данной области, однако моя общая позиция на сегодняшний день не сильно изменилась по сравнению с 2003 г. Поэтому я решила оставить основной текст так, как он был написан мной более трех лет назад.

В «Framing War and Genocide» Грегори Кент высказывает мнение, что, несмотря на то, что события боснийского кризиса были представлены в СМИ лучше, чем любой другой конфликт в истории человечества, сам конфликт был понят неправильно. В частности, это проявилось в возникновении зияющей пропасти между СМИ и британскими политическими и академическими кругами.

Несколько работ, например, «The Key to My Neighbour's House» Елизабет Ноуфер используют сравнительный подход и проводят параллели между ситуацией в Боснии и одновременными событиями в Руанде. Такие

исследования чаще всего обвиняют СМИ в затянувшемся молчании, равнодушии к страданиям мусульманского населения Боснии и в общем бездействии.

Начиная с 2003 г., во многом в связи с ситуацией в Ираке, энергично развивалась дисциплина, обычно называемая *media studies*. Было опубликовано несколько книг, посвященных анализу военного репортажа как жанра. Среди них книга Пирса Робинсона «The Myth CNN effect» и «Media and Sovereignty: The Global Information Revolution and Its Challenge to State Power» Монро Прайса. Во многих из этих публикаций Босния фигурирует в качестве главного объекта анализа и точки отсчета.

И хотя моя работа, без сомнения, не претендует на звание последнего слова на эту тему, я надеюсь, что она внесет свой вклад в понимание роли СМИ в современной политике.

* * *

Я благодарна сотрудникам и студентам кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета, где я училась во время написания этой книги, за их профессионализм и дружелюбие. Без помощи моего научного руководителя Константина Никифорова эта книга, наверное, никогда не была бы опубликована. Я также признательна Венди Брейсвелл, которая поддерживает меня во всех моих начинаниях в Лондонском университете.

Я хочу выразить искреннюю благодарность моим друзьям и коллегами в Москве, Будапеште, Кембридже и Лондоне: Марии Фалиной (которая исправляла мои ужасные грамматические ошибки), семье Чо, Кейтлин Мэрфи, Марко Зубаку, Елене Глухак, Иайл Бэнхаим, Габору Карману, Хари Мицидис, Шэрл Фланго, Максу Фрасу, Полу Винтеру, Иану Муртону, Ане Софии Перайэре, Развану Думитриу, Джастину Ренарду и моей ассистентке Нанэ, без участия которой эта работа была бы куда более скучной.

И конечно мне не удалось бы довести эту работу до конца без участия и поддержки моих родителей. Я особенно благодарна моему отцу Гильберту, который научил меня любить Россию.

ВВЕДЕНИЕ

Многие исследователи зачастую придерживаются того мнения, что война во Вьетнаме была проиграна США уже на экранах телевизоров¹. Однако, насколько это утверждение соответствует действительности, остается спорным. Тем не менее, неоспорим тот факт, что освещение военных действий средствами массовой информации оказало большое влияние на национальное самосознание и убеждения американских граждан, что впоследствии сыграло свою роль в поражении Америки. Будучи самым распространенным средством массовой информации, телевидение смогло сделать Вьетнамскую войну первым международным конфликтом, который разыгрывался на глазах у всего мира.

Таким образом, начался процесс коренных изменений роли и места СМИ в послевоенной политической обстановке. В 1990-х годах этот процесс достиг своего апогея. Повсеместное усовершенствование технологий и компьютерная революция (Интернет) помогли сделать СМИ одним из самых сильных средств воздействия на человека. В обиходе появились такие выражения, как «эффект ВВС» и «информационная война». Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали назвал CNN «шестнадцатым членом Совета безопасности ООН»², а американский президент Джордж Буш жаловался на то, что «узнает больше информации от CNN, чем от ЦРУ»³.

Не вызывает удивления тот факт, что именно в этот период многие политики начали призывать к переоформлению отношений между СМИ и военными. Их общение осложнялось изменениями в самом ведении военных действий, поскольку многие развитые страны посылали свои войска участвовать в вооруженных конфликтах других стран. И несмотря на то, что эти проблемы четко обозначились во время войны в Персидском заливе в 1991 г., краткосрочность военных действий и непререкаемая

убежденность администрации Буша-старшего в отношении «правых/виноватых» стали препятствием для освещения конфликта с этических точек зрения⁴. Только по окончании этого конфликта политические аналитики и различные исследователи стали задаваться вопросом, какую же роль на самом деле должны играть СМИ в период военных конфликтов?

Пока шел процесс переоценки ценностей в средствах массовой информации и переоформления отношений СМИ с такими институтами, как вооруженные силы, ООН и правительства различных государств, разразилась «десятидневная война» в Словении, за которой вспыхнул более страшный военный конфликт в Хорватии. Однако именно в период Боснийской войны в 1992-1995 годах, СМИ проявили себя как наиболее значимая и самостоятельная политическая сила. Целью настоящей работы и является определение роли и значения СМИ в освещении военного конфликта в Боснии и Герцеговине, в его провоцировании и разрешении.

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ

Перед тем, как непосредственно рассмотреть деятельность СМИ по освещению войны в Боснии, обратимся к проблеме изученности этого края в научной литературе и публицистике к моменту вспышки военных действий в первой половине 1990-х годов. Эта проблема важна как сама по себе, так и потому, что она влияла на образ мышления и деятельность журналистского корпуса, освещавшего войну. Мы попытаемся представить историографию тех стран и регионов, представители которых наиболее полно освещали конфликт. Прежде всего это были – западные, российские и югославские журналисты. Следовательно, мы сконцентрируемся на западной (преимущественно англоязычной), российской и национальной историографии государств, входивших в состав бывшей Югославии.

1. ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

1.1. До Первой мировой войны

Сразу же надо отметить, что так называемый «Запад» – не есть некое гомогенное образование. На самом деле, термин «Запад» – довольно бесполезный, так как «Запад» – неоднороден и неоднозначен как в культурном, так и в географическом смысле. Так, подчас, многие страны, обычно относящиеся к западным, по совокупности культурных, экономических, лингвистических и религиозных факторов, географически расположены в самых разных частях света, как, например, Австралия или Новая Зеландия. Тем не менее, мы для удобства остановимся именно на этом термине.

Западная литература о Балканах, нелегко поддается анализу. Американский ученый К.И.Флеминг попытался объяснить Балканы, вспомнив Тинтина, мальчика-детектива, чьими приключениями

зачитываются дети во всем франкоговорящем мире. Тинтин пережил много приключений в своих многочисленных путешествиях по миру. Так, он побывал в Египте, Тибете, на Луне, в Шотландии. В одной из книг он отправляется на юго-восток Европы, где обнаруживает две дикие страны Бордуню и Сульдавию, населенные бандитами, мелкими мошенниками и коррумпированной полицией. А в придуманной Агатой Кристи «Херцословакии» любым времяпрепровождением нации является «покушение на королей и революции»⁵.

Это стереотипное представление о Балканах как о загадочной территории, населенной похожими друг на друга воинственными людьми, часто встречается в западной литературе. И постоянно культивируется теми, кто должен бы лучше разбираться в этом вопросе. Так, английский премьер-министр Тони Блэр пытался убедить публику в том, что британское участие в военной операции в Косово необходимо, поскольку расположение региона «на пороге Европы» делает его стратегически важным⁶. Но если Балканы не в Европе, а только на ее пороге, то где же они? В своем неведении Блэр не был единственным премьер-министром Великобритании. Познания Джона Мейджора или даже Уинстона Черчилля в географии были не намного лучше.

Они лишь озвучивали стереотип о том, что Балканы – это туманный горный регион, где некие бандиты постоянно насилуют и убивают друг друга. Этот стереотип постоянно присутствует в западной литературе. В ней балканский тип общественного устройства противопоставляется «западному» укладу жизни, европейской культуре, как таковой. В любом случае Балканы представляются на Западе одной большой территорией, а разбираться, какие страны там расположены и кто их населяет, слишком сложно. На Западе нет академической традиции, даже отдаленно похожей или сравнимой с той, что, например, всегда была свойственна теме колониального Востока⁷. Единственным исключением из этого облака тумана, является Греция, которая, несмотря даже на свое географическое

положение, почему-то считается частью Западной Европы и почти никогда не называется балканской страной.

Итак, гротескные стереотипы о балканских странах частично объясняются элементарным незнанием. До XIX в. Балканы практически не изучались западными исследователями. А изучение Боснии на Западе вообще впервые по-настоящему началось только в 1992 г.

Историография Балкан (как в целом, так и Боснии в частности) в период до Первой мировой войны – весьма скудна. В обеих Америках было издано совсем мало достойного внимания.

Во Франции Киприан Робер, Эрнест Дени, Эмиль Оман, и Этьен Фурнэль уделили некоторое внимание южным славянам⁸. А первая книга, специально посвященная Боснии, по-видимому, принадлежала перу С.Пертусиера и называлась: «Босния и ее отношения с Османской империей»⁹. Как и следует из названия, книга повествует о том, как Босния социально и политически существовала в рамках Османской империи. В свою очередь «История Черногории и Боснии» П.Кокела (1895) представляет собой общее обозрение истории Боснии¹⁰.

В Англии за изучение южных славян взялись на волне интереса к так называемому Восточному кризису (1875-1878). Вот тогда-то впервые двое ученых, Э Фриман и А.Эванс, изучили Боснию в деталях. Их работы – «По Боснии и Герцеговине пешком во время восстания. Август-сентябрь 1875 г.» (1876) и «Иллирийские письма» (1877) – подчеркивали, что восстания в Боснии и Герцеговине были вызваны серьезными внутренними причинами. Эти работы оказали огромное влияние на Р.У.Ситон-Уотсона, который опубликовал несколько книг о Балканах накануне Первой мировой войны. Одновременно Г.У.Темперли опубликовал свою «Историю Сербии» (1917)¹¹. В отличие от других исследователей, упомянутых здесь, он уделил особое внимание среднсвековой Сербии и ее поражению в борьбе с османами.

Несколько немецкоязычных работ, посвященных Балканам, также появились в этот период (XIX в. и ранее). Наибольшего упоминания заслуживают работы, написанные Йованом Хердером, Агустом Шлозером, Леопольдом Ранке¹².

Однако не эти труды влияли на общественное мнение. Самой читаемой книгой в XIX и позже, в XX в., была и остается «Дракула» Брэма Стокера. Эта леденящая кровь история разворачивается на Балканах, в «одном из самых диких и неизведанных уголках Европы», где «собраны все суеверия мира, как будто здесь был центр некоего водоворота¹³». Эта книга входит в список обязательной литературы во многих школах англоязычных стран. Можно предположить, что именно эту книгу из 19-го столетия брали в руки знатоки балканского вопроса, вроде премьер-министра Англии Т.Блэра.

1.2. После 1918 г.

Первая мировая война выдвинула Балканы в целом и Боснию в частности в центр внимания, причем самым трагическим образом. Количество публикаций постоянно увеличивалось и в последующие годы. Тем не менее, они представляют собой лишь каплю в море, если принять во внимание тот поток публикаций, который хлынул, как из рога изобилия, в 90-е годы XX в.

Литература, появившаяся в этот период (1914-1991), названный, кстати, Эриком Хобсбаумом «коротким двадцатым веком»¹⁴, может быть подразделена на две категории.

В первую – попадают работы так называемых балканских «экспертов». К ним можно причислить журналистов, политических комментаторов, и даже великосветских персонажей, которые адресовали свои произведения не знакомой с регионом аудитории¹⁵. Эта группа издала огромное количество материалов о Балканах, больше всех заработала на этом и, скорее всего, имела наибольшее влияние в политических кругах.

И хотя существуют сотни таких публикаций (как книг, так и статей), тем не менее, только две из них выделяются по своему значению. Некая Ребекка Уэст прославилась как английская светская дама с нетрадиционным сексуальным поведением. Ее 1181-страничная эпическая работа «Черный ягненок, серый сокол» (1941) стала одной из наиболее читаемых на Западе по балканской тематике. Несмотря на отсутствие у автора достаточных знаний о предмете, книга содержит точные, верные замечания и красивые фразы, часто цитируемые и по сей день («я ненавижу трупы империй, они смердят»¹⁶). Во время Второй мировой войны, Ребекка Уэст контролировала радиовещание BBC на Югославию. После войны она присутствовала в Нюрнберге во время работы Международного трибунала и опубликовала две книги – об этом процессе и об отношениях между индивидуумом и государством¹⁷.

Именно работы Уэст вдохновили американского журналиста Роберта Каплана на написание книги «Балканские призраки». Написанная в конце 80-х, она была издана лишь в 1992 г., но сразу же стала бестселлером. Говорят, именно она послужила основой для ознакомления администрации Б.Клинтон с Боснией. Если это так, то это весьма печально. Каплан навешивает на Балканы все тот же ярлык «бурлящего, часто жестокого этнического котла»; безнадежно запутанного узла ненависти, который берет свое начало еще в древности и который никогда не распутать¹⁸. Тон г-жи Уэст, по крайней мере, не такой удручающий.

Ко второй категории работ, изданных на Западе и относящихся к балканской историографии, относятся труды небольшой группы историков, политологов, социологов, филологов, культурологов и других ученых. Эти люди, как правило, обладают докторской степенью (PhD) в данной области, и работают в университетах. Большинство из них скорее всего предпочло бы остаться в стороне от современной геополитики, хотя актуальная ситуация на Балканах и делает это затруднительным¹⁹.

Большой процент авторов работ из этой категории – балканского происхождения.

1.3. Англоязычный Запад

Англоязычный мир произвел на свет наибольший объем западной литературы о Балканах, включая Боснию²⁰. После окончания Первой мировой войны интерес английских ученых к этому региону неожиданно вырос. Причем до 1945 г. темы исследований сводились в основном к попыткам найти виновных в развязывании Восточного кризиса, а затем и Первой мировой войны. Оба этих вопроса были естественным образом связаны между собой.

Р.У.Ситон-Уотсон в Англии был одним из первых, уделившим в этой связи много внимания Боснии. В своих работах «Русские обязательства в Боснийском вопросе и ранний проект аннексии» (1929) и «Роль Боснии в международной политике 1875-1914» (1932) он показал внутренние причины восстания в Боснии и Герцеговине в 1875 г. Автор рассматривал его как сугубо национальное. После изучения Восточного кризиса он переключил свое внимание на исследование причин Первой мировой войны. В своем «Исследовании о происхождении мировой войны» (1926) историк явно преувеличивал значение дипломатической предыстории войны, искал ее персональных виновников, не задаваясь вопросом о ее глубинных причинах²¹. Ситон-Уотсон также уделил пристальное внимание развитию «югославизма» и сербско-австрийским отношениям. В подобном ключе после Ситон-Уотсона писали Барлин, Махрей, Темперли²².

С другой стороны, Идит Дурхам отразила фактически австрийскую позицию по отношению к балканскому региону. В своей книге «Сараевское преступление» (1925) она считала предоставление независимости немногочисленному населению Балкан бессмысленным. В то же время ее описания сельской жизни на Балканах не лишены симпатии. По мнению Идит Дурхам, на современных ей крестьян влияло наследие

прошлого. Это наследие «умертвило крестьянский интеллект, притупило чувства, затушевало представления о морали, но спасло от вымирания путем выработки особого вида прямо-таки ослиного упрямства»²³.

После окончания Второй мировой войны и разрыва между Сталиным и Тито (1948), изучение Югославии продолжилось с новой силой. Многие исследователи происходили из Югославии (Ч.Елавич, И.Банац). В то же время работы, посвященные Балканам, выглядят гораздо более подверженными влиянию «холодной войны», чем исследования по другим регионам. Одновременно предмет исследований оставался довольно ограниченным. Несколько обзоров, дающих представление об истории региона, были, без сомнения, написаны, чтобы актуализировать конспекты «Восточная Европа 101» для англоязычных университетов. К таким обзорам относятся, например, работы Чарльза Елавича и Барбары Елавич «История Балкан» и «Образование балканских национальных государств 1804-1920»²⁴. Более обширные работы по Восточной Европе и Балканам, как правило, содержали одну-две главы по Боснии.

Наиболее популярными темами работ по Югославии были в то время такие, как начало Первой мировой войны, Вторая мировая война, разрыв между Сталиным и Тито, титоизм. Последняя была наиболее востребована благодаря гиперчувствительности того периода «холодной войны» (книги Банаца, Робертса, Ивановича, Алексы Джиласа).

С начала 70-х годов появляются работы, целиком посвященные Боснии. Этот момент очень кстати совпал с периодом растущего самосознания боснийцев-мусульман внутри самой Боснии и движением за политкорректность в англоязычном западном мире. В фокусе работ этого периода оказываются боснийцы-мусульмане, их самоопределение и культура. В целом тон работ – позитивный, с интонациями неподдельного восхищения, что невозможно себе представить по отношению практически к любым, изученным вдоль и поперек нацменьшинствам на Западе (например, квекбекцам).

Среди примеров подобного типа – труд «Ислам под двуглавым орлом: мусульмане Боснии и Герцеговины. 1878-1914 гг.», написанный Р.Донией. В этой частично описательной, частично аналитической работе автор концентрирует внимание на 1899 г., когда, по его мнению, и началось движение за культурную и религиозную автономию мусульман. В работе обсуждаются политические притязания и устремления боснийских мусульман и организационная инфраструктура их элиты на местном политическом Олимпе²⁵. Эту же тему рассматривает Закери Ируен в статье «Исламское возрождение и мусульмане Боснии и Герцеговины» (1984)²⁶. Однако, все же книги о Боснии до 1991 г. – немногочисленны и весьма ограничены тематически. Англоязычному читателю пришлось бы нелегко, задумай он, например, найти больше информации о короле Твртко или боснийской церкви.

* * *

Ситуация изменилась драматично и очень быстро. Начиная с 1991 г. количество книг по бывшей Югославии увеличилось на порядок. Многие из них – популярные издания для массового читателя. Сюда входят книги типа «Я там был, когда...». Под эту категорию подпадают как книга Каплиана, так и многочисленные свидетельства и воспоминания очевидцев. Как правило, они оказываются либо чересчур политизированными, как например «Остановить войну» Р.Холбрука²⁷, либо слезливо-эмоциональными как, например, «Дневник Златы»²⁸, о котором еще будет идти речь. Надо отметить, что некоторые из этих книг, в частности «Падение Югославии», написанная Мишей Глени, исключительно достойные²⁹.

Но многие работы – явно заказные, несомненно, хорошо финансируемые и чересчур «мейнстримные». Среди них можно назвать, например, труд: «Гендерная политика на Западных Балканах: женщины и общество в Югославии и государствах-преемниках» (1999)³⁰. Это и понятно, так как вопросы пола, класса и расы на Западе сейчас очень

популярны и актуальны. Наконец, в этом же ряду – «военные» книги, спекулирующие на тему того, какова была/есть/должна быть роль Запада в боснийском вопросе. Подавляющее их большинство, как правило, имеют красивые обложки и звучные названия, в которых присутствует слово «геноцид». (Примеры: «Геноцид в Боснии», «Скотобойня: Босния и провал/проигрыш Запада», «Преданная дружба: религия и геноцид в Боснии», «Приемы насилия: скрытый геноцид в Боснии и Герцеговине и Хорватии», «На этот раз мы знали: ответ Запада на геноцид в Боснии последует»³¹). Эти книги односторонне обвиняют в конфликте только одну сербскую сторону.

Внушительное количество работ появилось (и, что самое интересное, продолжает выходить до сих пор) из-под пера «серьезных» историков. Почему вдруг? Ведь работы историков не могут появиться по мановению ока. Зато финансирование и гранты могут это появление стимулировать! Издать на Западе книгу, не рассчитывая ее успешно продать и заработать деньги, практически невозможно. Следовательно, многие из книг, увидевших свет после 1991 г., просто-напросто не смогли бы найти издателя раньше.

Однако и эти работы также ограничены в своей тематике. Их можно разделить на два типа.

Во-первых, это – либо общие истории: такие, как невероятно популярная, но весьма искусственная книга «Босния: краткий курс истории» Н.Малколма³² (он же, кстати, написал и другую не менее популярную: «Косово: краткий курс истории»; по-видимому, на «длинные истории» западную публику не хватает) и «Босния и Герцеговина: преданные традиции» Р.Донни и Дж.Файна (1994)³³. Из серьезных работ, посвященных непосредственно югославскому кризису (его первой части), можно назвать, пожалуй, лишь работу американки С.Вудворд «Балканская трагедия» (1995)³⁴.

Другой тип книг посвящен какой-либо конкретной теме/проблеме. Однако, выбор тем также не богат. Главной остается по-прежнему религия/идентификация/самоопределение. Характерен, например, сборник «Мусульмане Боснии-Герцеговины»³⁵, оперативно составленный в 1993 г. по материалам состоявшейся в Гарварде конференции и отредактированный Марком Пинсоном. Книга ратует за территориальную целостность Боснии и описывает интеграционную роль мусульман в боснийском обществе. Из этого же ряда – «Ислам на Балканах» Х.Норриса (1993)³⁶. Гораздо меньше издано литературы о боснийских сербах или хорватах. Обычно сведения об этих народах содержатся только в работах по Сербии и Хорватии, но не по Боснии. Например, в книгах «Хорватия: нация, созданная в войну» М.Таннера (1997)³⁷ и «Сербы: история, мифы и воскресение Югославии» Т.Джудда (1997, 2000)³⁸. К настоящему моменту не издано ни одной книги, одновременно рассматривающей все народы, населяющие Боснию и Герцеговину. Также мало написано о Боснии до 1991 г. Обычно авторы посвящают две первые главы краткому обзору истории Боснии, а затем сразу же переходят к более современным и предположительно более интересным для читателя темам.

Нельзя не заметить, что практически все из перечисленных книг на английском языке, особенно недавно изданные, непонятным образом перекликаются друг с другом. Бросается в глаза отсутствие значительных расхождений, разнообразия точек зрения, теорий. В меньшей степени ситуация характерна и для российской историографии, только ее представители утверждают преимущественно прямо противоположное. Читая работы по Боснии, написанные на Западе и Востоке, порой трудно поверить, что речь идет об одной и той же стране.

Возьмем для примера богомилов. Западные историки считают, что богомилов никогда не было в Боснии, в то время как российские настаивают на обратном. Западные ученые склонны приписывать вину за разжигание недавних войн в Югославии целиком и полностью одной

стороне – сербской. Лишь немногие авторы, например, Миша Гленни, считают, что часть ответственности лежит и на других населяющих бывшую Югославию народах. Скажем, в предисловии к своей работе «Босния: краткий курс истории» историк Н.Малколм пишет: «Я не сомневаюсь, что груз ответственности за разрушение Боснии лежит главным образом на одной стороне»³⁹. И его взгляды еще – одни из самых умеренных. Такие книги как «Небесная Сербия: от истории до геноцида» Бранимира Анзуловича (1999)⁴⁰ и «Секретная сербская война: пропаганда и обман истории» Филиппа Коэна (1996)⁴¹ – однозначно расистские.

1.4. Западная континентальная Европа

Одна из основных сложностей изучения литературы, вышедшей в континентальной Европе, состоит в том, что она написана, по крайней мере, на 30 языках, начиная с весьма распространенного немецкого и заканчивая такими малоизвестными и экзотическими, как шотландский или баскский. Практически невозможно владеть ими всеми. Важно также отметить, что большая часть англоязычной литературы XX в. по балканской тематике и особенно по Боснии была переведена на другие европейские языки, благодаря чему заинтересованный читатель из, скажем, Лиссабона или Рейкьявика может прочесть те же работы, что и лондонец. Однако некоторые работы «континентального» происхождения заслуживают пристального внимания.

В первой половине 20-го столетия французы выпустили несколько серьезных книг о Балканах. Они были посвящены сербам, особым отношениям Сербии и России, а также роли Франции на Балканах накануне Первой мировой войны. К ним относится, например, «Боснийский кризис 1908-1909 гг.» А.Костеса⁴². Хотя боснийский кризис 1908 г. в связи с аннексией края Австро-Венгрии получил отражение и в англоязычной литературе, эта тема гораздо более развита именно во французской историографии. Но это была лишь кратковременная вспышка

интереса к Боснии. После долгого перерыва к началу 80-х годов французские ученые вновь взялись за изучение региона.

Как и в англоязычном мире, массовое появление книг на французском языке по данной тематике пришлось на период после 1991 г. И хотя позиция Франции по отношению к югославскому кризису не всегда и не во всем совпадала с США, Британией или Канадой, тем не менее, в публикациях делаются те же выводы, правда, в более континентальном духе.

В работе Катарин Самари «Распад Югославии: вопросы для Европы» дается, к примеру, подробный анализ политических событий в Белграде и показывается их влияние на войны в Боснии и Хорватии. Как и англоязычные труды, эта книга во всем обвиняет Милошевича и особенно его печально знаменитую жену. Самари представляет Мирьяну Маркович в образе кукловода, дергающего за веревки всех задействованных во внутренних сербских конфликтах фигур. Самари пишет: «Мадам Маркович, без сомнения, имела вес в вопросах назначения и снятия с должностей». В книге также рассматривается влияние Белграда на Пале – военную столицу боснийских сербов⁴³. Другой пример книг этого жанра – «Югославские конфликты: от А до Я» Жан-Арно Дерена в соавторстве с той же Катарин Самари⁴⁴.

Наконец, не так давно были изданы несколько исследований по проблеме ислама на Балканах. В то время как англоязычные исследователи с особым рвением изучают роль ислама в формировании самосознания боснийцев, некоторые французские работы скорее демонстрируют неподдельный интерес к выяснению того, какая именно ветвь ислама практикуется на Балканах. К таким работам относятся, например, «Новое балканское мусульманство: мусульмане – актеры посткоммунизма. 1990-2000 гг.» К.Богарела и Н.Кайер.

Часть этой книги, написанная Богарелом, посвящена непосредственно Боснии. Сначала он рассматривает практикующуюся

здесь форму ислама, а затем предпринимает попытку представить роль и место подобным воззрениям в европейском контексте, замечая, что это «зависит как от способности мусульман найти свое место в новой Европе, так и от способности самих европейцев это признать»⁴⁵. Показательно, что французская историография, также как и англоязычная, занимает антисербскую позицию. Это особенно отчетливо прослеживается в так называемой «военной литературе» 90-х годов.

Хотя Франция и сравнительно небольшая часть континентальной Европы (несмотря на то, что по этому поводу думают сами французы), лингвистические и логистические барьеры делают весьма затруднительным знакомство с публикациями других стран.

Можно отметить, что в последнее время значительно возрос интерес к балканской проблеме в Испании (как впрочем, и в целом к международной политике). Статьи многочисленных журналистов о Балканах для «Эль Паис» были, несомненно, мирового уровня. Следует отметить также книгу Рохо «Югославия: Полное уничтожение на Балканах»(1992)⁴⁶.

Много работ по Балканам было опубликовано в Италии, но большинство из них концентрируется на изучении Далмации, регионе традиционного интереса итальянских историков.

1.5. Латинская Америка

В целом исследователи и ученые Латинской Америки сконцентрированы вокруг университетов, особенно в Мексике и Аргентине. В случае с Боснией, региональным лидером является Аргентина. Это не удивительно, поскольку Аргентина, как и Канада с США, привлекла значительное число эмигрантов в начале XX в. Эмигранты приезжали в основном из Европы, именно поэтому аргентинцы с тех самых пор не перестают хвастаться, что они живут в «самой белой стране к югу от канадской границы». Исходя из объективных европейских

реалий того времени, подавляющая часть переселенцев эмигрировала из Южной и Восточной Европы, в том числе и с Балканского полуострова.

В первые годы после Второй мировой войны Балканы оставила и отправилась в Аргентину вторая волна эмигрантов. И хотя Аргентина оставалась нейтральной во время войны, симпатии Перона к Муссолини и Франко были хорошо известны. А потому становится понятным, почему среди покинувших Югославию и переселившихся в Аргентину сразу после окончания войны в 1945 г. преобладали хорваты. В их числе было несколько интеллектуалов и бывших профессоров Загребского университета⁴⁷. В Буэнос-Айресе они организовали выпуск газет и журналов в своем узком кругу, а также опубликовали впечатляющее количество работ о своей исторической родине.

Изучение этих работ немедленно обнаруживает несколько очевидных тенденций. До приезда балканских эмигрантов книг о восточноевропейских странах (и тем более о Боснии) в Аргентине было очень немного. Лондонские, парижские, мадридские издания были, конечно, доступны, но та историческая литература, которая выходила непосредственно в Аргентине и касалась Восточной Европы, была связана преимущественно с эмигрантами из России. После 1945 г. ситуация переменялась. Теперь основной поток публикаций касался Хорватии и был отчетливо агрессивно антикоммунистическим, антиюгославским, часто антисербским. О самой Сербии практически ничего не писалось. Боснии уделялось некоторое внимание, хотя она и считалась частью Хорватии.

Одним из основных источников по югославской проблематике в Аргентине является журнал «Хорватские исследования» («*Studia Croatia*»), целью которого было и есть изучение хорватской истории. Но поскольку его авторы считают Боснию исторически хорватской территорией, то в журнале наряду с хорватскими сюжетами появляются и боснийские. Авторы журнала периодически публикуют также и специальные сборники о Боснии: в частности, вышедший в 1965 г. 400-страничный труд «Босния

и Герцеговина». В этом издании напечатаны статьи практически всех главных исследователей Боснии в Аргентине того времени: Милана Блазковича, Ивана Богдана, Франсиско Невистица, Педро Вукоты⁴⁸. Все они были членами Института хорватской культуры Латинской Америки и каждый из них написал по книге о родном для себя регионе. Еще более важен тот факт, что все они в отношении Боснии разделяли примерно одни и те же взгляды.

Одной из главных тем их исследований были средние века, когда Босния, по их убеждению, была неотъемлемой частью Хорватии. Эта идея особенно подчеркивалась в работе П.Вукоты «Политическая истории Боснии»⁴⁹.

Следующая тема – религиозная ситуация в регионе накануне вторжения турок-осман и последовавшее вслед за этим принятие ислама. Процесс перехода к исламу происходил в условиях, когда другие религии были плохо организованы, что Ф.Невистиц называет «региональной слабостью» и что, по его мнению, объясняет, почему этот переход совершился легко». Блазкович, Невистиц и Вукота описывают этот процесс либо как «bogomilismo», либо «patarenismo» и иногда даже «catarismo», как если бы все это было одно и то же.

В чем сходятся все авторы, так это в том, что сербы пришли в Боснию после осман, поэтому когда-то все мусульмане были хорватами. Этот факт приобретает особое значение, когда речь заходит о мусульманском населении Боснии в наши дни и о его самоопределении. И хотя Невистиц признает, что, начиная приблизительно с 1102 г., Босния становится относительно независимым образованием, он, тем не менее, считает, что она осталась, по сути, хорватским регионом (в пику сербской историографии, утверждающей обратное). В этом месте Невистиц отклоняется от своей истории и становится ярким противником действий югославского правительства, актуальных для того времени (60-е годы), считая, что «пропаганда идеи единой боснийской нации имеет целью

парализовать процесс эволюции национального самосознания хорватов». Очевидно, Невистиц не верит в существование боснийской или мусульманской нации. Его работа содержит все характерные черты этой группы исследователей – антикоммунизм, антиюгославизм, антисербизм. По Невистицу, сербы якобы пронесли свои империалистические замашки сквозь века и вплоть до создания современной ему Югославии, где они «притесняют все другие национальности»⁵⁰.

В своей работе «Вопрос Боснии в Первой мировой войне» И.Богдан также обвиняет сербов в «имперских амбициях» в Боснии и находит этот «империализм» и в средние века, и в XIX в., уделяя в этой связи особое внимание известному внешнеполитическому плану Гарашанина «Начертание».

Единственно трудной для всех этих исследователей темой была роль хорватов во Второй мировой войне. Они пишут о героизме хорватских солдат и обвиняют сербов в убийствах невинных хорватских граждан, а затем приводят ложные сведения о хорватских потерях, но совсем избегают затрагивать роль хорватов как нацистских сподвижников. Однако даже измышления аргентинских исследователей-эмигрантов не идут ни в какое сравнение с некоторыми современными антисербскими публикациями, увидевшими свет в США. Например, как уже упоминавшаяся «Секретная сербская война: пропаганда и обман истории» Ф.Козна.

2. ЮГОСЛАВЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

2.1. До 1991 г.

Первые работы, посвященные исключительно боснийской истории, вышедшие как в самой Боснии, так и за ее пределами, относятся к периоду Великого восточного кризиса. Можно отметить, например, книгу хорватского историка Векослава Клайича «История сербского народа» (1882 г.). Автором первого историографического исследования о Боснии

является Иван Юкич, основатель первого боснийского научного журнала, в котором он и публиковал свои статьи, в частности, известный очерк «География и история Боснии» (1851 г.). В начале Восточного кризиса появились и другие работы, которые интересны тем, что были написаны жителями разных югославянских регионов и потому отражают различные взгляды.

После Берлинского конгресса Босния оказалась под протекторатом Австро-Венгерской империи. Далеко не все были довольны этим обстоятельством, поэтому во многих работах того времени фигурирует идея национального освобождения. Первым ученым, который взялся изучать роль края в Восточном кризисе, был Васо Пелагич, написавший в 1879 г. «Историю восстания в Боснии и Герцеговине», активным участником которого он являлся. В своей работе Пелагич попытался доказать, что Босния очень долгое время являлась политической игрушкой в руках Османской империи, и называл причины, по которым необходимо освободить страну от турецкого ига.

Среди наиболее крупных исследователей истории Боснии следует назвать Милана Прелога. Он опубликовал несколько работ, включая «Историю Боснии с древнейших времен до гибели королевства» и «Историю Боснии в период османского господства» (1912 г.), где наряду с политическими событиями (в частности, восстаниями) уделил также особое внимание историческим и культурным проблемам⁵¹.

В 1918 г. было образовано Королевство сербов, хорватов и словенцев, которое впоследствии получило название Югославия (1929 г.). С этой поры наука становится более структурированной. Большая часть специалистов были сконцентрированы в Белграде и Загребе, но и в других городах, например, в Нови-Саде, Любляне и Скопье, образовывались исторические общества и возникали научные журналы. Известный сербский историк из Герцеговины Владимир Чорович опубликовал первый обобщающий труд, посвященный истории всей Югославии. Он занимался

и историей родной для себя Боснии и Герцеговины, опубликовав, например, работу «Король Твртко I Котроманич». Тем не менее, исследования по Боснии уступают в количественном отношении работам по другим регионам Югославии⁵².

После 1945 г. Югославия начала преобразовываться в социалистическое государство, и политические изменения в стране самым тесным образом отразились на развитии исторической науки. Как всегда, история писалась, а подчас и переписывалась, по политическим мотивам. Было опубликовано бесконечное количество работ о героической партизанской борьбе. Политическая идеология того периода имела интересные последствия для боснийской историографии.

Многое было сделано для того, чтобы представить людей разных национальностей, населяющих Югославию, братскими народами. В результате после войны не было создано комиссии, которая стала бы разбираться в причиненных друг другу обидах. Национальные вопросы военного времени были загнаны внутрь и подавлены. Но подспудно они продолжали тлеть.

Во многих работах, опубликованных после войны, Югославия рассматривалась как единое целое. Среди книг, в которых изучались отдельные ее регионы, доминировали труды по сербской и хорватской истории. Постепенно, однако, появлялось все больше работ и по истории некоторых других, более малочисленных народов. Босния получила немалую пользу от повышения уровня грамотности ее населения и выделяемых государством субсидий на развитие экономически слаборазвитых республик. Публиковались работы по отдельным проблемам истории Боснии.

Самым известным боснийским историком был академик Милорад Экмечич. Его перу принадлежит, например, «История боснийского восстания 1875-78 годов»⁵³. В начале Боснийской войны серб Экмечич был арестован и избит в Сараево мусульманскими властями. Он чудом остался

жив и ныне работает в Белграде. Весь архив ученого в Сараево, собираемый десятилетиями упорного труда, погиб.

Когда в конце 1980-х годов страна начала распадаться, исторические труды приобрели иной характер. Они подчас теряли связь с реальностью, особенно, когда противоборствовавшие стороны начинали поднимать вопросы, не упоминавшиеся в течение десятилетий, такие, например, как количество убитых во время Второй мировой войны. Каждая сторона утверждала, что именно она пострадала больше всего. В это время число публикуемых работ достигло невероятных размеров.

2.2. После 1991 г.

Даже по сравнению с западной историографией, количество работ, вышедших в Югославии во время военного кризиса, просто огромно. Многие из них являются чистой пропагандой. Несмотря на то, что эти работы представляются сомнительными с научной точки зрения, они, тем не менее, весьма важны, потому что, во-первых, отражают существовавшие в тот период направления мысли (не все из которых можно отнести к экстремистским), а, во-вторых, нельзя недооценивать причиненный ими вред. Кроме того, авторами многих воспоминаний и очерков являлись непосредственные участники событий, которые привели к распаду Югославии и последовавшей вслед за этим кровавой бойне. Информация, полученная из этих источников, представляется весьма ценной.

Разумеется, мемуары нельзя считать объективными источниками. Их создатели стараются представить себя такими, какими бы они хотели остаться в памяти других людей. Но даже этот факт до некоторой степени оказывается полезным, потому что таким образом можно понять, какую цель преследует автор и как он оценивает свою деятельность.

Так, в книгах видных словенских политиков Янеза Янши «Создание государства Словения в 1988-1992 годах: распад Югославии»⁵⁴ и Янеза

Дрновшека «Югославская война: моя правда» выражена точка зрения авторов на давление, оказываемое на словенцев в последние дни существования социалистической Югославии, и на ту роль, которую Словения играла в начале гражданской войны.

Все же следует заметить, что взгляды этих двух авторов существенно различаются. Дрновшек утверждает, что идея независимости давно завладела умами словенцев и сплотила их, а он просто подчинился воле большинства. Янша же делает основной упор на те разногласия между словенцами, которые были в связи с борьбой за независимость. Тем не менее, оба единодушно обвиняют в возникшем конфликте сербское руководство, так как, по словам Дрновшека, сепаратистские настроения среди словенцев «были вызваны растущим беззаконием со стороны сербских властей»⁵⁵.

Распад Югославии и война за независимость Хорватии также отражены в мемуарах некоторых из ключевых фигур того времени. Среди них назовем следующие сочинения хорватов: Здравко Томац «Борьба за независимость Хорватии ... сквозь ад к демократии»⁵⁶, Даворин Рудолф «Война, которую мы не хотели: Хорватия в 1991 году»⁵⁷, Степан Месич «Как мы разрушили Югославию»⁵⁸, Мартин Шпегель «Военные воспоминания»⁵⁹ и сербов: Велько Кадиевич «Мое видение распада»⁶⁰, Борислав Йович «Последние дни СФРЮ: отрывки из дневника»⁶¹.

Член Президиума СФРЮ Йович в своей книге, написанной в форме дневника, приводит разговоры, которые велись ежедневно в высших политических кругах в последние дни существования единого государства. Из работ Томаца, Шпегеля и Месича ясно видно, что представители руководства Хорватии имели далеко не единую точку зрения. Месич и Шпегель весьма критично относились к Туджману (хотя и по разным причинам).

Томац, как правило, позитивно отзывается о Туджмане, хотя и отмечает, что было бы лучше, если бы Хорватия смогла избежать

конфликта с боснийскими мусульманами во время войны в Боснии. Он утверждает, что политика Туджмана была весьма умеренной (!?) и отрицает тот факт, что боеприпасы намеренно не поставлялись в Вуковар, как заявляли многие. В книге также говорится об обращении хорватского руководства к Михаилу Горбачеву с просьбой помочь одержать верх над Сербией, а также приводится весьма далекое от правды заявление сербских властей, что хорватские войска (да, хорватские!) производят значительные разрушения в Дубровнике в то время как ЮНА «сделает все возможное, чтобы сохранить в неприкосновенности этот исторический центр»⁶².

Месич гораздо сильнее критикует Туджмана, а Шпегель даже обвиняет его в преступной халатности и коррупции. Последняя точка в обвинении против Туджмана, как оказалось, была поставлена им самим в сохранившихся магнитофонных записях. В феврале 2000 г., когда Степан Месич стал президентом Хорватии, он сделал ряд удивительных открытий в президентском дворце в Загребе, например, обнаружил отключенную к тому моменту телефонную линию, которая напрямую соединяла Туджмана и Милошевича. Были найдены 830 магнитофонных лент с записанными на них 17.100 разговорами. Казалось, историк по своей гражданской специальности Ф.Туджман был одержим идеей сохранить для истории все разговоры, происходившие во дворце!

Результаты расшифровки записей оказались губительными для репутации первого хорватского президента. Они показывают, что Туджман со своим сербским коллегой планировал раздел Боснии и отпускал по этому поводу плоские шуточки. Так, например, он говорил, что мусульманам отведут маленький клочок земли, который предлагал назвать Мусульманией⁶³. Эти магнитофонные записи были опубликованы, и они, как никакой другой источник информации, раскрывают всю степень коррупции в Хорватии в 1990-е годы.

Многие из вышеперечисленных мемуаров отражают сербскую и хорватскую точки зрения на войну. Но также существует несколько

сочинений, которые представляют мнение мусульман по этому поводу. Особенно важными среди них являются следующие: Алия Изетбегович «Воспоминания: автобиографические записки»⁶⁴, Сефер Халилович «Хитрая стратегия»⁶⁵, Мухамед Филипович «Я был дипломатом Алии»⁶⁶.

Из вышеперечисленных работ книга Халиловича являлась самой противоречивой и не раз подвергалась яростным нападкам со стороны Месича, Шпегеля и других. Халилович со своей стороны столь же яростно критикует Изетбеговича, обвиняя его в том, что он не искренне поддерживал идею многонациональной Боснии и тайно стремился к разделению страны. Мотивы обвинений Халиловича боснийского руководства носят и личный характер. В июле 1993 г. он написал письмо правительству Боснии, в котором выразил сомнения в законности некоторых действий, которые Изетбегович собирался предпринять. Вскоре после этого дом Халиловича был взорван, а его жена и сын убиты. Халилович подозревает в этом боснийское правительство.

Со своей стороны, руководитель боснийских мусульман А.Изетбегович в своих мемуарах очень редко упоминает Халиловича, бывшего командующего боснийской армией. Тем не менее, Изетбегович все же говорит о военном времени, подчеркивая, что его целью якобы всегда была защита терпимой, светской, многонациональной Боснии.

Другие боснийские работы не были столь автобиографичны и в них затрагивались более общие темы, поднятые в связи с войной. Русмир Махмутчехаич в книге «Ответ Боснии»⁶⁷ пытается решить проблемы, стоящие перед Боснией и ее гражданами в послевоенное время. Мухамед Филипович в своем труде «Проблема ответственности за войну в Боснии и Герцеговине в 1992-1996 годах» пытается осознать причины войны и полностью перекладывает вину на плечи сербов⁶⁸. Одно из наиболее фундаментальных исследований по войне в Боснии, опубликованное одновременно в Сараево и Загребе, называется «Война в Хорватии и

Боснии и Герцеговине. 1992-95 гг.» и является сборником выступлений участников событий на специальной конференции⁶⁹.

В книге хорватского деятеля Хрвое Шаринича «Все мои секретные переговоры со Слободаном Милошевичем в 1993-95 годах»⁷⁰ излагаются и некоторые детали событий в Боснии. Его мнение представляет собой нечто среднее между взглядами Халиловича и Изетбеговича: он утверждает, что последний стремился создать в Боснии единое (а не разделенное) исламское государство и поощрял фундаментализм. Оставили воспоминания и боснийские сербы. Например, бывший министр иностранных дел Республики Сербской А.Буха опубликовал сборник своих статей, заявлений, интервью под названием «Аргументы за Республику Сербскую»⁷¹.

Вышеназванные мемуары и очерки, разумеется, являются не единственными работами, появившимися за последние годы. Много книг было напечатано в Хорватии о «войне за родную землю». Одни из них были объективными, другие – относились к слащавой пропаганде Туджмана.

Подобные вещи печатались и в Сербии. Некоторые из сербских работ, как, например, книги Драгана Джамича «Сумерки войны в Боснии»⁷² и Милоша Кнежевича «Хаос на Балканах»⁷³, описывают в основном ситуацию в Боснии. Писатель Славолуб Джукич, бывший друг Милошевича, опубликовал несколько книг (одна из них называется «Между славой и анафемой: политическая биография Слободана Милошевича»⁷⁴), в которых обвинял сербского лидера в том, что тот лишь делал вид, что хотел сохранить Югославию, а на самом деле уже мысленно рисовал карту Великой Сербии. Распад Югославии подробно описан в книге «Сербская сторона войны» под редакцией Небойши Попова⁷⁵. Это сборник очерков, в которых представлены работы многих авторитетных сербских ученых, например, Латинки Перович. Темы статей варьируются от средств массовой информации до футбольных хулиганов.

Также было выпущено много пропагандистских работ, представляющих сербскую сторону. Хорошим примером подобных произведений является сборник статей (во многих из которых изображаются разъяренные люди, держащие в руках лозунги на арабском языке), озаглавленный «Босния и Герцеговина: великая ложь»⁷⁶. Наконец, следует заметить, что многие из явно пропагандистских работ того времени можно найти и за пределами бывшей Югославии, в частности в Албании. В 1990-х годах там было издано немало книг, в которых сербы обвинялись во всех смертных грехах. Те же, кто не знает албанского языка, могут прочитать эти книги на английском. К примеру, данная позиция четко прослеживается в работе Мета Хакхла Метули⁷⁷.

Не приходится сомневаться, что пройдет еще немало времени, прежде чем появятся работы сербских, хорватских, мусульманских или албанских историков, которые описывали бы войны на территории бывшей Югославии с более или менее объективных позиций.

3. РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Подобно западной и югославской историографии, российские работы по бывшей Югославии начали появляться, в основном, лишь в XIX в. Первым народом, обратившим на себя внимание российских исследователей, оказались сербы.

В 1850 г. выдающийся ученый А.Ф.Гильфердинг напечатал серию работ под названием «Письма об истории сербов и болгар», в которых написал о древней истории этих народов. Его труд получил широкое признание и был переведен на сербский и немецкий языки. В 1860 г. была опубликована другая книга Гильфердинга «Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии», которая содержала информацию о религиозных верованиях и традициях славян, живших на территории Османской империи. За этими работами последовали книги Н.А.Попова, издавшего, в частности, труд «Россия и Сербия», в котором автор рассуждал о

взаимоотношениях между двумя странами в современный ему период. Кроме того, Попов написал первую большую работу по Боснии – «О положении райи в современной Боснии». Эти труды представляли, так сказать, славянофильскую точку зрения на южных славян.

После революции 1917 г. тон исторических исследований и проблематика, затрагиваемая в них, кардинально изменились. В период между мировыми войнами книг по Югославии в СССР было написано немного. Большинство работ того времени фокусировали внимание на коммунистических партиях разных стран, революционных движениях и т.п. Работа жившего в России лидера болгарских коммунистов Г.Димитрова «Ленин и революционное движение на Балканах» (1924 г.) дает общее представление о проблематике данного периода.

После Второй мировой войны изучение Югославии в СССР пережило свои взлеты и падения. Разрыв Тито со Сталиным спровоцировал волну антиюгославской пропаганды, которая прекратилась после возобновления межгосударственных отношений. В конце 1950-х и в течение 1960-х годов начали появляться работы по истории южных и западных славян, где Югославии (включая и Боснию) были посвящены большие разделы. В 1963 г. в Институте славяноведения была опубликована 2-х томная «История Югославии».

В течение всего советского периода многие ученые продолжали работать над изучением Югославии. Однако по истории собственно Боснии в этот период выпускается немного работ, особенно по сравнению с многочисленными трудами по Сербии, Хорватии и Югославии в целом⁷⁸. Тем не менее, можно назвать, монографию Д.Ф.Поплыко «Васа Пелагич и Россия» (1983 г.), статьи Е.К.Вяземской⁷⁹ и некоторых других исследователей.

Как и везде, количество работ, выпускаемых в России по Югославии (а особенно по Боснии), начало увеличиваться во время распада страны, что не будет казаться странным, если принять во внимание долгую

историю участия России в балканском вопросе. Российские ученые из Института славяноведения, а также ряда других институтов отразили основные этапы кризиса в работах обобщающего характера, а также в статьях, опубликованных на страницах не только научных, но и общественно-политических журналов и газет. Это стало новым явлением в России, где раньше историки довольно редко комментировали в СМИ актуальные политические события.

Автором большого количества работ, посвященных югославскому кризису, является Е.Ю.Гуськова. В основном эти работы вошли впоследствии в ее обширное исследование «История югославского кризиса»⁸⁰. Гуськова возглавляет Центр по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН, который издал несколько сборников документов, посвященных событиям на постюгославском пространстве⁸¹. Одним из первых анализ югославского кризиса предпринял бывший директор Института славяноведения РАН, член-корреспондент РАН В.К.Волков в своей монографической статье «Трагедия Югославии»⁸². Книгу «Между Кремлем и Республикой Сербской», посвященную завершающему этапу Боснийского кризиса, написал нынешний директор этого института К.В.Никифоров⁸³. Следует отметить также книгу С.А.Романенко «Югославия: кризис, распад, война и образование независимых государств»⁸⁴.

В то же время появлялись более популярные труды, авторы которых стремились представить обзор истории современной Югославии с тем, чтобы попытаться найти причины конфликта. Среди них труды историков Н.Васильевой и В.Гаврилова «Балканский тупик»⁸⁵; А.Задохина и А.Низовского «Пороховой погреб Европы»⁸⁶, журналистки К.Мяло «Россия и последние войны XX века»⁸⁷, парламентария Н.Рыжкова и помогавшего ему журналиста В.Тетекина «Югославская Голгофа»⁸⁸. Увидела свет книга «Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества» военнослужащих Ю.Морозова, В.Глушкова и

А.Шаравина⁸⁹, которые обобщили свой опыт участия в миротворческих операциях в Боснии, опубликованы воспоминания российских миротворцев⁹⁰ и добровольцев, воевавших на стороне боснийских сербов, например, «документальный роман» М.Поликарпова «Русская сотня. Наши в Сербии»⁹¹.

Мы перечислили лишь книги, вышедшие в последнее время и так или иначе связанные с Боснийской войной. Еще более оперативно появлялись статьи, которые часто были откликами на те или иные события в бывшей Югославии. Так, начало Боснийского кризиса получило отражение в статьях Г.Энгельгардта «Россия и Боснийский кризис, 1992 год. Формирование подхода к урегулированию» и «Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция»⁹², а завершение войны после Дейтонских соглашений – в ряде исследований российских ученых: Л.Тягуненко «Уроки Дейтонского соглашения»⁹³, П.Кандель «Сможет ли Босния и Герцеговина существовать в Дейтонском формате»⁹⁴, В.Милованов и Н.Куликова «Дейтонское соглашение: достижения, просчеты, перспективы»⁹⁵. В основном, авторы этих публикаций критично относятся к мирному соглашению. Помимо публикации многочисленных книг и статей, в Москве проводились конференции, на которых рассматривался кризис на Балканах и обсуждалась роль России в его урегулировании.

Проблематика роли и влияния СМИ на события в Боснии в российской литературе специально не изучалась. Она нашла свое отражение лишь эпизодически в других работах⁹⁶. В то же время эта проблема стала для России весьма актуальной в связи с военными действиями в Чечне и их отражением в прессе.

* * *

При обзоре литературы по Балканам и Боснии с самого начала поражают огромные «провалы» в изучении проблемы. Программы, направленные на изучение балканского вопроса, находятся в зачаточном

состоянии, а исследовательские центры, занимающиеся этой проблематикой в западных университетах, лишь начинают развиваться. На Западе нет такого разнообразия научных работ на эту тему, как, например, в России. Литература по данной проблеме, в основном, посвящена политической ситуации, сложившейся в XX в.

Изучение Боснии до 1875 г. сводится к минимуму. Во многих работах, вышедших в XX в., Босния рассматривается лишь как часть Югославии и одна из шести югославских республик после 1945 г. Поэтому информацию о Боснии приходится искать в трудах, посвященных общему обзору балканского вопроса или Югославии.

Те немногие книги, написанные непосредственно о Боснии, в основном, касаются той особенности, что на ее территории сформировалась европейская мусульманская нация. Это, разумеется, достойный предмет для обсуждения, но, тем не менее, все другие национальности, проживающие в Боснии, оказались забыты. Кроме того, западная литература, как правило, имеет антисербскую направленность.

Если даже западная историография во время «холодной войны» ощущала на себе влияние политики, то югославская и российская научная литература, тем более, не избежали этого. Темы, на которые могли писать югославские ученые в социалистический период, были несколько ограничены. Еще более ограничены в своих исследованиях были советские историки, особенно после конфликта 1948 г.

В Югославии, в частности, вплоть до смерти Тито тщательно избегали раскрывать истинное положение дел в национальном вопросе. После того, как эти ограничения исчезли в конце 1980-х годов, появились новые негласные правила. Как следствие, работы имели, в основном, патриотический и даже националистический характер, история Югославии и населяющих ее народов освещалась с точки зрения каждой отдельной нации. В результате работы, опубликованные на Балканах за последние десять лет, очень трудно назвать объективными.

Вне сомнения, сменится одно или два поколения югославянских историков прежде, чем историография по бывшей Югославии получит ту глубину и объективность, с которой обычно изучается родная история в других странах. Во многом это относится и к иностранным историкам, изучающим бывшую Югославию. Более объективные работы можно ожидать только тогда, когда события в этом регионе перестанут быть столь политически актуальными.

Что касается российских историков, то они после нормализации отношений СССР и Югославии довольно активно и плодотворно изучали историю этой страны и ее народов. Тем не менее, их работы, особенно по проблемам современности, подвергались цензуре даже больше, чем работы их коллег на Балканах. Это очень влияло на выбираемые для изучения темы и на угол зрения, под которым они рассматривались. С начала 1990-х годов после отмены цензуры в России увидело свет множество работ по югославской проблематике. Однако, как и на Западе, в них в основном, обсуждается кризис 1990-х годов. Эти работы также подверглись влиянию политики. Многие из них можно в той или иной степени назвать «просербскими». Хотя были и работы, авторы которых разделяли западную, а значит, преимущественно антисербскую позицию.

ГЛАВА II. РОЛЬ СМИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

1. ПОЯВЛЕНИЕ ПРЕССЫ

Если рассматривать появление средств массовой информации в общем, то можно утверждать, что оно приходится на времена, когда еще не существовало Римской империи. Тем не менее, считается, что первой изданной газетой была газета «Нойвэ Тиеденгхен» («Nieuwe Tijdinghen»), которая появилась в 1605 г. в Антверпене. Слово «журналист» пришло в язык в середине XVII в. В XIX в. появлялись газеты, которые выглядели как те, что мы читаем сегодня, например, «Лондон Дэйли Универсал Регистер» («The London Daily Universal Register»), переименованная в 1788 г. в «Таймс» («The Times») и обладавшая реальным политическим весом⁹⁷.

Идеология того времени находилась под сильным влиянием настроений Американской революции и делала акцент на важность «гражданского общества». В основе этой идеологии находились понятие разделения властей и представление о том, что для формирования подлинного, демократического правительства требуется постоянный диалог между избирателем и властью. Необходимым средством для осуществления подобных взаимоотношений стали газеты, которые отражали настроения в гражданском обществе и предоставляли место для ведения дискуссий по социальным и политическим проблемам⁹⁸.

Подобная связь между демократией и независимой прессой поддерживается конституциями многих западных стран уже на протяжении многих лет. Английский Билль о правах (The English Bill of Rights) в 1689 г. гарантировал свободу слова в парламенте, указывая на то, что «это право и эта свобода существуют с давних времен»⁹⁹. Французская Декларация прав человека и гражданина (La Declaration des droits de l'homme et du citoyen) в 1789 г. в этом отношении пошла дальше, провозглашая, что «поскольку свобода слова является одним из самых

важных прав человека, каждый гражданин имеет право свободно изъясняться письменно и устно, и нарушение этого права влечет за собой ответственность, установленную конституцией»¹⁰⁰. В 1791 г. американский Билль о правах (The American Bill of Rights) в первом пункте провозгласил, что «конгресс не имеет права издавать закон об установлении государственной религии, тем самым накладывая запрет на свободу вероисповедания; конгресс не имеет права ограничивать свободу слова и печати; конгресс не имеет права запрещать людям свободно проводить мирные собрания и подавать в правительство жалобы и ходатайства о возмещении морального или материального ущерба»¹⁰¹.

Позже эти права были зарегистрированы в многочисленных документах разных стран. По крайней мере, как в мирное, так и в военное время на словах провозглашалась приверженность свободе прессы. Например, в своем известном обращении к конгрессу в 1941 г. Франклин Рузвельт заметил, что «никогда ранее американская безопасность не находилась под такой угрозой, под которой оказалась теперь», что у человека существует, по крайней мере, четыре неотъемлемых права и их необходимо защищать. Первой «основной свободой человека во всем мире», он назвал, «свободу слова и средств выражения»¹⁰².

Несмотря на то, что принципы независимости СМИ формировались в эпоху Просвещения в Западной Европе, сегодня было бы ошибочным утверждать, что эти принципы являются чисто западными. В 1948 г. в статье 19 «Всеобщей декларации прав человека» новообразованной ООН провозглашалось, что «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ»¹⁰³. Таким образом, правительства стран предприняли попытку сделать свободу слова и, следовательно,

свободу СМИ одними из основных универсальных положений международного законодательства.

Отдавая отчет в том, что данный закон является обязательным для исполнения для всех стран, в 1991 г. ООН намеренно выбрала для провозглашения Декларации о свободе и независимости СМИ город Виндхук в Намибии. Несмотря на то, что документ, который был выработан конференцией, назывался «Виндхукской декларацией содействия независимой и плюралистичной африканской прессы» (The Declaration of Windhoek on Promoting an Independent and Pluralistic African Press), в нем затрагивались проблемы, касающиеся всего мира. На сегодняшний день под Виндхукской декларацией 1991 г. подписались многие страны, и данный документ рассматривается в международном законодательстве как основное положение по проблемам СМИ¹⁰⁴.

2. СМИ В ПЕРИОД ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

На бумаге свобода слова и свобода СМИ выглядят как достойные всякого одобрения. Однако, как указывает Французская декларация, эти права не являются неограниченными. В случае злоупотреблением этими свободами законом предусмотрена ответственность. Кроме того, случается, что правительства в форс-мажорных ситуациях вносят поправки к конституции или законам, касающиеся свободы слова и СМИ. Поводом для внесения таких поправок является, в частности, военное время.

Несмотря на то, что многочисленные войны случались и в XVIII, и в начале XIX в. и надлежащим образом комментировались в прессе, лишь в середине XIX в. освещение военных действий в СМИ стало признаваться отдельным жанром. Это произошло в большей степени благодаря технологическому прогрессу, который стал следствием промышленной революции. В 1851 г. в Лондоне Рейтер основал первое мировое агентство новостей. В основе его работы была телеграфная система, которая

позволяла новостям перемешаться достаточно быстро для того, чтобы успеть оказать влияние на принятие тактических и политических решений.

Вильям Ховард Рассел из «Таймс» стал первым журналистом, который во время Крымской войны (1853-1856) был известен как «военный корреспондент»¹⁰⁵. Способ подачи Расселом информации о войне пользовался большой популярностью и тем самым для военных обозревателей служил примером, как нужно писать. Даже сегодня многие военные корреспонденты ставят Рассела в пример для подражания. Это был «строгий, тщательно продуманный стиль ... обозревателя событий, а не участника». Считается, что он «бескомпромиссно боролся за правду и верил в то, что общество может стать здоровым и справедливым только в том случае, если у него есть независимая, разборчивая и бесстрашная пресса»¹⁰⁶. Тем не менее, сам Рассел не был удовлетворен своей работой и называл себя не иначе как «несчастный вожак несчастливого племени»¹⁰⁷. С тех пор подача сенсационной новости как можно более быстро, кратко и понятно стала одним из главных ориентиров при освещении военных действий.

По всей вероятности, можно рассматривать Гражданскую войну в Америке (1861-1865) как первую большую войну, в которой сражалась образованная демократия. И хотя эта междоусобица началась спустя пять лет после Крымской войны, в том, как работала пресса, можно было наблюдать большие отличия. Во время Крымской войны Рассел был единственным действительно военным корреспондентом, тогда как во время Гражданской войны в Америке только освещающих военные события со стороны северян насчитывалось 500 человек!¹⁰⁸ В этот период газеты начали осознавать коммерческую выгоду от подобной информации. Основные газеты северян увеличивали тираж после каждого важного сражения¹⁰⁹.

К началу Франко-прусской войны (1870-1871) военные корреспонденты уже стали кастой профессионалов, конкурирующих друг с

другом: кто быстрее напишет заметку и донесет ее до читателя¹¹⁰. И хотя содержание информации, вероятно, было важным для издателя, можно с уверенностью говорить, что к тому времени главной составляющей успеха журналиста была скорость подачи материала.

Подобное развитие технологий заставило пересмотреть роль прессы, особенно в военный период. Несмотря на то, что одним из основных принципов западной демократии, как упоминалось выше, является право средств массовой информации действовать вне зависимости от правительств или цензуры, всегда существуют исключения из правил. Военные многих стран часто призывают к признанию подобных исключений во время вооруженных конфликтов. По всей вероятности, чтобы предотвратить попытки СМИ помешать своим стратегическим планам или не дать журналистам поставить под угрозу вопрос национальной безопасности¹¹¹.

В данной связи важно отметить, что карьера журналиста зависит от его/ее информации или от источников этой информации. Без этого не появилось бы ни одного репортажа. Также существует расхожее мнение о том, что журналист никогда не должен рисковать своими источниками информации. Эти две фундаментальные «истины» журналистики зачастую противоречат друг другу в военное время. Как правило, источником информации для журналиста в этот период становятся военачальники¹¹². Однако всегда существует риск, что сообщаемая журналистом информация может подвергнуть источники этой информации большой опасности.

Эта проблема возникла во время Гражданской войны в Америке, когда генерал-майор армии северян Вильям Шерман безуспешно пытался остановить появление статей, в которых подробным образом описывалось сожжение Атланты. Шерман утверждал, что «эти писаки одержимы бесстыдством сатаны. Они проникают в лагерь, сплут между бездельниками, разведывают последние лагерные сплетни и потом выдают

их за реальные факты. Они просто чума, я бы рассматривал их как шпионов, которыми, в сущности, они и являются. Если бы я их всех истребил, на следующее утро перед завтраком были бы уже свежие новости из ада»¹¹³.

С этого времени военные стали строго следить за тем, чтобы военная информация хранилась в строжайшем секрете от СМИ. Так, в целях сохранения национальной безопасности генералы часто призывают свои правительства к выработке инструкций, которые бы неукоснительно исполнялись в военное время. Дебаты по этому вопросу стали наиболее ожесточенными в конце XIX в., и в 1891 г. была принята Гагская конвенция по правилам поведения в военное время, которая предприняла попытку некоторым образом урегулировать действия средств массовой информации в зонах военных конфликтов. Согласно этой конвенции, аккредитованные и зарегистрированные журналисты получили статус «нестроевых солдат» в рядах армий. Некоторые страны, например Великобритания, пошли дальше и накануне Второй мировой войны издали законы, четким образом ограничивающие возможности СМИ во время ведения военных действий¹¹⁴.

Одним из принципов, которым руководствовались те, кто отстаивал принятие законов, ограничивающих права средств массовой информации во время войны, был принцип национальной безопасности. Наравне с ним к концу XIX в. был распространен и другой. Дело в том, что в это время существовало опасение, что журналисты и редакторы газет имели большое влияние в политических кругах и что медиа-бароны обладали неограниченной властью над правительствами.

На рубеже веков этот аргумент выглядел вполне правдоподобным, поскольку, например, американский газетный магнат Вильям Рандольф Херст (чья жизнь стала легендой благодаря классическому фильму «Гражданин Кейн») приложил немало усилий, чтобы в 1898 г. спровоцировать Испано-американскую войну. В его газете, «Нью-Йорк

Джорнал» («The New York Journal»), он не раз активно выступал против Испании за военное вторжение на Кубу¹¹⁵. Например, когда Херст получил телеграфное сообщение от своего фотокорреспондента в Гаване, сообщавшего: «...все спокойно. Здесь все тихо. Войны не будет. Разрешите вернуться», он ответил: «Пожалуйста, оставайтесь. Ваша задача дофотографировать, ну а уж я довершу войну»¹¹⁶.

В то же время конкурент Херста, не менее легендарный Джозеф Пулицер призывал к войне, публикуя в своей газете «Нью-Йорк Уорлд» («The New York World») статьи, рассказывающие о зверствах испанцев против местного кубинского населения: «Кровь на улицах, кровь на полях, кровь на лестницах домов, кровь, кровь, кровь!.. Есть ли на белом свете такая благоразумная и бесстрашная нация, которая бы помогла этой стране выбраться из кровопролития?»¹¹⁷.

Подобные статьи можно квалифицировать не иначе как провокацию, которая в результате достигла своей цели: США начали войну против Испании, помогая Кубе завоевать независимость. Цена была высокой: Соединенные Штаты вынудили новообразованное государство согласиться принять «Поправку Плата», в которой говорилось, что Америка имеет право вторгаться с вооруженными силами на территорию Кубы, когда посчитает это необходимым. Тем не менее, неудивительно, что многие относятся к эпохе Херста и Пулицера как к «золотому веку» военных репортажей, к периоду, когда новые технологические достижения препятствовали силам правительств вырабатывать новые средства контроля¹¹⁸. Интересно отметить, что спустя ровно сто лет вновь будут высказываться те же аргументы против средств массовой информации, что и в конце XIX в.

Если в западных странах роль СМИ в военное время была предметом интенсивных дискуссий, то в Советском Союзе и Восточной Европе ситуация была намного проще. В этих странах все формы СМИ были государственными. Они считались инструментом власти и средством

пропаганды, и поэтому контроль над ними являлся обязательным. В середине 1980-х годов редактор «Правды» разъяснял данную позицию тем, что в Советском Союзе все люди объединены вокруг правительства, и они просто решили поручить ему управлять СМИ. Независимые пресса и телевидение не нужны, поскольку любые точки зрения, являющиеся противоположными взглядам правительства, были бы искусственными и, следовательно, не отражающими интересы народа¹¹⁹.

И коль скоро государство доминировало над СМИ в мирное время, то во время конфликтов это тем более было так. Это было подмечено еще в 1929 г. советским военачальником и военным теоретиком В.К.Триандафилловым в его работе «Специфика и операции современных армий». Триандафиллов считал, что советской пропаганде, по сравнению с ее западным аналогом, будет проще работать, поскольку она основывается на правде и достоверных фактах¹²⁰. Для тех, кто мог бы уклониться от этого принципа, рядом с Парком Горького в Москве висел неоновый знак, напоминающий, что «Советская пресса – сильнейшее оружие ленинизма!»¹²¹.

Однако правительства и военачальники на Западе также осознавали, что СМИ как орудие пропаганды могут сыграть исключительно полезную роль в военное время. Остается спорным вопрос, могут ли СМИ вообще функционировать со всей полнотой и не подвергаться цензуре? Становится ясным тот факт, что СМИ постоянно являются зависимыми от различных групп, которые всяческими способами стремятся к тому, чтобы были представлены их интересы. Зачастую в результате такого влияния СМИ становились ориентированными в определенном политическом направлении. В военное время давление на СМИ многократно увеличивается.

Наиболее наглядно это показали Первая и, особенно, Вторая мировые войны. СМИ оказались под контролем правительств, а журналисты, стремившиеся показать свой патриотизм и внести посильный

вклад в борьбу с врагом, часто подвергали себя самоцензуре. Во время двух мировых войн не раз можно было наблюдать, как сплачиваются народы в борьбе за выживание. Во всех сферах общества людей объединяла одна цель и общие государственные интересы.

Во время Первой мировой войны французы, англичане, русские, немцы – все относились к журналистам с большим недоверием¹²². Британское правительство было против работы журналистов на обеих сторонах фронта, заявляя, что любой корреспондент, передвигавшийся по линии фронта вражеских войск, будет убит как немецкий шпион. Вскоре этому примеру последовало немецкое правительство. К журналистам на Восточном фронте применялись и того более строгие меры: у них не было приемлемых условий для работы, возможности собрать необходимый материал, так как им крайне редко позволялось бывать на линии фронта. Как однажды заметил Филипп Гиббз из «Дейли Телеграф» («Daily Telegraph»): «для того, чтобы придушить журналистику, достаточно было одного быстрого удара военной цензуры»¹²³.

Тем не менее, во время Первой мировой войны журналистам удавалось избегать препятствий. В период Второй мировой войны отношение к журналистам резко изменилось. Западные журналисты получили офицерское обмундирование (кстати, как и советские), хотя им и не разрешалось носить оружие. В случае если журналист оказывался военнопленным, его приравнивали к офицеру. Журналистам предоставлялся ряд привилегий, включая проживание в лучших отелях, высококачественное питание и др. Взамен от них ожидали, что они будут в высшей степени самокритичными. С позиций сегодняшнего дня эта самоцензура могла бы быть расценена как тревожная¹²⁴.

Подобное чувство единения и взаимосоотрудничества прессы и правительства сохранилось на протяжении длительного периода «холодной войны» по обеим сторонам «железного занавеса». Однако в США это сотрудничество встретило ряд больших проблем во время войны

во Вьетнаме, когда некоторые политики и военные чиновники постоянно задавались вопросом, на чьей стороне находятся СМИ¹²⁵. С окончанием «холодной войны» и произошедшими революциями в технологиях, отношения между СМИ и военными изменились навсегда.

3. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

За последние 150 лет быстрое развитие СМИ происходило за счет постоянного развития технологий. Анализируя процесс эволюции технологий за этот период, можно выделить пять основных изобретений, каждое из которых коренным образом повлияло на развитие масс-медиа. Первым, и по многим параметрам наиболее противоречивым технологическим новшеством, был телеграф. С момента его изобретения в 1843 г. и первого использования в Крымской войне телеграф был поводом для многочисленных дискуссий по поводу того, нужен ли он журналистам или нет. Многие расценивали его как угрозу безопасности и негативную силу, которая может снизить качество журналистики.

Размышляя на эту тему, «Лондон Спектейтор» («The London Spectator») сокрушался, что «ради информации мир сузился до размеров деревни. Все люди должны думать обо всем, в одно и то же время; должны рассуждать о несовершенной информации, практически не имея времени для рассуждений». Далее в газете говорилось, что «постоянная диффузия разного рода заявлений в обрывочных сведениях, постоянное возбуждение чувств на непроверенных фактах, постоянное стремление сформировать поспешные или ошибочные мнения, в конце концов, надо полагать, ухудшают способность к пониманию всех тех, на кого направлена работа телеграфа»¹²⁶.

Не будет ошибочным утверждать, что подобные заявления, несомненно, должны быть напоминанием для тех, кто сейчас выступает против развития Интернета. Однако скорость работы телеграфа оказала влияние на то, что новости стали качественно отличаться новизной и

незамедлительностью подачи. Это способствовало преобразованию военной новостной информации в отдельный жанр. Но с другой стороны, это питало рост новой бульварной журналистики, для которой драмы и сенсации войны стояли выше правды и достоверности¹²⁷.

Вторым важным событием в развитии технологий СМИ стало изобретение фотографии. Если Рассел был первым военным корреспондентом, то первым военным фотографом следует признать Роджера Фентона¹²⁸. Несмотря на то, что первые военные фотографии, сделанные в период Крымской войны, были непрофессиональными и изображение на них – нечетким, они были первым шагом в формировании этого стремительно развивающегося жанра. В отличие от телеграфа, который был незаменимым средством из-за своей скорости, фотография имела несколько отличный эффект: она придавала войне наглядность, показывая драматизм событий и человеческих судеб.

Однако, как и в случае с телеграфом, появление фотографии вызывало ряд противоречий. Так, многие справедливо считали, что фотография является прекрасным средством манипуляций с целью пропаганды. Однажды Фентон заметил, что когда «камера не лжет прямо, она может лгать по упущению»¹²⁹. К началу войны в Боснии, фотографии лгали напрямую: порой одни и те же фотографии с изувеченными телами появлялись как в сербских, так и в хорватских или мусульманских газетах. Надписи под этими фотографиями были, естественно, разными.

Следует заметить, что хотя появление хроникального кинематографа находилось в некоторой степени в центре внимания в начале XX в. и помогло сделать Англо-бурскую войну первой настоящей «медиа-войной», его размах с трудом можно назвать революционным и сравнить с таким событием, как, например, изобретение радио. Несмотря на то, что ВВС в 1930-х годах тратило большие средства на экспериментирование с этим средством массовой информации, оно стало популярным только во время Второй мировой войны. Еще раньше как средство пропаганды было

приспособлено радио. Поэтому такие программы, как передача «Говорит Германия!», использовалась разными сторонами для ведения радиопропаганды против врага¹³⁰.

Радио оставалось важным средством массовой информации и пропаганды и во время «холодной войны». Многие представители интеллигенции в восточноевропейских странах с большим вниманием следили за передачами западных радиостанций, чтобы оставаться в курсе событий, которые происходят в политической жизни их стран и мира. Подобную борьбу времен «холодной войны» можно наблюдать и по сей день, так как правительство Фиделя Кастро и Кубинско-американское сообщество в Майами нередко используют друг против друга радиопропаганду.

С появлением двух других достижений научно-технического прогресса во второй половине XX в. роль СМИ изменилась навсегда. Первое – телевидение – появилось в 1960-х годах и сразу стало главным конкурентом газеты как основного источника информации. После войны во Вьетнаме во многих странах военные стали проявлять большую озабоченность по поводу того, как они выглядят в СМИ и какие меры можно предпринять, чтобы взять масс-медиа под свой «эффективный» контроль.

Доказательством тому может служить тот факт, что в сентябре 1995 г., когда у командующего армией боснийских сербов Ратко Младича оставалось немного шансов на удачу, он предпринял последнюю отчаянную попытку, выступив с обращением к миротворцам ООН (СООНО или UNPROFOR). Ратко Младич пообещал, что будет сопротивляться вторжению сил ООН в любой форме и устроит им «второй Вьетнам». Младичу не удалось реализовать свои угрозы, однако значительным остается тот факт, что он вспомнил про Вьетнам.

«Вьетнам» является важным ключевым словом к пониманию отношений правительств Запада к СМИ в военное время. В период войны

во Вьетнаме оказалось, что одна из самых больших и влиятельных стран на Земле не смогла взять под контроль СМИ. Неспособность урегулировать действия СМИ в результате повлияла на появление антивоенных настроений в американском обществе. В то время как СМИ делали все возможное, чтобы показать войну со всех сторон, военные тщетно пытались удержать все под секретом. Эта засекреченность, помноженная на затянувшийся конфликт, сказалась на падении многих нравственных идеалов американцев. В результате правительство США перед принятием окончательного решения стало тщательно обдумывать, стоит ли стране ввязываться в военный конфликт или нет¹³¹.

В 1982 г. Британское правительство, начиная войну на Фолклендских островах, также озаботилось опытом Америки на предмет того, что телевидение является настолько сильным средством массовой информации, что его действия необходимо координировать. Интересно отметить, что многие новостные агентства стали придерживаться той же точки зрения, если брать в качестве примера создание СМИ добровольного пула журналистов во время войны в Персидском заливе в 1991 г.

Вопрос об отношениях между СМИ и вооруженными силами во время операции «Буря в пустыне» и по сей день остается одним из горячо обсуждаемых вопросов. За это время возникало множество теорий о тайном замысле, согласно которым, правительства Великобритании и США заключили со СМИ тайный договор, якобы, с целью ввести в заблуждение своих сограждан¹³².

Война в Персидском заливе пришлось на период стремительного развития новых технологий. Однако в это время многие технологические инновации еще находились в начальной стадии разработки и не использовались в полном объеме. Быстрое развитие и распространение этих технологий началось во время и после югославских войн. Во время войны в Персидском заливе главным источником информации все еще оставалось телевидение. Захват Сребреницы в 1995 г. транслировался по

вездесущему Первому каналу во многих классных комнатах Америки в то время, когда боснийские студенты по электронной почте посылали на адрес станции свои высказывания о происходящем.

К середине 1990-х годов ученые и обозреватели СМИ начинали говорить о том, что в них происходит революция, масштабы которой можно сравнить с тем, что происходило в 1960-х годах. Если в 1960-х общая тенденция вела к установлению единообразия и поддержанию крупных информационных агентств, то в 1990-х годах ситуация изменилась. Появление и стремительный рост популярности региональных и местных радиостанций, дневных телевизионных ток-шоу и политических журналов, направленных на поиск широкой свободной аудитории, вели к фрагментации и специализации СМИ, тогда как основные новостные провайдеры с большим интересом относились к политической и социальной элите¹³³.

И тем не менее, ни одно изобретение 1990-х годов едва можно сравнить с появлением и распространением Интернета. Практически неиспользуемый во время войны в Персидском заливе доступ к Интернету стал быстро расширяться по всей Северной Америке и Западной Европе в начале и середине 1990-х годов. Затем он распространился и на остальной мир.

Важность этого так называемого «нового средства» в проведении военных операций впервые была замечена во время Боснийской войны и позже утвердилась в период войны из-за событий в Косово в 1999 г. Обвинения в этнических чистках косовских албанцев, брошенные в адрес вооруженных сил и полицейских соединений Югославии (к тому времени Югославией были только Сербия и Черногория), вызвали самую большую со времен войны в Персидском заливе реакцию военных кругов НАТО. Поскольку югославское правительство активно препятствовало работе независимых СМИ в Сербии и Черногории, Интернет стал главным источником внешней информации и двигателем в разжигании

информационной войны, которая была быстро подхвачена обеими сторонами. Впоследствии многие стали относиться к косовскому кризису как к «войне сетей»¹³⁴. По мере продолжения ведения военных действий в сети велся непрекращавшийся обмен информацией чуть ли не с места событий.

Через неделю после начала конфликта, 31 марта 1999 г., министр обороны Великобритании Джордж Робертсон на брифинге, проходившем ежедневно в Вайтхолле, заявил, что на только что созданном в Интернете сайте, поддерживаемом Британским правительством, за 24 часа побывало 150000 пользователей. Причем 1400 из них были непосредственно из самой Сербии. На основе этих сведений британское правительство срочно создало сайт на сербском языке под названием «Зеркало»¹³⁵. Важность Интернета в действиях НАТО в связи с событиями в Косово подкрепила многие выводы по поводу отношений между СМИ и военными, сделанные еще во время Боснийского конфликта.

Частью информационной войны было и то, что военным журналистам стран НАТО разрешалось (это даже поощрялось) вести репортажи из «вражеской» столицы Белграда во время бомбежек, не взирая на то, что обстановка на местах строго контролировалась¹³⁶. Милошевич также предпочел показать свою открытость западным СМИ. В результате белградская гостиница «Хаят» была переполнена западными военными корреспондентами. Подобное было крайне редким во время войны в Персидском заливе.

Кроме того, напряженные отношения между НАТО и международными газетными организациями явились логическим следствием побочных симптомов стратегических проблем военных. Другими словами, даже в конфликте, где на карту были поставлены жизни только нескольких иностранцев, СМИ все же удавалось пошекотать своими непростыми вопросами нервы членам правительства.

Неопровержим тот факт, что роль СМИ круто изменилась в 1990-х годах благодаря широкомасштабному развитию технологий. Однако не стоит отрицать и того, что также изменился характер войны. Генерал сэр Майкл Роуз, командовавший миротворческими войсками ООН в Боснии в течение двенадцати месяцев, однажды заметил, что сейчас существует два вида войны: обычная война и другие военные операции. В классической войне все группы – СМИ, мирные жители и военные – стремятся объединиться вокруг своего правительства. Это можно было наблюдать как в Великобритании, так и в Аргентине во время Фолклендской войны (1982), также как и сегодня в войне Америки с Аль-Каедой. Тем не менее, в других военных операциях государственные интересы не всегда понятны, и СМИ стремятся выразить свою точку зрения, исходя из абсолютно разных нравственных критериев¹³⁷.

В подобном конфликте любая информация от СМИ молниеносно разносится по всему миру, и становится предметом для бурных обсуждений. Впоследствии это может печально сказаться на разработке и проведении того или иного политического курса. Так впервые произошло во время войны во Вьетнаме, и так обстояли дела в 1990-х. Только в 1990-х все было с большим размахом.

Немногие демократические страны принимали участие в классических войнах в течение последнего десятилетия. Однако они внесли свой вклад от имени международного сообщества в проведение других военных операций в странах с неустойчивой или рушащейся идеологией: Северном Ираке, Сомали, Боснии, Косово и на Гаити. Россия в 1990-х годах потратила на проведение чеченской военной операции столько средств, что можно было бы подумать, что идет настоящая война. Однако при ближайшем рассмотрении ситуация оказывается схожей с тем, что называют бесконечной оккупацией Великобританией Северной Ирландии. В настоящей войне, как правило, ясно, на чьей «стороне»

находится журналист, однако в случае с другими военными операциями все оказывается намного сложнее¹³⁸.

Большинство западных журналистов полагают, что свои репортажи они всегда стараются «сбалансировать». Считается, что подобная практика основывается на желании наиболее полно представлять обе стороны любого конфликта. Хотя это, безусловно, похвальная цель, в действительности журналисту редко удается придерживаться столь взвешенного подхода. При освещении конфликтов за рубежом перед журналистами из «нейтральных» стран встает непростая задача. Если они избирают однобокое, одностороннее освещение событий, они рискуют быть дискредитированными в глазах противоположной стороны.

В Боснии, например, ситуация была еще более сложной, так как в конфликт было вовлечено три стороны. В подобных ситуациях, как правило, царят хаос и насилие, и потому для «независимых» журналистов все может закончиться очень трагично. Неудивительно, что в период сомалийского и боснийского конфликтов при исполнении служебных обязанностей погибло так много журналистов. Зачастую самым безопасным местом, откуда журналист мог вести репортаж, было место, прикрываемое миротворческими силами, когда они вступали в страну¹³⁹. Это естественным образом влияло на то, что и как освещалось в СМИ.

Согласно английской журналистке-ветерану Кэти Эди, причиной, почему во время Боснийской войны появлялось так мало информации из объявленных ООН «зон безопасности» в Горажде, Бихаче и Сребреницы, являлось то, что журналистам приходилось сталкиваться с большими опасностями в этих районах. По словам Эди, среди таких опасностей была «не только общая опасность военной зоны, но и угроза намеренного убийства». Без какого-либо сопровождения из войск ООН или местных жителей, журналистам зачастую приходилось добираться до «безопасного рая», проделывая пешком большие расстояния через вражескую (каковой они считали сербскую) территорию. Многие журналисты не хотели

рисковать подобным образом, а к 1995 г. далеко не многие редакторы хотели брать на себя ответственность за подобные «журналистские вылазки»¹⁴⁰.

4. МОРАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Если согласиться с тем, что передача объективной информации, даже при освещении военного конфликта в чужой стране, является для журналиста непростой задачей, тогда возникает вопрос: каковы его моральные обязательства? Этот вопрос стал актуальным сравнительно недавно, в 1992 г., с момента начала Боснийской войны. Большинство профессиональных журналистов, аккредитованных в Боснии, были иностранными корреспондентами-ветеранами, которые на протяжении многих лет передавали свои репортажи из горячих точек Юго-Восточной Азии, Африки, Афганистана, Центральной Америки, Персидского залива и др.¹⁴¹ Трудно себе представить, что этими людьми могут руководить не факты, а эмоции. Тем не менее, свобода их действий, как указывалось выше, ограничивалась рядом факторов, а именно, проблемой передвижения и, следовательно, проблемой доступа к месту событий, а также тем, что они испытывали постоянное воздействие пропаганды, которая велась тремя воевавшими сторонами и UNPROFOR.

В Боснии командование миротворческих сил ООН обещало журналистам обеспечить открытость операции. Однако в глазах СМИ это выглядело как фарс. К началу войны в Боснии у ООН еще не было выработано какой-либо политики по отношению к СМИ во время военных действий. Хотя, как часто казалось, в ее намерения входило хранить все в полном секрете. Вскоре стало понятно, что от прессы удерживают большую часть информации. И это сделало отношения между СМИ и командованием UNPROFOR далеко не дружелюбными. На ежедневных брифингах, проходившихся пресс-секретарем UNPROFOR, журналисты часто были настроены агрессивно и требовали от него открытости в

объяснении того, что происходит и почему так-то и так-то ведут себя миротворцы. В свою очередь представители ООН нередко были настроены враждебным образом в отношении журналистов¹⁴².

Отчасти этот антагонизм можно объяснить тем, что СМИ и ООН находились в Боснии с абсолютно разными миссиями. Инспекторам UNPROFOR было поручено следить за поступлением и распределением гуманитарной помощи, а также способствовать мирному урегулированию конфликта. Как и многие журналисты, они заявляли о своей беспристрастности, однако на самом деле в это понятие вкладывался несколько иной смысл. Командование UNPROFOR в основном стояло на позициях прагматичности, определяя беспристрастность с ссылкой на воевавшие стороны. Так, миротворцам было необходимо договариваться со всеми тремя сторонами, чтобы хоть что-то довести до конца. У журналистов, напротив, не было никаких обязательств смотреть за тем, чтобы дороги были «чистыми» и машины с гуманитарной помощью продолжали свое движение. Следовательно, их представление о беспристрастности было более абстрактным¹⁴³.

Для них оно обозначало «рассказывать правду», несмотря на то, что кто-то из-за нее мог пострадать или кто-то на нее мог рассердиться. Так, СМИ часто обвиняли представителей ООН в потакании агрессорам, тогда как миротворцы считали, что они выполняют свою работу и делают все, что от них требовалось. У миротворцев из многих стран, пытавшихся достичь мирного разрешения конфликта, часто были основания, чтобы скрывать правду от журналистов. Ограничение информации нередко способствовало удачному проведению переговорного процесса. В этом смысле следует отметить, что миротворцы и дипломаты в Боснии не являлись достоверными источниками информации, и многие журналисты, освещавшие кризис, скептически относились к заявлениям представителей UNPROFOR¹⁴⁴.

Осознав еще в начале конфликта, что представители ООН не до конца откровенны, журналисты собирали оставшуюся информацию среди базировавшихся в Боснии воинских подразделений из разных стран. Некоторыми иностранными журналистами был даже составлен список международных контингентов, куда и за чем следует идти в первую очередь. Была расхожая шутка, что журналисты шли к украинцам не за информацией, а за бесплатной водкой и теплым приемом¹⁴⁵. Британский контингент обычно считался самым полезным для проведения брифингов для журналистов. Однажды французский генерал Морийон спросил: «Почему все эти репортажи об англичанах»? На что журналистка Кэти Эдди могла ответить только: «Потому что англичане нам рассказывают все, а вы ничего»¹⁴⁶.

Эта надежда на контингенты из разных стран нередко ставила журналистов перед дилеммой, так как зачастую командующие вооруженными силами делали противоречившие друг другу заявления. Более того, эти заявления шли вразрез с тем, что говорилось ООН. Если журналист выбирал позицию ООН, то он рисковал отрезать себе доступ к источникам в контингентах, которые позже могли бы оказаться крайне полезными. Все это вызывало головную боль у всех, кто был в этом замешен.

В конечном счете, было сделано много репортажей из самого центра осажденного Сараево, прямо из небезызвестной гостиницы «Холидэй Инн». Это невероятно уродливое двенадцатизэтажное здание находилось прямо на «Снайперской аллее». В течение войны журналисты могли останавливаться в отеле за 62 американских доллара в сутки с полным пансионом. Согласно журналисту Питеру Массу, отелю удалось избежать полного разрушения во время войны благодаря соглашению, которое успешно заключили между собой мусульмане и сербы¹⁴⁷. В интересах боснийцев в целях пропаганды отель поддерживался хоть в каком-то рабочем режиме. Использование этого специфического отеля в качестве

места для подготовки и ведения большинства репортажей из Боснии явно отразилось на однобокости подачи информации с места конфликта, что ясно из того, что мир держали в курсе проблем только этого города. Данная ситуация создала что-то вроде «кровосмесительной» атмосферы среди зарубежных журналистов, которые проводили большую часть своего нерабочего времени вместе, отсиживаясь в неудобных, душных номерах гостиницы.

Подобное клаустрофобное окружение только способствовало появлению и распространению некоторых историй. Эти истории рождались по принципу «захватывающе и быстро продаваемо». Они появлялись в Сараево и молниеносно становились мировыми новостями. Порой они использовались для сомнительных целей.

Примером подобных историй стала «Операция Ирма» в августе 1993 г. Она была написана по мотивам телерепортажа британских журналистов о бедной смертельно больной мусульманской девочке Ирме Хаджимуратович. Эта история вызвала такую бурю эмоций в Великобритании, что ее правительство даже организовало немедленную доставку Ирмы вместе с еще пятьюдесятью ранеными сараевцами в Лондон для бесплатного медицинского лечения. На эвакуационном самолете журналистских бригад было в несколько раз больше, чем больных. Об этом событии узнали во всем мире. Когда же маленькая Ирма умерла во сне в 1995 г., об этом сообщили только несколько газет¹⁴⁸.

Подобная ситуация случилось и со Златой Филиппович, полумусульманской, полухорватской девочкой, чей дневник попал в руки международного журналистского корпуса в Сараево. Злата за одну ночь стала знаменитостью, а ее книга, которую сравнивали с дневником Анны Франк, появилась в списках литературы для обязательного школьного чтения во многих западноевропейских странах. Во избежание того, чтобы фотогеничная Злата не разделила судьбу Анны, ее вместе с родителями быстро перевезли в Париж и предоставили политическое убежище¹⁴⁹.

Обе эти истории были «горячими», так как в них рассказывалось о беспомощных прелестных детях, ставших жертвами войны. Однако если посмотреть на это со строго этической точки зрения, то могут возникнуть вопросы. «Операция Ирма» вызвала большую шумиху по всей Боснии и Хорватии, создавая серьезные проблемы для базировавшихся там британских военных. Постоянное появление этой истории в СМИ спровоцировало реакцию правительства Великобритании. Однако своей реакцией оно только создало видимость, что разрушило «фасад беспристрастности» среди воевавших сторон.

Данный случай иллюстрирует нравственную дилемму, которая стояла перед многими журналистами во время боснийского конфликта. Что освещать в своих репортажах? Простые сообщения о войсковых перемещениях вряд ли могли заинтересовать мировую аудиторию. Поэтому многие иностранные журналисты в Боснии принимали участие в том, что Питер Масс назвал «порноужасом». Это, в частности, – изображение «женщины, которую насиловали практически каждый день в течение двух месяцев; парня, который полз по полю боя без ног, оторванных миной; морга, переполненного замороженными трупами; мальчика, которого застрелили со щенком на руках» и т.п. Все это провоцировало новые вопросы и не только потому, что месторасположение большинства журналистов в Сараево предполагало быть на стороне боснийцев, постоянно показываемых как «находящихся в осаде», но потому, что это все низводило войну до того, что, по словам того же Массы, можно было назвать «чахоточным фильмом»¹⁵⁰.

Однако важно отметить, что подобное низведение войны удобно по нескольким параметрам. Во-первых, «порноужас» очень популярен – люди любят его видеть. Во-вторых, большинство телевизионных новостей длятся буквально считанные секунды. Средний вечерний выпуск новостей, например, «Вечерних мировых новостей» («World News Tonight») с Питером Дженнингом по американскому каналу ABC, длится всего лишь

18 минут из 30, указанных в сетке программы (остальное время занимает реклама). Таким образом, для массовой аудитории новости должны подаваться в быстрой и легкоперевариваемой манере.

Освещать войну в Боснии было бы просто, если бы не было так сложно. Люди, которые, как предполагалось, были дружными соседями в течение целых десятилетий, убивали друг друга из-за чего-то непонятого на Западе. Вместо традиционно двух воюющих сторон, здесь было три, вместо двух религий – три и, судя по многочисленным статьям в прессе, вместо двух языков также – три (сербский, хорватский и боснийский). Казалось, что уже и так маленькая Югославия с каждым днем уменьшалась все больше и больше, а в результате появлялась «Великая Сербия». Никто ничего не понимал. Проблемы на Балканах часто казались для журналистов слишком сложными, чтобы сообщать о них своим соотечественникам. И поэтому ситуацию часто намеренно упрощали.

Например, самый известный образ «Словенской войны за независимость» – это двигающиеся по главной улице одного из городов в центре Европы танки, которые сминают на своем пути автобусы и все, что им попадется. В отчаянии и раздражении какой-то человек толкает свою старенькую машину «Фичу» через дорогу, заваленную разными предметами. Но тут танки переезжают эту «старую калошу», словно игрушку. Станным является то, что эту картину страданий словенцев снимали в Осиеке, городке в Восточной Славонии, расположенном на хорватско-сербской границе! Кассета попала в руки нескольким международным телестудиям, и они посчитали, что многочисленные конфликты, происходящие в разных странах, для аудитории уже настолько перемешались, что телезрители не поймут, где какой конфликт, и показали этот эпизод. Поскольку события в Словении разразились первыми, и о них во всю уже шла речь в новостях, было проще всего выдавать все происходившее как часть словенского конфликта¹⁵¹.

Подобные перетасовки мест и людей стали обыденностью в период югославских войн и в послевоенное время. Какое-то время это продолжалось потому, что сами журналисты не могли сориентироваться среди враждебных группировок. Так, в газетах можно было увидеть фотографии пожилых женщин, очевидно оплакивающих могилы православных сербов, с заголовком «Мусульмане оплакивают своих родных». То, что многие на Западе никогда не слышали о православии или не знали, что оно существует на Балканах, тоже мало, чем могло помочь. Чтобы облегчить понимание аудитории, сербов часто описывали как людей с русской православной верой. Тот факт, что Сербская Церковь не подчиняется Русской, что это не одно и то же, мало кого беспокоил. В других случаях, даже когда журналисты были более или менее осведомлены по поводу определенной ситуации, они понимали, что массовой аудитории не за чем разбираться в многочисленных нюансах. Для них важно само событие, и чтобы было понятно, кто плохой, а кто хороший. Подобная убежденность зачастую предполагала искажение фактов.

И тем не менее, в начале конфликта общая атмосфера характеризовалась полной неразберихой. Как заметила хорватская журналистка Славенка Дракулич, многие журналисты «просто вылетали и не знали, куда летят, они не знали языка и вообще ничего не читали о Балканах»¹⁵². Будучи неспособными разобраться что к чему и кто есть кто, они пускались в самые банальные и примитивные объяснения происходящего. И только спустя время, когда война уже была в разгаре, стали появляться репортажи, в которых появлялись нюансы и информация разъяснялась более квалифицированно. Однако к тому времени публичное мнение о конфликте уже было сформировано.

Каким же образом формировались взгляды у приезжающих со всего мира журналистов? Здесь следует сказать, что рассказывающие о конфликтах в чужих землях журналисты особенно подвержены

пропагандистскому давлению различных воюющих группировок. Это имело место и в бывшей Югославии. Признавая необходимость заручиться международной поддержкой посредством привлечения иностранной прессы, все стороны пытались манипулировать журналистами и выставлять себя жертвами агрессии. И хотя эта тенденция уже просматривалась во время войны в Хорватии, в период боснийской кампании она доходила просто до смешного.

В разное время боснийские сербы выставляли себя как жертвы некоего нацистско-ушашского и мусульманско-фундаменталистского заговора. Их заявления часто звучали дико, и их было нелегко опровергнуть. Например, когда иностранным журналистам захотелось пролить свет на заявление о том, что делались ожерелья из пальцев убитых сербских младенцев, им категорически было отказано в доступе к свидетельствам, которые якобы строго охранялись сербскими властями.

Боснийские мусульмане намеренно пытались удержать журналистов в Сараево. Позже они помогли иностранным репортерам пообщаться с мусульманским населением, которое бежало из «безопасного рая» Сребреницы и Бихача летом 1995 г., чтобы убедить их в том, что оно было жертвой, истребляемой нацистскими методами¹⁵³. Ужасающие картины страданий мирного населения и невероятные фотографии, на которых были изображены массовые захоронения боснийцев, сыграли в результате огромную роль при решении о вводе иностранных войск.

Хорваты, обычно находившиеся в хороших отношениях с западными СМИ, представляли себя как демократическая, свободолюбивая нация, которая пала жертвой вторжения в Хорватию византийско-азиатских недемократичных сербов.

Одним из основных предметов дискуссий, появившихся в результате войны в Боснии, стала проблема объективности журналистских репортажей, особенно если речь идет о конфликтах в других странах. Российский журналист Андрей Бабицкий отмечал, что «каким бы

странным это не казалось, военному корреспонденту часто в его работе помогает некоторая беспристрастность. Я не имею в виду то, что журналист – это ученый. Он по определению дилетант»¹⁵⁴.

Однако по мере того, как продолжалась война в Боснии, многие журналисты из самых разных уголков мира находили подобное невозможным, и стали прямо оспаривать идею о том, что хороший репортаж должен быть объективным и/или беспристрастным. В своей противоречивой статье «Наша валюта – это правда» один из самых известных журналистов ВВС Мартин Белл открыто порвал с прежней традицией: «Меня воспитывали в традициях объективной и беспристрастной журналистики, – заявил он. – Когда-то я в нее верил. Но больше я в нее не верю»¹⁵⁵. Белл отмечал, что объективность не играет никакой роли среди повсеместных несчастий и катастроф. Журналист пришел к осознанию того, что в Боснийской войне объективный репортаж является как контрпродуктивным, так и аморальным. Белл призвал к выработке нового стиля в журналистике, когда журналист должен делать субъективные выводы, исходя из объективных фактов.

После войны в Боснии многие западные журналисты опубликовали книги, в которых обсуждалась эта точка зрения, например: «Путь насилия» Белла, «История одной войны» Массе, «Распад Югославии» Глени, «Свидетель геноцида» Гутмана. История репортера ITN Майкла Николсона, встретившего в пригороде Сараево двести сирот, организовавшего их эвакуацию и даже усыновившего одного из них, стала позже сюжетом для фильма «Добро пожаловать в Сараево»¹⁵⁶.

Развивая персонализированный подход к журналистике, появился ряд новых полужурналистских, полубеллетристических работ. Профессор Грег Маклафлин, специалист по СМИ, называет этот стиль «новой журналистикой» и относит его рождение к 1960-м годам¹⁵⁷. Подобные работы приковывают внимание читателя и убеждают его в том, что необходимо делать что-либо в данной ситуации. В работах, подобных «О

любви и о тени» Изабель Алленды, со всей полнотой раскрываются ужасы диктаторских правлений в Латинской Америке в конце 1970-х и начале 1980-х годов. Российский журналист Артем Боровик в своей книге «Скрытая война» раскрыл весь сюрреализм советской войны в Афганистане.

Подобная работа продолжалась и в течение войны в Боснии. Хорватская журналистка Славенка Дракулич задумывала свою книгу «Если меня нет» как нехудожественный отчет о лагерях в Боснии, в которые сгонялись женщины для удовлетворения физиологических потребностей и решения психических проблем воюк, своего рода «лагеря для изнасилований», но постепенно книга стала беллетристкой. Объясняя это, Славенка Дракулич сказала: «Я (вначале) боялась, что читателю будет очень больно знакомиться с материалом подобного рода, но, с другой стороны, свидетельские показания часто повторялись и не отличались разнообразием. Это открытие ошеломило меня. Я подумала, о Боже, ведь это одна из ужасных трагедий, которые случаются на войне, и это скучно»¹⁵⁸. Для того чтобы сделать историю более захватывающей, был введен вымышленный главный герой.

Хотя подобные работы нельзя рассматривать как журналистику в чистом виде, их роль, тем не менее, была значительной; они являли собой пример отхода от некогда прославленного понятия объективного репортажа. Именно по этой причине мы упоминаем о них здесь.

Таким образом, становится ясным, что журналисты, освещавшие боснийский конфликт, столкнулись с многочисленными проблемами и нравственными дилеммами. Ограниченный доступ к информации, по объективным и субъективным причинам, объясняет определенную предвзятость в выборе журналистами своих рассказов. Необходимость продавать газеты вынуждала журналистов выбирать сюжеты, которые интересны читательской аудитории в их странах. Причем, событие, которое попадало на переднюю полосу, порой было далеко не самым

достойным, чтобы о нем говорилось в печати. Постоянная зависимость журналистов от собственных редакций и местных пропагандистских машин также влияла на их точку зрения и понимание, какую «правду» необходимо сообщать. В результате, было практически невозможным говорить о том, что освещавшие конфликт журналисты были по-настоящему непредвзятыми, как они сами пытались утверждать. Однако все эти факторы требуют тщательного изучения, чтобы понять, почему СМИ воздействовали на ход военных событий так, как это было на самом деле.

5. ПОЧЕМУ ВАЖНО СЧИТАТЬСЯ СО СМИ

31 декабря 1992 г. во время провального визита в Сараево генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса-Гали молодой репортер сараевской радиостанции Ведрана Божинович задала ему вопрос: «Что для Вас должно случиться, чтобы Вы начали делать что-либо? Сколько еще жертв Вам нужно, чтобы Вы начали действовать? 12 тысяч недостаточно? Вам нужно 15? 20 тысяч? Это будет достаточно?» На это эмоциональное требование Бутрос Бутрос-Гали простодушно заметил: «Вы находитесь в наилучшей ситуации по сравнению с десятью другими горячими точками на планете. Я могу перечислить вам те десять мест, где ситуация гораздо хуже, чем в Сараево»¹⁵⁹.

Хотя нет необходимости указывать на то, что данный ответ был бесчувственным и жестоким, в нем Бутрос Бутрос-Гали поднимает важную проблему: одновременно с боснийским конфликтом вспыхнули десять других кризисов. Член британского парламента Мэлколм Рифкинд, обращаясь к парламенту в апреле 1993 г., сказал: «По поводу того, что на нас лежит особая ответственность за бывшую Югославию... Я могу понять, что на политическом уровне, мы в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии имеем интерес кредитора в том, чтобы в Европе была стабильность. Однако я надеюсь, что достопочтенные

члены парламента не будут развивать этот аргумент из-за нравственных соображений, когда они в то же время будут требовать принятия любых действий во имя ООН. ООН не может благопристойно различить вторжение в Боснию от вторжения в Анголу или Камбоджу – на ООН лежит ответственность перед мировым сообществом»¹⁶⁰.

Несмотря на многочисленные конфликты, происходившие в 1990-х годах по всему миру, почти все они, по сравнению с югославскими конфликтами, недостаточно освещались в СМИ. Считается, что война в Боснии являлась самой освещаемой в СМИ войной в истории человечества. Почему? На этот вопрос нельзя получить ответа, не обратившись к действиям самих СМИ.

По мнению Дугласа Херда, «нравится – не нравится, а именно телевизионные репортажи заставляют иностранных законодателей придавать одному из 25-ти мировых кризисов большее внимание»¹⁶¹. Подобное замечание находим и у Бутроса Бутроса-Гали, который сказал, что «сегодня СМИ передают не только новости. Телевидение стало частью события, которое оно освещает. Оно изменило оценку этого кризиса во всем мире»¹⁶².

Это замечание, несомненно, относится к боснийскому конфликту. Здесь собрались воедино многие факторы, что и объясняет, почему данный регион получил больше других внимания со стороны СМИ. Большинство экономических сил мира в настоящее время сконцентрированы в Северной Америке и Западной Европе. Балканы также находятся в Европе (несмотря на заявления некоторых политиков вроде Тони Блэра). Сараево принимало в 1984 г. Зимние олимпийские игры, многие жители Западной Европы проводили свои летние отпуска, на Далматинском побережье Хорватии. Поэтому нельзя сказать, что этот регион был для Западной Европы совсем неизвестным. Расположение Югославии в Европе было важным не только с рациональной точки зрения, но и с точки зрения психологии. Иначе говоря, люди в бывшей Югославии – белокожие. Страдания маленьких

белых детей в сердцах европейских телезрителей отзывались большей болью, чем страдания детей из Руанды или Бенгалии.

Помимо того, война пришлось на то время, когда новое поколение европейцев уже выросло с двумя фундаментальными понятиями. Первое – «больше никогда», которое подразумевало, что в Европе больше никогда люди не будут осуждаться за их религиозные убеждения. Второе – то, что современный Европейский Союз является поликонфессиональным и светским. Югославские войны поставили под вопрос оба эти убеждения.

Многие на Западе отнеслись к этому серьезно. Как однажды саркастично выразился на страницах английской газеты «Санди Телеграф» («The Sunday Telegraph») обозреватель правого толка Майкл Вартон: «Босния стала страной мечты, идеальным царством, где до вторжения злодейских сербов процветал мультикультурализм ... главный пример для многорассовой Британии и образец для всемирного многорассового порядка в будущем». Как заметил Брендан Симз, это означало, что «противодействие каждого серба концепции светской, многонациональной Боснии, таким образом, становилось ударом на отечественном фронте против поликультурной Британии»¹⁶³. Эти идеи обширно обыгрывались СМИ.

Будет непросто доказать, что СМИ напрямую призывали к ударам или оказывали непосредственное влияние на политику правительства. Так называемый «CNN-эффект» («эффект ВВС» на другом конце Атлантики) в последнее десятилетие часто преувеличивался. Однако, как отметил один британский чиновник во время войны в Боснии, «на нас никто не давит, чтобы мы принимали решения по поводу кризисов, которые не освещаются телевидением»¹⁶⁴.

Заявления различных дипломатов и политиков о том, что у них нет времени на телевизор, в конечном счете, оказываются неискренними. Как бы настойчиво кто-либо не пытался отстранить себя от телевидения, все равно оно будет являться неотъемлемой и неизбежной частью нашей

жизни. Даже если политикам не рассказывают их жены о том, какие ужасающие вещи показывают репортеры, их так или иначе проинформируют об этом многочисленные помощники и пресс-секретари. Зачастую даже не важно, насколько точной, верной, значимой и сбалансированной является информация. Для политика важным является то, какую реакцию она спровоцирует.

Помощник Клинтон Джордж Стефанополис даже признался, что «в Белом Доме ... 24 часа в сутки показывают новости... CNN убеждает в том, что необходимо реагировать на событие в любой момент, и президентство Билла Клинтона подтвердит это»¹⁶⁵. Как отмечалось выше, Джордж Буш изумлялся, что CNN работает быстрее, чем ЦРУ. Одной из причин этого являются новые технологии, позволяющие СМИ передавать информацию со скоростью света. Когда в Боснии был убит французский солдат, об этом знали во всем мире менее чем за сорок минут.

Скорость, с которой сегодня происходит сбор информации, может стать фактором усиления давления на законодателей, чтобы последние «делали что-либо». Многие из этих законодателей выражают опасения по поводу того, что все это в итоге может закончиться тем, что СМИ будут вынуждать их принимать рефлекторные решения еще до того, как ситуация может быть тщательным образом проанализирована.¹⁶⁶ Это особенно опасно, если принимать во внимание то, каким, как отмечалось выше, случайным образом некоторым историям отдается предпочтение.

Итак, остается заключить, что хотя СМИ прямо не руководят внешней политикой какой-либо страны, у них есть все шансы управлять общественным мнением, которое в свою очередь имеет прямую власть над тем, как правительства реагируют на ситуацию. СМИ могут решить, какую информацию подать первой, они даже могут проявить необъективность, что склонит общественное мнение на ту или иную сторону.

Такова была ситуация более ста лет назад, когда Джозеф Пулицер и Вильям Рэндольф Херст призывали к боевым действиям на Кубе. Усилия

Херста и Пулитцера и результаты этих усилий привели к тому, что правительства начали обсуждать вопрос о роли СМИ в военное время. Однако сегодня научно-технический прогресс и новые стратегии ведения войны являются предпосылкой к необходимости переоценить эту роль.

Таким образом, совершенно ясно, что средства массовой информации играли большую и зачастую решающую роль в боснийском конфликте. Наряду с самими противоборствовавшими сторонами и вмешавшимися в этот конфликт державами, СМИ также следует рассматривать как значимую силу в сложном политическом процессе столкновения различных интересов.

ГЛАВА III. ОСВЕЩЕНИЕ БОСНИЙСКОГО КРИЗИСА

1. ЗАПАДНЫЕ СМИ

Как уже отмечалось, автор книги считает термин «западные» во многом бессмысленным. Он используется здесь, чтобы обозначить не российские и не югославские СМИ. «Западные СМИ» – это обширная категория, включающая в себя СМИ несколько континентов и языков. Для терминологической ясности какие-то категории все же нужны. Но даже они являются расплывчатыми.

Великобританию и США объединяет язык, но британское освещение войны было иногда ближе к французскому, чем к американскому. Кроме того, необходимо заметить, что в век глобализации на BBC можно часто слышать американский акцент, в то время как ведущим корреспондентом CNN в Боснии была Кристиана Аманпур – англичанка. В «Нью-Йорк ревью оф букс» («New York Review of Books») целый год публиковалось растянутое рассуждение о войне в Боснии, однако журналисты, принимавшие в нем участие, были в подавляющем большинстве случаев англичанами.

Большинство книг, посвященных боснийскому конфликту, было, в конечном счете, издано по обе стороны Атлантики. Таким образом, хотя подходы британского и американского правительств очевидно различались, трудно четко разделить СМИ по национальному признаку. Делая попытку разделить СМИ на группы, надо принимать во внимание, что деление это весьма условно.

1.1. Англоязычные СМИ

Великобритания

Часто можно видеть определение «ошибочный, неумелый» по отношению к Британии и вообще всему британскому. Частично это смятение отражает национальный недостаток уверенности. С конца Второй мировой войны Великобритания испытывала сложности с самоопределением. Без связующей силы Империи, у нее не было ни цели, ни подлинности. Величайший из шотландских писателей Ирвин Уэлш сказал: «В любом случае Британия никогда не существовала. Это был жульнический имидж Империи. Теперь они говорят нам, что мы европейцы или 51-й штат или Атлантические острова. Все это дерьмо. К черту! Мы всегда были Шотландией, Англией, Ирландией и Уэльсом!»¹⁶⁷

Следовательно, не удивительно, что британский подход к боснийскому конфликту по природе своей страдал болезненной раздвоенностью. Некоторые обозреватели в Сербии и России характеризовали позицию «Запада» как антисербскую и промусульманскую/хорватскую. В Америке, Боснии и Хорватии британские СМИ часто обвиняли в том, что они слишком просербские. Короче говоря, они были сами разделены. Правительство не соглашалось со СМИ, а СМИ не были согласны сами с собой.

Другая проблема заключалась в том, что многие в Великобритании пытались рассматривать ситуацию исключительно сквозь призму британского опыта. В некотором отношении у Великобритании было много общего с бывшей Югославией: 3-4 языка¹, 2-3 религии², 4-5 наций³ и никакой подлинно национальной культуры. Многие предполагаемые «эксперты» рассматривали Балканы, особенно в первые годы войны, с такой позиции. Многие отнеслись отрицательно к хорватским призывам о

¹ Английский, валлийский, шотландский и ирландский. Люди, говорящие на двух последних, понимают друг друга, поэтому сложно сказать, являются ли самостоятельными языками или диалектами.

² Католичество, Англиканская и Пресвитерианская Церкви.

³ Шотландцы, англичане и северные ирландцы, разделенные на «ирландцев» и «британцев».

признании независимости, исходя из традиционного недоверия и нелюбви к католикам. Также это можно объяснить традиционными антигерманскими настроениями в британском обществе. Множество британцев, как и множество сербов, говорило о создании четвертого Рейха.

Также был страх того, что признание независимости Словении и Хорватии может подать неверный пример католикам из Ольстера, не говоря уже о шотландцах и валлийцах. Это последнее соображение было особенно значимым, так как последние годы правления Тэтчер были отмечены небывалым ростом национализма в Шотландии и Уэльсе. Летом 1991 г. шотландцы вышли на улицы с массовыми протестами против регресса демократии в государстве, которое считает себя ее международным символом. В результате британские лидеры (бывшие в годы правления Тэтчер этническими англичанами) были крайне заинтересованы в сохранении как СССР, так и Югославии.

Именно проблема Ольстера ослепила военных и политиков Великобритании в начале боснийского конфликта. Часто утверждалось, что Босния подобна Северной Ирландии. Разумеется, некоторое сходство есть, и любой британец, собирающийся отмахнуться от балканских народов как «средневековых», столкнется с серьезным вопросом об ольстерских «Оранжевых»⁴, чье поведение не только примитивно, но и провокационно. Война в Северной Ирландии, продолжающаяся к тому времени уже 30 лет, являлась кошмаром для Британии в сфере общественных отношений. Профессор Эдвард Браун отметил, что «эта война находится во всех отношениях в полном противоречии с войной современного типа: она неуспешна, дорога, вероятно, нескончаема и ее трудно «продать» дома»¹⁶⁸.

Этот ольстерский пример ненависти использовался в качестве оправдания за бездействие в Боснии. Эта идея была усилена тем, что

⁴ Протестанты, которые одеваются в средневековые оранжевые одежды и любят маршировать через католические районы. Оранжевый рассматривается как цвет протестаантизма, зеленый - католичества.

большинство британских офицеров и военных корреспондентов в Боснии провели часть своей карьеры в Ольстере. Американский генерал Уэсли Кларк заметил: «Ваша британская армия – это армия, обладающая опытом действия в Северной Ирландии, где вы столкнулись с аналогичными группами людей, которые упорно отказывались договариваться между собой и продолжали убивать друг друга ... каждый солдат знал, что обе эти группы идиоты и что ни одна из них не права». Майкл Вильямс вспоминает, что британское отношение к происходящему в Боснии было следующим: «Мы уже видели это, мы были там. Это католики и протестанты, нам нужно держать их порознь»¹⁶⁹.

Взаимная ненависть ирландцев, англичан, шотландцев и валлийцев восходит, по крайней мере, к концу XIII в. В Боснии после завоевания османами в конце XV в. и начавшейся политикой исламизации славянского населения отношения между потурченцами и христианами, прежде всего православными, складывались далеко не самым лучшим образом. Напряженные отношения сохранялись и в дальнейшем. В титовской Югославии национальные противоречия были загнаны внутрь, но в конце 80-х годов они вырвались наружу.

Тем не менее, сравнение двух совершенно разных ситуаций в разных концах Европы вело к ошибке. Это ошибочное сравнение повлияло на подход к боснийской проблеме как британского правительства, так и ряда СМИ, особенно в первые годы конфликта. Оно также разделило американских и британских миротворцев. Британия больше склонялась к мнению, что все стороны боснийского конфликта в равной степени виновны, в то время как Америка говорила о геноциде боснийских мусульман. Этот разрыв сохранялся до 1995 г.

В отличие от американского правительства, правительство Великобритании не было подвержено продолжительному или интенсивному давлению со стороны СМИ. В любом случае это происходило не из-за недостатка репортажей. Война в Боснии была

освещена лучше, чем любой другой конфликт в истории британских СМИ¹⁷⁰. Первые репортажи и новостные выпуски отражали замешательство, в котором находились и правительство, и журналисты. Это замешательство происходило не из-за недостатка информации, а скорее из-за отсутствия серьезного и глубокого анализа.

Такие журналисты как Эд Вулльями и Мэгги О'Кейн из «Гардиан» («Guardian»), Джанни ди Джованни из «Сандей Таймс» («Sunday Times») и Алек Рассел из «Дейли Телеграф» («Daily Telegraph») описывали события так, как они их видели. Они посещали и открывали миру лагеря, освещали ужасающую нищету Мостара и Сараево, они доказывали, что у Запада нет оправдания для бездействия¹⁷¹. Тем не менее, часто не было никакой связи между репортажами с мест событий и политикой редакции. В результате конфликт анализировали не репортеры, находившиеся на месте событий, а обозреватели из Великобритании. Это приводило к расхождению взглядов.

В основном, репортеры, находившиеся в Боснии, симпатизировали мусульманам больше, чем те, кто наблюдал за ситуацией из-за границы. Например, Кон Колин из «Сандей Телеграф» писал: «одержимость СМИ нацистскими методами сербов в стремлении создать Великую Сербию такова, что крайне мало внимания обращается на то, что не только сербы вовлечены в геноцид ... реальность была бесконечно сложнее, чем-то, во что нас заставляли верить телевизионные картинки»¹⁷². Колин разделял мнение правительства о том, что не следует принимать мер против сербов, так как они были лишь одной из многочисленных «воюющих групп» в «гражданской войне», где все стороны виновны. Именно такие аргументы хотело слышать британское правительство: если все стороны одинаково плохи, не нужно предпринимать никаких действий. Это позволило правительству Мейджера делать то, что у него получалось лучше всего – колебаться.

Все это поставило Англию в один ряд с традиционно просербски настроенной Францией. Вот уж действительно редкость! Легендарный

репортер CNN Кристиана Аманпур подытожила ситуацию так: «Британия и Франция продолжали настаивать на том, что обе стороны, вовлеченные в конфликт, были в равной мере виновны. Что не правда. Это стало понятным спустя некоторое время, но тогда это привело к международному бездействию и бесполезным потерям человеческих жизней. Не говоря уже о сознании политического бессилия Запада»¹⁷³. Впрочем, другим наблюдателям стала видна позже как раз правота Великобритании и Франции и все более бесцеремонное и одностороннее промусульманское вмешательство в конфликт США. С другой стороны, англо-французская позиция вовсе не была просербской, она была менее антисербской и более отстраненной.

Английские корреспонденты на местах были намного радикальнее, чем их руководители в Уайтхолле. Журналист Энтони Лойд «напал» на правительство, используя термин «папци». Сербскохорватское слово «папак» («копыто») на жаргоне означает «неотесанный человек, уродливый ребенок». Но в Сараево многие использовали его для описания сербов, осаждавших город. Лойд был первым из британских журналистов, кто использовал это термин по отношению к британским дипломатам, которые «своими разговорами о войне как неизбежной трагедии делали вечной силу убийц»¹⁷⁴.

Мартин Белл – репортер Би-Би-Си, находившийся в Боснии почти на всем протяжении войны, заметил, что действительно, все было не так просто, как некоторым хотелось думать. Тяжело действовать по сценарию с исключительно плохими/хорошими парнями, если иногда «и белое, и черное становится серым»¹⁷⁵. Все же Белл считал, что «сербы начали эту войну, только они и могут ее закончить». По мере того, как война продолжалась, многие британские журналисты, как и их американские коллеги, превратили конфликт в свой персональный крестовый поход. Этот был крестовый поход против сербов. Все идеи объективных репортажей воспринимались как мольба о невмешательстве.

Мэгги О'Кейн сделала пятьдесят репортажей о боснийском конфликте, и только в одном из них попыталась объяснить ситуацию с сербской точки зрения. О'Кейн признала, что ей, вероятно, следовало бы смотреть на происходящее со стороны сербов чаще, но, тем не менее, она защищает свои репортажи, исходя из моральных принципов (!?). Как и многие другие, она чувствовала, что «правда иногда необъективна и что нет ничего объективного в погромах и огульных этнических чистках по всей стране. Все это очень жестко, хорошо рассчитано и очень односторонне»¹⁷⁶.

Алекс Томпсон, журналист, освещавший конфликты в Хорватии, Боснии и Косово, сказал, что «для объективности нет места перед лицом мучений, насилия или этнических чисток». Кажется, что, в конце концов, Томпсон, как и многие другие журналисты, оказался эмоционально вовлеченным в конфликт. Во время репортажа из Македонии в 1999 г. он заметил: «Я был очень рад тому, что они (союзники. – С.М.) начали бомбить Нови-Сад и разрушать инфраструктуру Сербии, очень рад!»¹⁷⁷ Таким образом, как писал Маяковский, «перо приравнивали к штыку».

Также интересен тот факт, что в Британии боснийский конфликт был лучше представлен на телевидении, чем в прессе, и что на телевидении он, повторимся, был освещен лучше, чем любой другой глобальный конфликт.

Кэти Эди объясняет это так: «Взглянув на три главные новости в 6-ти и 9-часовых выпусках ВВС в 1995 г., мы обнаружим, что Балканы в них доминируют. Но в серьезной прессе дело обстояло иначе... Телевидение с его чувствительностью к злободневной информации и пристрастием к захватывающему изображению благоволил к войне». Эди также отмечает, что два главных фактора, которые оказывают влияние на создание новостей – это деньги и национальные интересы. Согласно Эди, «финансовые ресурсы всех СМИ, даже ВВС, не беспредельны, и поэтому освещение событий меняется, если в дело вовлечены британские войска. Еще в 1992 г. ВВС приняло политическое решение направить

значительные силы и финансовые средства на сохранение своего постоянного присутствия на Балканах. Это очень повлияло на частоту, с которой в эфире появлялись сюжеты, посвященные этому региону».

В то же время, когда в Боснии не происходило ничего особенного, как это было в начале 1995 г., ВВС перебрасывало свою команду из Сараево в другие горячие точки, в частности в Чечню. Внезапно, похожие «картины войны» появлялись на британском телевидении, только из другого места. Эди заявляет, что это происходило из-за того, что содержать военного корреспондента в опасной зоне так дорого, что «очень немногие компании могли позволить себе следить одновременно за событиями в двух или более горячих точках»¹⁷⁸.

Если совместить все это с тем, что уже говорилось о доступности информации, то можно понять, каким образом в обществе сложилось искаженное представление о войне. Общество заваливали нескончаемыми изображениями, в основном, бесконечных страданий Сараево. Чем дольше затягивалась война, тем полнее общество воспринимало послание, отправляемое ему корреспондентами с мест событий: необходимо принять меры против сербов для того, чтобы не дать им совершить геноцид против мусульман.

США

Интересно, что репортажи, созданные американскими журналистами, находившимися в Боснии, по сути, мало отличались от тех, которые передавались их британскими коллегами. Различной была роль, которую играли СМИ в этих двух странах. Диана Файнштейн, сенатор от штата Калифорния, объясняя, почему она передумала и проголосовала за введение эмбарго на поставку оружия в Боснию, сказала: «Один кадр пронзил меня. Молодая женщина, повешенная на дереве. Этим было сказано все»¹⁷⁹.

Кадр, о котором идет речь, – с телевидения. Это не так удивительно, как может показаться. Большинство американцев узнает мир из телевизора, а большинство политиков по CNN-версии телевидения. Монополия CNN на «серьезное» американское телевидение иногда абсурдна. Во время войны в Боснии CNN была единственной компанией, у которой был постоянный корреспондент на месте событий. ABC располагала временными корреспондентами, а CBS и NBC были представлены очень нерегулярно. Таким образом, CNN, когда она оказалась в Боснии, располагала контролем над виртуальным рынком в США.

Иногда сложно сказать, кто первым создает новости: журналисты на месте или телевизионные команды. Неудивительно, что в 1990-х годах в наш лексикон вошло словосочетание «эффект CNN». Мартин Белл заметил: «Телевидение – это неотъемлемая и динамическая часть их (американской) политики и культуры. Они выбраны им и во многом принимают решения под влиянием CNN: новости на CNN – это главный мотив действий для их законодательной и исполнительной власти»¹⁸⁰.

Этот писатель не верит в то, что «эффект CNN» всемогущ. Тем не менее, нельзя отрицать, что американские СМИ обладают огромным краткосрочным влиянием. Они обладают способностью привлекать внимание общественности к проблеме, которая иначе осталась бы незамеченной. Они используют свое влияние, чтобы заставить политиков поставить конкретный вопрос в повестку дня. Тем не менее, CNN, как и большинство телесетей, в основном имеют дело с новостями на поверхностном уровне.

Исследование архива CNN в связи с Боснийской войной обнаруживает огромное количество репортажей. В определенные поворотные моменты войны (такие как взятие Сребреницы) репортеры передавали около пяти сообщений в день. Это число только увеличилось позднее, во время косовского конфликта. Тем не менее, подавляющее

большинство этих репортажей длилось 1-2 минуты. Если посмотреть на расшифровку эфира, то немногие окажутся длиннее страницы, а большинство – намного короче. Они стремятся быть «чистыми репортажами», с минимальным анализом или вовсе без него. Все же даже в таких обрывках можно продемонстрировать свое мнение о ситуации. Это мнение было четко антисербским. На телеэкранах сербы выглядели агрессорами, которые с холмов над Сараево стреляют в невинных детей.

Американская пресса была хуже представлена в Боснии, чем британская. Количество американских журналистов, по сравнению с британскими, было небольшим. И хотя президент США Б.Клинтон использовал боснийский вопрос и защиту боснийских мусульман как один из главных пунктов в своей предвыборной платформе, эта тема в течение многих лет так и не привлекла внимание американского зрителя. Кристиана Аманпур заметила: «Я удивлена, что этот конфликт в США освещается так непостоянно. Скажем, это не модная история... Мы не посылали туда полмиллиона солдат»¹⁸¹.

Этим замечанием она отражает циничный взгляд, который царил в Вашингтоне в первые годы конфликта и который госсекретарь США Джеймс Бейкер кратко сформулировал так: «Наша собака в драке не участвует». Дело было не в этом. У Америки были свои экономические и политические интересы в Боснии, и даже Клинтону пришлось это осознать. В любом случае, с этой точки зрения СМИ опередили политиков. По мере того, как война приближалась к ужасным событиям 1995 г., общественное мнение приходило в волнение и начинало требовать, чтобы что-нибудь было сделано, дабы остановить кровавую бойню.

Без сомнения, конфликт не прошел незамеченным в американской прессе. И у «Нью-Йорк Таймс» («New York Times») и у «Вашингтон Пост» («Washington Post») были свои постоянные корреспонденты в Боснии на протяжении всего хода войны (ведущие журналисты обеих газет – Питер Маас и Чак Судетич; оба опубликовали воспоминания о войне). Как и в

Великобритании, американские газеты печатали редакционные статьи, написанные на расстоянии в несколько тысяч миль от места событий. В отличие от британских редакционных материалов, американские были все-таки лучше согласованы с репортажами с места. Большинство призывало правительство к принятию мер против боснийских сербов. В отличие от правительства Великобритании, которое долго колебалось, президент США Билл Клинтон с самого начала жестко осуждал сербов.

Он, тем не менее, очень сомневался перед тем, как начать выполнять обещания, которые раздавал его красноречивый спичрайтер Тони Лейк. Американцам долгое время нравилось создавать большую, сильную и хорошо обеспеченную армию, но рисковать ею они не хотели. Это происходило во многом благодаря СМИ, которые слишком быстро показывали обществу картину возвращения солдат домой в гробах. В результате американское руководство выглядело лицемерным на протяжении большей части войны.

Еще одно различие, которое можно обнаружить, между материалами журналистов на местах и у них дома, связано с трансатлантическими отношениями. В то время как большинство западноевропейских журналистов, находившихся в Боснии, было озабочено отношениями между балканскими государствами и отношениями между Боснией и остальным миром, редакционные материалы в их изданиях много внимания уделяли обвинениям в адрес своих соседей через Атлантику.

В Великобритании Саймон Дженкинс писал для «Таймс»: «В течение двух лет политика США была циничной. Они возрождали надежды практически побежденного боснийского правительства тем, что какой-нибудь сумасшедший может прийти к ним на помощь. Этого нужно было добиться, как думал госсекретарь США Уоррен Кристофер, путем лести, подстрекательств и обвинений европейских сил и сил ООН, заставить их действовать как доверенное лицо и удовлетворить американское общественное мнение. Это мнение хотело войны хороших

парней с плохими, в которой не пострадал бы ни один американец. Настала очередь Вьетнама для Европы... Британия и Франция потеряли десятки своих подразделений в Боснии, хотя их правительства похвально прилипли к своим целям, которые заключались в том, чтобы охранять гуманитарные поставки и не впутываться в войну. Американская политика не обладает ни каплей военного разума, и все же она, как призрак, выживает»¹⁸².

Подобный критицизм проскальзывал в статьях даже после лета 1995 г. Со времени подписания Дейтонских соглашений в ноябре 1995 г. было написано множество работ, анализирующих роль Британии в боснийском конфликте. Книга Брендена Симмса «Зловещий час: Британия и разрушение Боснии» предоставляет особенно убийственное изложение поведения американского правительства. Такой нелестной критике Америки за лицемерие был нанесен ответный удар. США обвиняли Британию в моральном двуличии. Один американский дипломат сказал (не слишком дипломатично) своему британскому коллеге: «Мы в наименее благоприятный для нас момент лучше, чем вы в наиболее благоприятный для вас»¹⁸³.

Дж.Буш-старший, а позднее и Б.Клинтон, хотя и не совсем последовательно, пытались изобразить войну в Боснии как европейскую проблему, которая должна быть разрешена силами самих европейцами. На самом деле это было всего лишь оправдание, связанное скорее с внутреннеполитическими реалиями, чем с чем-либо еще. Позднее, когда США все-таки оказались вовлечены в конфликт, они во всеуслышание назвали своих европейских союзников слабыми, трусливыми и неорганизованными. Европейцы считали убежденность американцев в собственной правоте, проявленной, в частности, во время подписания Дейтонских соглашений, невыносимой, особенно если учесть, что эти документы, по сути, были не лучше тех, которые до этого предлагала Великобритания и которые были отвергнуты.

Все эти битвы были отображены в СМИ. Спустя лишь несколько лет после начала войны журналисты в обоих регионах начали обращаться к действительным проблемам в политике их правительств: в Боснии обе страны не смогли осуществить идею, которую считали священной. Спустя 50 лет после того, как европейцы клялись, что никогда больше на континенте не будет концентрационных лагерей, они существовали опять, и ничего не было сделано. Политические лидеры говорили о высокой морали, но бездействовали. Возможно, в результате этого сотни тысяч людей были убиты.

Западные «союзники», в конце концов, в 1995 г. организовали запоздалый ответ. Но опять же действовали крайне предвзято, в собственных корыстных интересах. В результате жертв войны становилось еще больше. К 1995 г. уже погибли четверть миллиона человек. К этому времени СМИ уже сформировали общественное мнение, в котором сербы – плохие и должны быть наказаны, а мусульмане – *настоящие* европейцы, которых нужно спасти. Это мнение сохранялось и дальше.

С подписанием Дейтонских соглашений война в основном закончилась, и против сербов не было предпринято масштабных военных действий. Это оставило ощущение, что сербы не были достаточно наказаны за свои преступления. Наказание должно было прийти позднее. Трудно представить, что решение о бомбардировках Югославии, дабы предотвратить «геноцид» в Косово, было принято без оглядки на Боснию. Многие политические лидеры очень не хотели, чтобы их опять обвиняли в апатии.

Почему американские и британские СМИ придерживались такого антисербского подхода? Это, без сомнения, не было их первоначальным планом. Лидеры обеих стран сначала хотели сохранить единство социалистической Югославии. Многие из них считали именно Милошевича способным это осуществить, в отличие от Туджмана, чьи националистические взгляды были очевидны с самого начала.

С точки зрения западных СМИ, у сербов также должно было быть преимущество. Они должны были выглядеть лучше, чем хорваты. Английский Туджмана не производил впечатления. На телевидении он всегда чувствовал себя некомфортно и выглядел неубедительно. Милошевич, наоборот, говорил на великолепном разговорном американском английском, а боснийский серб, вице-президент Республики Сербской Никола Колевич – известный филолог, специалист по творчеству В.Шекспира – свободно владел английским, хотя и архаичным. Более того, боснийские сербы не были деревенщиной, как их часто изображали. В их парламенте в процентном отношении профессоров было больше, чем в любом другом выборном органе управления на планете¹⁸⁴. Хотя эта была, конечно, провинциальная интеллигенция.

Британцы из-за исторических связей и традиционной англосаксонской католикофобии были предрасположены к тому, чтобы благоволить к сербам. Даже у американцев не было изначально предвзятого отношения к сербам. И все же, несмотря на эти первоначальные преимущества, сербы полностью проиграли сражение за симпатию западных СМИ.

Ответы на вопрос «почему», лежат в области сербского отношения к СМИ. К началу 1992 г. и боснийское, и хорватское правительства наняли американскую PR-компанию, чтобы та помогала им в сфере связей с общественностью. (Обе страны по какой-то причине выбрали одну и ту же фирму, чтобы представлять их временами прямо противоположные интересы).

Правительство Боснии делало все возможное, чтобы продемонстрировать свои страдания перед камерами. Его министры были всегда готовы выступить перед камерами, а солдатам было разрешены публичные выступления. Все это обеспечивало доступ к тем районам, где мусульмане хотели продемонстрировать свидетельства о жестокостях сербов. Боснийское руководство направляло работу СМИ так, чтобы

извлечь из нее выгоду. Когда в 1995 г. победы боснийской армии участились, лидеры в Сараево первое время ограничивали доступ журналистов к местам сражений. Они понимали, что на телеэкранах поражения помогали им куда больше, чем победы, и они, конечно, не хотели изменять свой ловко сконструированный имидж Давида, сражающегося с Голиафом. Результатом было, например, появление многочисленных историй о бесконечных страданиях гражданского населения в Сараево.

Сербы поступали с точностью наоборот. Правительство в Пале проводило жесткую ограничительную политику по отношению к западным СМИ. Если журналисты-любители из таких стран как Болгария сталкивались с небольшим количеством ограничений, то западные журналисты должны были давать огромные взятки сербским блок-постам на дороге Сараево-Пале. После они должны были заплатить большую сумму печально известной Соне Караджич (дочери сербского лидера Радована Караджича), чтобы получить «аккредитацию», которая была действительна только один день. Но даже это было сложно осуществить. Соня, которая, по рассказам, большую часть времени проводила, играя в видеоигры и балуя своего пуделя¹⁸⁵, была иногда недоступна или просто не в настроении, чтобы заниматься вопросами аккредитации западных журналистов. И даже полученное разрешение было ограниченным. Мартин Белл вспоминал: «Мы каждый день появлялись в Международном пресс-центре, чтобы нам сказали, у кого нам нельзя брать интервью и куда нам нельзя ходить. Если мы находили источник вне рамок ее (Сони Караджич. – С.М.) разрешения... мы рисковали немедленным изгнанием».

В какие-то моменты, как, например, во время кризисов в Горажде в апреле 1994 г. и в первой половине 1995 г., все западные журналисты были изгнаны из Пале по приказу командования армии боснийских сербов, которое, очевидно, считало их шпионами. Это убеждение не было редкостью. Белл рассказывает о попытке взять интервью у сербского

генерала Йово Бартулы. Бартула ворвался в комнату, где должно было состояться интервью, заявляя, что «Би-Би-Си – усташская организация, и что бы Вы ни хотели, у меня нет ни малейшего желания Вам помогать»¹⁸⁶. Энтони Лойд характеризует отношения между западными СМИ и сербами так: «Сербы ненавидели то, что делала иностранная пресса, почти так же, как иностранная пресса ненавидела то, что делали сербы... Сербы рассматривали журналистов как враждебную силу, из-за которой они проигрывают войну. Они были, без сомнения, правы, насколько мне было известно»¹⁸⁷.

Единственные, кто пострадал от этих взаимоотношений, были сами сербы. Во время войны зверства совершались и против сербского гражданского населения. Время от времени представители западной прессы получали подобную информацию. Однако, как бы то ни было, постоянные взятки, угрозы и ограничения мешали проверке таких сообщений. Это сопротивление западным журналистам также оказало огромную помощь боснийскому правительству. В некотором смысле в информационной войне сербы, сами того не желая, были лучшими друзьями мусульман.

В конечном счете, СМИ в значительной мере определили судьбу сербов. Момент наибольшего напряжения наступил очень быстро – летом 1995 г.

14 августа CNN обвинило сербов в осуществлении этнических чисток в Бания-Луке. Кристиана Аманпур сообщила: «В Бания-Луке сербы начали “подравнивать” хорватское и мусульманское меньшинства. Тысячи могут быть переправлены на пароме через Саву в Хорватию. Хорватские мужчины моложе 45 лет были задержаны сербами, возможно, чтобы копать траншеи»¹⁸⁸. 19 августа три высокопоставленных американских дипломата – Роберт Фрейджер, Джозеф Крузел и Нельсон Дрю – погибли в автомобильной катастрофе в Боснии, где они вели переговоры по выработке мирного соглашения¹⁸⁹. 28 августа взорвалась бомба на

центральном рынке в Сараево, было убито 34 и ранено 80 человек. 29 августа ООН высказала мнение, что «вне всякого сомнения, за это отвечают боснийские сербы»¹⁹⁰. Опять были серьезные основания полагать, что взрыв подстроили боснийские мусульмане. Однако к этому моменту, в том числе и во многом благодаря работе западных журналистов, общественное мнение уже было жестко настроено против сербов.

Еще раньше, 11 июля, пресс-секретарь Белого дома заявил, что «точные детали неизвестны, но нет сомнения в том, что происходит нечто ужасное» в «зоне-безопасности» Сребреница¹⁹¹. Теперь ясно, что Белый дом был полностью в курсе того, что там происходило. Американские спутники и самолеты-шпионы засняли события на пленку, а служба разведки, действовавшая на земле, записала многочисленные телефонные разговоры сербских офицеров, координировавших операцию. И эти материалы загадочным образом «придерживались» в течение некоего стратегического периода времени. Было ли это сделано умышленно? Возможно, но остается неясным, в какой степени.

Не стоит и говорить, что для Франьо Туджмана американцы не могли предоставить более удачного времени, чтобы реализовать его планы. В августе 1995 г. хорватская армия быстро и очень успешно отвоевала территории, где компактно проживавшие сербы создали свое государственное образование Республику Сербская Краина. Эта акция вынудила 200 тыс. хорватских сербов спасаться бегством, в основном в сербскую Боснию. В обычной ситуации это было бы расценено как этническая чистка, чем и являлось. Британские, французские и русские СМИ осудили эту операцию. «Таймс» даже назвала ее «хорватским блицкригом».

Однако в целом же этому событию в СМИ было уделено очень мало внимания. Так произошло из-за того, что американцы именно на той же неделе обнародовали поистине ужасные снимки общих могил,

наполненных мусульманскими мужчинами и мальчиками. Записи телефонных разговоров, которые вечер за вечером звучали в вечерних новостях, были также ужасающи.

В одной из них, записанной 14 июля, но обнародованной только в августе, генерал Радивое Крстич, командир отряда на Дрине, приказал майору, чьи солдаты окружили колонну мусульман, длиной более двух миль: «Вы должны убить их всех, нам никто не нужен живым»¹⁹². На другой записи офицер, называвший себя «Сокол», докладывал, что он обнаружил 50 мусульман, скрывающихся в лесу. Его коллега с позывным «Черногория» приказывает ему: «Мы должны убить всех... делайте это медленно. Окружите их и убивайте медленно»¹⁹³. Рядом с такими словами, заявление Туджмана о том, что «мы настаивали, чтобы они (краинские сербы) остались, но они не слушали нас... ну что же, *bon voyage!*», казалось вполне невинным.

Моментально ООН начала искать оставшихся в живых. Так как убийства совершались в спешке и не всегда тщательно, можно было найти живых свидетелей. Эти люди находились под специальной программой защиты, чтобы свидетельствовать против своих мучителей в Международном трибунале в Гааге. Их свидетельства должным образом записывались и появлялись как заголовки в большинстве западных газет в течение почти всей осени 1995 г. Их истории походили друг на друга, рисуя картину нацистского варварства. Так же их воспринимала и пресса.

Например, «Сандей Таймс» опубликовала большую статью под заголовком «Тысячи убитых». В ней некто Ходжич свидетельствовал: «Я упал на землю, а все тела сверху на меня, но я не был ранен... Вторая волна была короткой, и я был похоронен». Оставленный как мертвый среди трупов, он ждал наступления темноты и пока не уйдут его палачи. Затем он выбрался наружу из-под мертвых тел и пробрался в ближайший лес. Он и еще двое других спасшихся 11 дней добирались до территории, контролируемой правительством»¹⁹⁴.

«Индепендент он Сандей» («Independent on Sunday») опубликовала интервью с голландскими военными миротворцами, которые находились в том районе. «Сербы, – говорил Джохан Бос, голландский сержант, – хвастались тем, как они убивали людей и насиловали женщин... Казалось, они были довольны собой в профессиональном смысле. Я верил тому, что они говорили, потому что они выглядели и вели себя так, будто они были более чем способны на то, о чем они заявляли. У каждого была восточноевропейская овчарка, ружье, наручники и ужасающего вида нож с лезвием около девяти дюймов»¹⁹⁵.

«Нью-Йорк ревью оф букс» опубликовала переписку между голландскими сухопутными силами и их начальством, с такими сюрреалистическими деталями: «Младич зарезал свинью перед голландским командиром, чтобы доказать свою силу»¹⁹⁶. В конце концов у «Нью-Йорк Таймс» появился американско-югославский корреспондент, чтобы брать интервью у сербов, принимавших участия в убийствах. В интервью сербы оправдывали необходимость убийств тем, что это была кровная месть за предыдущие преступления. «Еще тогда, – говорили они, – мы знали, рано или поздно наши пять минут настанут». «Честно было убить их всех?», – я спросил отца – «Абсолютно. Это был честный бой»¹⁹⁷.

Если западное общественное мнение раньше и сомневалось в том, чтобы обвинять только сербов, то теперь, этого больше не было. Снимки и свидетельства из Сребреницы были последней каплей, особенно потому что они появились одновременно со смертью Фрейжера и вторым взрывом на рынке в Сараево.

К концу 1995 г. Великобритания перестала колебаться, Франция, под руководством только что избранного Жака Ширака, была готова действовать, а американские политики закончили подготовку к решительному вмешательству в конфликт, в том числе и подготовку общественного мнения. Все это закрепило подход «Накажите злых сербов» по отношению к Балканам, что вылилось в военное вмешательство,

подписание Дейтонских соглашений и в конечном итоге, в натовские бомбардировки Сербии в 1999 г.

1.2. На континенте

Очевидно, что война привлекала внимание СМИ по всему миру, не только в англоговорящих странах. И хотя многие мелкие государства предпочли переводить материалы, появляющиеся в Ассошиейтед Пресс (Associated Press) и Рейтер (Reuters), несколько крупных и средних государств были постоянно или периодически представлены на Балканах. Страны, соседствующие с зоной конфликта, были, естественно, наиболее заинтересованы, равно как и другие страны, обладающие долгосрочными интересами в данном регионе.

Франция

Боснийскому конфликту было уделено значительное внимание во французских СМИ. Главные национальные газеты «Монд» («Le Monde») и «Фигаро» («Le Figaro») держали своих корреспондентов в зоне конфликта, так же как и телеканалы ТФ1 (TF1) и Франс 2 (FRANCE 2). Анализ материалов этих СМИ выявляет несколько интересных противоречий. В начале конфликта СМИ были настроены просербски, что объяснялось историческими причинами. К этому добавлялся страх того, что Германия, недавно вновь объединившаяся, стремится к усилению своей мощи в Европе и созданию четвертого Рейха.

В статье, озаглавленной «Югославия перед германским экспансионизмом», «Монд» в качестве предупреждения цитировала писателя и лидера Сербского движения обновления Вука Драшковича: «Интерес Германии заключается в том, чтобы разделять. Можно остановить Германию сейчас, завтра уже будет слишком поздно». В той же статье говорилось далее, что «Германия – все еще враг сербов», а в

заключение читателей спрашивали: «Если Европа не способна остановить фашизм в Хорватии, что нам делать?»¹⁹⁸

Такие настроения начали меняться по мере того, как во французской прессе появлялись односторонние сообщения из Боснии о сербских зверствах по отношению к мусульманскому гражданскому населению. Сербское правительство ввело ограничения на передвижения для французских журналистов и ограничило их доступ к месту событий, как в Боснии, так и в собственно Сербии. Многие журналисты жаловались на раздражение властей. К концу 1992 г. пресса уже всюду писала о «сербско-черногорской агрессии» и «битве Давида и Голиафа».

В статье под названием «Боснийские осажденные, повергнуты сербами в замешательство» цитировались боснийские генералы, обвинявшие Францию как представительницу Запада в том, что она их предала. Сефер Халилович, в частности, заявил: «С каждым днем мы все больше чувствуем себя преданными международным сообществом... Западные страны несут ответственность за то, что происходит здесь». А Радиз Делачич добавил: «Западный мир обрек нас на смерть. У нас нет права быть мусульманами на Балканах. Здесь целый народ исчез в безразличии»¹⁹⁹. Такая пропаганда приносила свои плоды.

В 1993 г. уход французских СМИ с просербских позиций стал еще более очевиден: «Фигаро», «Монд» и наиболее громко Хелен Деспич из «Либерасьон» («La Liberation») и Тейя Виктория из Франс Пресс (Agence France Press) опубликовали серии репортажей об ужасах, творимых сербами. Тогда же начала проводиться столь полюбившаяся в западной журналистике линия на сравнение сербов с нацистами. На то, что сербы – этническая категория, а нацизм – идеологическая, внимания не обращали.

В 1993 г. в «Монд» была опубликована статья «Балканские дебаты: идеологические источники этнических чисток», в которой сравнивались Гитлер и Милошевич и замечалось: «Безусловно, цель Милошевича –

создание Великой Сербии, а цель Гитлера была создать Великий Рейх. У национал-социализма одного есть много общего с национал-коммунизмом другого». Статья также обвиняла сербское правительство в том, что оно лгало своим гражданам, дабы получить поддержку в войне и укоренить в сознании людей веру в то, что сербы – нация, одновременно гонимая и высшая по отношению к своим соседям. То же самое делал третий Рейх. Как отметил писатель Франсуа Фейто: «В обоих случаях пропаганда сыграла решающую роль, создавая коллективную паранойю и превращая патриотические чувства в страсть мстить и убивать»²⁰⁰.

У французских СМИ было много общего с британскими, хотя это и кажется невероятным. В 1995 г. французские СМИ единогласно осудили отвратительные события в Сребренице. Журналистка Флоренс Хартман опубликовала обширную статью в «Монд» под названием «Колонна ада», в которой представила ужасающие детали убийств «четниками» мусульманских мужчин, когда они пытались уйти в Тузлу, и привела интервью с теми, кому удалось спастись. Статья оставляет тяжелое, убийственное ощущение, что очень не понравилось правительству Сербии. Вскоре после публикации статьи Хартман была арестована и выслана из Белграда. К ярости всего журналистского сообщества Франции ей было также отказано в повторном получении визы.

Французские СМИ осуждали сербов, но надо отметить, они не мирились безоговорочно с тем, что делали хорваты. «Операция Буря» была громко осуждена французскими СМИ, а Туджмана обвинили в том, что он проводит свои собственные этнические чистки. В общем, интерпретация боснийского конфликта во французских СМИ было следующей: все стороны изображались плохими, но мусульмане являлись наименьшим злом, а сербы – наибольшим.

Италия

Итальянский журналист Паоло Румиз заметил, что Боснийская война была «ключевой для Европы и в еще большей мере ключевой для Италии»²⁰¹. Это, несомненно, правда. Экономически, культурно, исторически, религиозно и географически Италия связана с бывшей Югославией, особенно со Словенией, Хорватией и Черногорией. Большая часть сегодняшней Хорватии в течение нескольких веков принадлежала Венеции. До 1945 г. в состав Италии входил полуостров Истрия. В Хорватии проживает этническое итальянское меньшинство, а в некоторых областях вдоль Адриатического побережья итальянский язык всем понятен.

Таким образом, неудивительно, что Италия столь быстро присоединилась к Германии в поддержке независимости Словении и Хорватии. Италия также являлась одним из лидеров в стремлении быть защитником «настоящей» Европы. Как отметил Клаудио Магрис, «каждый пограничный народ ощущает себя защитником цивилизации от орд с Востока: итальянцы по отношению к словенцам, словенцы – к хорватам, хорваты – к сербам, сербы – к туркам и т.д.»²⁰². Пока ведутся бесконечные споры о том, где кончается Европа и начинается Азия, для большинства итальянских журналистов, освещавших войну, ответ, кажется, был очевиден. Словения, Хорватия и Босния были Европой, Сербия, Черногория и Македония – нет.

Это мнение распространено не только в Италии, большинство европейцев согласились бы с ним. Тем не менее, у итальянцев было больше причин придерживаться этой позиции. В своей книге «Маска для резни» журналист Паоло Румиз вспоминает о том, что он вырос на рассказах своего отца о Второй мировой войне, часть которого стояла в Книне, и рассказах деда о Первой мировой войне, который вместе с хорватами и мусульманами сражался в армии Австро-Венгрии²⁰³. Нет никаких сомнений, что такие истории «о дружбе и сотрудничестве» между

итальянцами, хорватами и боснийцами способствовали формированию мнения Румиза о том, что сербы – византийцы, а дело боснийских мусульман – это «*cosa nostra*» («наше дело»). – С.М.).

Освещение войны в итальянской прессе без сомнения поддерживало такое мнение. Итальянские (и частично испанские) СМИ лояльно поддержали своих немецких коллег и не поддались сербским, британским и французским запугиваниям по поводу возрождения немецкой угрозы.

Германия / Австрия

Из числа всех СМИ, исключая югославские, немецкие и немецкоязычные подверглись самой сильной критике. Многие наблюдатели, особенно во Франции и Великобритании, утверждали, что именно Германия создала многие проблемы в балканском регионе, преждевременно признав независимость Хорватии. Утверждалось, что подобный шаг был вызван преимущественно экономическими и политическими соображениями.

Каковы бы ни были истинные причины Германии, в данном случае не важно. Но надо сказать, что немецкие СМИ с самого начала проявляли активный интерес к югославским делам. Также важно отметить, что немецкие СМИ являются в высшей степени коммерческими (как в США и ряде других стран).

Повышенный интерес Германии и Австрии к Югославии понятен. Югославия намного ближе к ним, чем, например, к Америке. Хорватия – хорошо известна многим немцам. В течение долгих веков она входила в состав Австрии (Австро-Венгрии), у австрийцев и хорватов была общая история. Во времена Тито многие немцы проводили свой летний отпуск в Далмации на берегу Адриатического моря. В 1960-70-е годы Германия приняла множество югославских гастарбайтеров, в основном из Словении и Хорватии. Многие остались в Германии навсегда и были среди тех, кто громче всех требовал признания независимости Хорватии. Таким образом,

в ситуации, когда индустрия новостей находится в условиях жесткой конкуренции и высокой степени коммерциализации, кампании должны производить новости, которые «продаются». Истории о страданиях хорватов в Германии «продавались» хорошо, много лучше, чем в любом другом месте Европы.

С 1945 по 1989 годы Западная Германия завоевала огромное уважение со стороны других европейских стран. Ее народ испытал на себе тяжелейшие этнические чистки, когда после войны немецкое население было изгнано из многих стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Массовые насилия были обычны, они даже поощрялись, особенно в областях, оккупированных СССР и позже составивших ГДР. Тем не менее, Западной Германии удалось превратиться в экономическую супердержаву, преданную соблюдению прав человека и социальной справедливости.

Долгое время Германия оставалась разделенной на Западную и Восточную. Это делало страну уязвимой и политически неполноценной (уверенность Франции и Англии в собственной правоте тоже не слишком помогала). Это состояние политической неподвижности быстро исчезло, когда страна вновь объединилась.

Неожиданно Германия, самое крупное государство в Евросоюзе, получила возможность утвердить и свои политические права. К сожалению, она выбрала для этого Балканы. Ее усилия в Хорватии были, мягко говоря, тяжеловесными и неуклюжими. Даже некоторые из наиболее уважаемых немецких газет, например «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» («Frankfurter Allgemeine Zeitung»), превратились в шестеренки пропагандистской машины, настроенной исключительно антисербски.

Результатом была плохая журналистика. На хорватов молились как на самых западных (за исключением словенцев) и самых демократичных из югославских народов. Сербы же в немецкой прессе часто характеризовались как «наследники Чингисхана» или «ученики Садлама Хусейна», которые при этом являются «этнофундаменталистами». Их

называли «сербо-большевиками». Писатель Курт Копрунер отметил, что в политических карикатурах сербов изображали «катающимися в грязи свиньями, мутировавшими быками, рвущими волками, кровососущими динозаврами, двуязыкими змеями, коршунами-падальщиками, голодными гиенами и мощными боевыми псами. Запад имел дело не с людьми, а с монстрами»²⁰⁴. Такой портрет был все-таки крайней редкостью в других странах.

Не только хорваты были хорошими в изображении немецких СМИ, но и мусульмане. Западные немцы всегда были известны своей политкорректностью в расовом отношении, так же было и по отношению к Боснии (исключение составляли сербы). Таким образом, мусульмане были хорошими парнями потому, что они – мусульмане. В 1995 г. «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» опубликовала статью по поводу 70-летия Алии Изетбеговича. Автор превозносил Изетбеговича за его скандальную «Исламскую декларацию» 1970 г., о которой он пишет, что «это исторический документ религиозного сопротивления атеистической системе». Статью завершало утверждение: «В этот вторник Изетбеговичу будет 70. Но ему придется еще подождать того момента, когда он станет президентом всех граждан Боснии, в стране, достигшей мира и территориальной целостности»²⁰⁵. Эта статья не оставляет сомнений в политических взглядах автора.

Если немецкие СМИ были твердо предрасположены к тому, чтобы помогать только хорватам и мусульманам, то и сербы отвечали им взаимностью, не стремясь завезать их симпатии. Сербы быстро и не без оснований определили Германию как своего врага. В своих мемуарах Миша Гленни рассказывал, как его остановили на дорожном блок-посту на территории, которую контролировали сербы. Сербы направили на Гленни оружие и спросили о его национальности. Когда Гленни сказал, что англичанин, они согласились отпустить его, но сказали, что если бы он был немец или австриец, то «это была бы совсем другая история»²⁰⁶.

Вследствие таких настроений правительство Германии выступило с предупреждением, что передвижения по сербской территории небезопасно. В результате большинство материалов о Сербии или сербах в Хорватии и Боснии, которые появлялись в немецкой прессе, были либо из Будапешта, либо писались журналистами – этническими сербами, как например, Мира Бехем. Подобная недоступность информации из первых уст также искажала взгляд на и без того запутанную ситуацию.

2. РОССИЙСКИЕ СМИ

В то время как многие западные страны демонстрировали в той или иной степени антисербские настроения, прямо противоположное происходило в России. Это, тем не менее, не было очевидно с самого начала. В первые годы кризиса большинство российских газет не имело своих корреспондентов на Балканах. Поэтому, особенно в 1991-1992 годах, газеты оперировали главным образом западной информацией. Даже газета «Известия», у которой был свой корреспондент на Балканах (Е.Вострухов в Белграде) никогда не публиковала его сообщения в полном объеме. Они либо сокращались до неузнаваемости событий и фактов, либо дополнялись строками редактора в Москве. У ИТАР-ТАСС, естественно, были свои корреспонденты (А.Кондрашов, И.Иванов), но их сообщения редко публиковались в газетах²⁰⁷. В результате в первые годы войны российские СМИ не сильно отличались от западных.

Запад и Восток походили друг на друга не только в том, что касалось освещения конфликта в СМИ. И там, и там подход к нему политиков и «специалистов» был во многом поразительно похож. По обе стороны от бывшего «железного занавеса» царило смятение, и события в основном рассматривались с точки зрения ситуации у себя дома, а не балканских реалий.

До распада СССР его правительство хотело сохранить мирным путем «единую независимую Югославию». В сентябре 1991 г. СССР

выступил коспонсором резолюции Совета Безопасности ООН (№ 713), наложившей эмбарго на военные поставки в Югославию²⁰⁸. Горбачев в октябре 1991 г. вел переговоры в Москве с Туджманом и Милошевичем в безуспешной попытке достигнуть компромисса. Без сомнения, возможность коллапса многонационального югославского государства беспокоила советское руководство, но не более чем британское. Не стоит говорить и том, что советское правительство было способно остановить развал Югославии, точно так же, как и кто-либо другой.

Даже после развала СССР не сразу стало ясно, какова будет позиция России. Ельцин не был другом Милошевича. Последний поддержал попытку реакционного переворота в августе 1991 г., чем навлек на себя продолжительный гнев Ельцина. В начале 1992 г. позиция российского правительства была совершенно неясной. В феврале 1992 г. Россия наравне с большинством стран Запада признала независимость Словении и Хорватии, подчеркнув, что это был «выбор народа». По мере ужесточения конфликта Ельцин первоначально разделял американскую точку зрения о том, что участников конфликта дисциплинировали бы санкции и что, хотя пока «правых и виноватых нет ... Сербия считается агрессором»²⁰⁹. В апреле 1992 г. конфликт в Боснии и Герцеговине начал быстро набирать обороты. Вновь Россия не смогла выработать ясное мнение о происходящем, за исключением того, что отложила признание правительства Алии Изетбеговича в Сараево и отказалась признать в каком бы то ни было виде боснийских сербов в Пале.

Тем не менее, как и во многих западных странах, в России царило недоумение о том, кто есть кто в этом конфликте. К.Никифоров заметил, что «министр иностранных дел А.Козырев на одном из первых заседаний комитета по международным делам Верховного Совета пугал Словению и Славонию, думал, что все народа этого региона – православные, не знал, где находится Дубровник... Президент Б.Ельцин, похоже, тоже так до

конца и не выучил названия югославских мест и постоянно путал фамилии даже главных действующих лиц югославских событий»²¹⁰.

Таким образом, Россия по отношению к югославскому кризису в 1991-92 годах не сильно отличалась от любой другой страны вне балканского региона, за исключением, может быть, Австрии и Германии. Как бы то ни было, но к концу 1992 г. ситуация начала меняться, когда российская политическая элита, эксперты и такие ученые, как П.В.Волобуев, Л.В.Тягутенко, В.К.Волков, Е.Ю.Гуськова и другие начали настаивать, что Россия должна занять более энергичную позицию в конфликте²¹¹.

Активные выступления на страницах газет и в еженедельниках представителей экспертного сообщества, в частности ученых, стало для России новым явлением. Во времена Советского Союза в условиях цензуры такого, естественно, быть не могло. Следует отметить, что кроме отмеченных ученых, занимавших в целом просербские позиции, были и другие, которые, ретранслировали, по сути, западные взгляды. Они усиленно пропагандировали тезисы о том, что особенные отношения между русскими и сербами это – ни что иное, как миф или стереотип; что суть сербской политики – использование России для обслуживания своих интересов; что сербы повернутся на Запад, как только добьются своих целей. Говорилось и том, что сербы уже один раз вызвали мировую войну, от которой именно Россия в связи с революцией 1917 г. больше всех пострадала. Таких «аналитиков» в России было меньшинство, но их стараниями на Западе очень долго создавалась во многом обманчивая картина российского общественного мнения по поводу югославских событий²¹².

Повторим, в первые годы боснийской войны позиция российских журналистов очень мало отличалась от мнения многих британских комментаторов. Это кажется неожиданным, если вспомнить жесткую реакцию российских СМИ на натовские бомбардировки Югославии в 1999

г. Однако во время косовского конфликта существовало уже явное различие между западными и российскими СМИ, правительственным и общественным мнением. К тому времени сообщения СМИ отражают мощное ощущение российского общества, что Сербия действительно является братским государством и что НАТО несправедливо его атакует. Эмоции были столь же очевидны на Западе, большинство верило, что война оправдана с точки зрения защиты прав человека.

Тем не менее, повторим, взгляды на югославский кризис не были столь отточены в начале конфликта в Боснии. В 1991 и 1992 годах сообщения российских СМИ шли в русле западной (путанной) линии. К 1994 г. и там, и там взгляды начали меняться. Насколько западное мнение все больше склонялось в сторону мусульман и Клинтон, по-видимому, согласился закрыть глаза на вооружение хорватской и боснийской армий вопреки эмбарго ООН, настолько большинство российских СМИ укрепились в своей просербской позиции.

Например, два репортажа были показаны в ноябре 1994 г., один – в Великобритании, другой – в России.

В Россию ушел следующий комментарий: «Мусульманские войска продолжают наступление на позиции сербов в западной Боснии. По данным из военных источников они практически окружали город Босанска-Крупа в сорока километрах от Бихача. Из города эвакуировано все гражданское население, и хотя кольцо сжимается все плотнее, сербы удерживают Босанску-Крупу. Ожесточенные бои разгорелись и на других фронтах. В минувшие сутки мусульманские войска атаковали позиции боснийских сербов под Сараево, в районе горных массивов Игман и Белашница. Колонны мусульман движутся из Тузлы в направлении города Биелина. Не стихает канонада и на севере Боснии, в горном районе Озрен. В ходе атак мусульманских войск под Сараево был обстрелян один из наблюдательных пунктов французского батальона миротворческих сил ООН внутри демилитаризованной зоны. И все это происходит на фоне

попустительства со стороны все тех же голубых касок. Осуждая действия боснийских сербов, миротворцы фактически закрывают глаза на бесчинства мусульман. Больше того, боснийское правительство развернуло пропагандистскую кампанию против сил ООН, обвиняя их в поддержке сербов. Совершенно очевидно, что сараевские правители полностью игнорируют мнения международного сообщества, добиваясь снятия эмбарго на поставки оружия. И если это все-таки произойдет, война в Боснии вспыхнет с новой силой»²¹³.

В Великобритании же то же самое преподносилось совсем иначе: «Вчера в Боснии продолжились бои к северо-западу от Бихача, в то время как ООН подтвердила, что тяжелые бои идут на юго-западе, где правительственные силы пытаются отеснить сербские войска от главной дороги между Сараево и Адриатическим морем... Сейчас политики и военные ООН столкнулись с затруднением, как остановить сербские войска, стремящиеся к Бихачу, который Совет Безопасности ООН объявил «зоной безопасности». Один из офицеров ООН заявил вчера, что сербы заняли, по крайней мере, 40 из 100 квадратных миль, занятых в основном армией боснийских мусульман»²¹⁴.

Анализируя эти два примера конца 1994 г., можно увидеть, что Россия и Запад после периода шараханья более или менее выработали свои позиции. Несмотря на то, что речь идет вроде бы об одних и тех же событиях, они без сомнения интерпретируются по-разному. Внушительна даже разница в использовании языка. В русской версии войска, сражающиеся против сербов, названы «мусульманские войска». В английской – они названы «правительственные силы» или «армия боснийских мусульман». В русском варианте эти таинственные силы продолжают «наступление» на сербские позиции, но в английском – таких слов нет. Вместо этого английский вариант обвиняет сербов в том, что они «устремляются на Бихач». Хорошие парни никогда не устремляются на кого бы то ни было! Согласно русской версии оказывается, что ООН

играет куда более дурную роль, чем в английской версии, в которой миротворцы мило предоставляют хорошие цитаты и, кажется, делают все возможное, чтобы «остановить сербов». Хороших парней, разумеется, никогда не надо «останавливать».

По мере того, как война приближалась к Дейтону, разные западные страны, вовлеченные в конфликт, начали сотрудничать между собой в степени большей, чем можно было предположить раньше. В то же время общественное мнение и журналисты в России начали по возрастающей отходить от взглядов, которых придерживались на Западе, и более открыто поддерживать сербов. Причем, если на Западе общественное мнение и СМИ в целом одобряли ужесточившиеся антисербские действия своих политиков, то в России увеличивался раскол между общественным мнением и проводившейся прозападной официальной политикой. Такой разброс мнений на Западе и в России продолжал расти и достиг своего пика в поразительно разных реакциях на косовский кризис в 1999 г. и последующие бомбардировки Сербии. Ко времени, когда российские и западные журналисты оказались в 1999 г. в Косово, языки, которыми они пользовались, настолько различались, что казалось, что они освещают абсолютно разные конфликты.

* * *

Югославский кризис привлек к себе огромный отряд журналистов из разных стран мира. Ни один кризис не освещался столь подробно. И все же можно вполне определенно говорить о поражении, которое потерпело в бывшей Югославии и, в частности, в Боснии международное журналистское сообщество. Оно оказалось неспособным к решению сложных, неоднозначных задач. Во всем мире журналисты настойчиво формировали образы сербских варваров и коммунистов, хорватских демократов и мусульманских жертв. Тотальное «промывание мозгов» в годы боснийской войны оказалось обоюдоострым оружием. Объективная информация отсутствовала почти полностью, оказавшись замененной

«эмоциональной». От него страдали не только жители других стран, но и сами журналисты, которые писали все «субъективнее» и все дальше отходили от истины. Сказался, конечно, и «CNN-эффект» – почти монопольное освещение кризиса только под одним углом зрения. Этой монополии в определенной степени бросила вызов арабская телекомпания «Аль-Джазира», что сразу же сказало при освещении и восприятии второй Иракской войны в 2003 г.

3. ЮГОСЛАВСКИЕ СМИ

3.1. Перед началом конфликта

Во всем мире, независимо от проповедуемой идеологии, всегда понимали, что средства массовой информации являются важнейшим инструментом власти. При помощи СМИ можно манипулировать людьми и влиять на их мнение. Этому же взгляду придерживались и в Югославии во времена Тито. Журналисты, не следующие официальной линии партии, поступали на свой страх и риск. Так, например, Милован Джилас заработал неприятности именно как журналист, а не как член ЦК Союза коммунистов Югославии. Его осудили не за мысли – возможно, многие из его коллег были с ним согласны. Преступление Джиласа заключалось в том, что он опубликовал свои мысли. И все же, хотя случай с Джиласом ясно показывает отсутствие свободы средств массовой информации в социалистическом государстве, он также может служить и примером особенной позиции Югославии среди социалистических стран.

Джилас являлся одним из ближайших соратников Тито, когда в 1953 г. он начал публиковать свои еретические работы. Этот период был переломным моментом в истории социалистической Югославии. Тито порвал отношения со Сталиным лишь пять лет назад, и югославские лидеры все еще находились в поисках новой идеологии, которая подходила бы изменившемуся геополитическому положению их страны.

Сначала Джилас критиковал сталинизм, а затем выступил за реформирование коммунистической партии и начал яростно нападать на обуржуазившейся образ жизни партийной элиты.

Все эти идеи были объединены в его работе «Новый класс» (1957 г.), опубликованной на Западе и запрещенной в Югославии. Тем не менее, до этого момента работы Джиласа публиковались в Югославии – и даже партийной прессой. Оба официальных партийных источника – теоретический журнал «Ново мисао» и ежедневная газета «Борба» – печатали его бесчисленные еретические статьи. Джиласа арестовали только после того, как он поддержал Венгерскую революцию 1956 г.²¹⁵ Отсюда можно заключить, что хотя цензура в Югославии, несомненно, существовала, она несколько меньше подавляла личные взгляды по сравнению с другими социалистическими странами, входившими в социалистический лагерь.

Степень либерализма имела тенденцию к большим колебаниям в зависимости от внешнеполитических обстоятельств. Так, освещение Венгерской революции в средствах массовой информации Югославии было объективным до тех пор, пока Тито не решил поддержать подавление революции Хрущевым. Репортажи югославской прессы о «Пражской весне» 1968 г., которые передавал Юрий Густинац, корреспондент «Политики» в Праге, были одними из лучших в мире.

В конце 60-х и начале 70-х гг. в Югославии наблюдался необыкновенный всплеск журналистских расследований, что было особенно характерно для Хорватии, где этому способствовала разворачивавшаяся «Хорватская весна». Так, например, «Весник у среду» («Vjesnik u sredi») и «Хрватски тедник» («Hrvatski tjednik») начали поднимать такие вопросы, как положение хорватов в Югославии и сербов в Хорватии, что было запретной темой с 1945 года²¹⁶.

В конце концов, Тито решил, что подобный либерализм/национализм выходит из-под контроля, после чего

последовали репрессивные меры по отношению к хорватским руководителям и хорватской прессе. Хотя подобная реакционная политика проводилась во всех республиках, наиболее жесткие меры были предприняты именно в Хорватии, которая к концу 70-х годов получила название «молчащей республики». Ситуация оставалась неизменной и в 80-е годы²¹⁷.

Уолтер Зиммерман, посол США, служивший в Белграде в 1960-х и в 1990-х годах, пишет: «В 1960-е годы, находясь в течение трех лет в Белграде, я обнаружил, что югославские журналисты были гораздо более либеральными и чуждыми условностям, чем их многие другие соотечественники. Они были готовы не только поделиться информацией, но критиковать и размышлять. После того, как в конце 80-х годов на смену коммунизму пришел национализм, лучшие из журналистов вынуждены были либо следовать новой линии, либо примкнуть ко все сокращающемуся числу относительно объективных газет и теле- и радиовещательных станций, либо покинуть страну. Одним из парадоксов новой эпохи национализма в бывшей Югославии являлось то, что во многих случаях стандарты для некогда высокопрофессиональной журналистики определяли бывшие коммунисты»²¹⁸.

В своем высказывании Зиммерман правильно подчеркивает связь между подъемом национализма и упадком критической журналистики в Югославии в 1980-е годы. Как и их коммунистические предшественники, националисты, появившиеся в начале 1980-х годов, рассматривали средства массовой информации как орудие пропаганды новой идеологии. Вместо характерного для эпохи правления Тито девиза о «братстве и единстве» националисты фактически использовали средства массовой информации для разжигания в гражданах ненависти друг к другу. Именно по этой причине британский журналист и писатель Миша Гленни назвал хорватские и сербские средства массовой информации военными

преступниками, одними из тех, кто больше всего был виновен в цепи войн в Югославии²¹⁹.

Обозреватель средств массовой информации Соня Бисерко обобщает ситуацию следующим образом: «СМИ всегда являлись орудием пропаганды. Надо признать, что за последние годы журналистика в бывшей Югославии достигла высокого уровня профессионализма, но, несмотря на это, ее основной функцией оставалась поддержка режима. Журналисты всегда рассматривались как профессионалы с особой социальной и политической миссией, другими словами, как социально-политические работники. За последние 10 лет их роль и место в сербском обществе не изменились ни в чем, кроме одного аспекта – их коммунистическая направленность сменилась социалистической»²²⁰. Мы бы добавили, что эта «социалистическая» направленность очень быстро сменилась националистической – и не только в сербских, но и во всех других республиканских СМИ.

Начавшейся распад страны в конце 1980-х годов отразился как на содержании публикуемых статей, так и на круге читателей. В октябре 1989 г. белградская газета «Борба» опубликовала обзор, в котором сообщалось, какие периодические издания люди из разных республик используют в качестве источников информации. Результаты отчетливо показали замыкание жителей внутри своих республик. Например, 54% сербов считали, что «Политика», выходящая в Белграде, является самой влиятельной газетой в стране, но лишь 9% хорватов и 9% боснийских мусульман согласились с этим. Более того, 79% хорватов заявили, что они получают новости из хорватских источников. Подобное отчуждение уже в рамках национальных общин наиболее ярко проявилось в Боснии, где в качестве основных источников информации мусульмане назвали боснийские «Освобождение», «АС» («Oslobodjenje», «AS»), боснийские хорваты – хорватские «Весник», «Вечерни лист» («Vjesnik» и «Vecernji List»), а боснийские сербы – «Политику» и «Политику Экспрес»²²¹.

Размежевание круга читателей отразила происходившую «балканизацию» страны. После того, как национальные группы начали отдаляться друг от друга как в культурном, так и политическом смысле, страна оказалась на пути к катастрофе. Чтобы проанализировать причины этого, необходимо отдельно рассмотреть средства массовой информации государств, образовавшихся после распада Югославии.

Хотя СМИ Словении и Македонии очень подробно освещали кровавую бойню, начавшуюся в бывшей Югославии после 1991 г., мы не будем останавливаться на них подробно. Однако СМИ Сербии, Хорватии и Боснии и Герцеговины, которые оказались в самом центре первого этапа югославского кризиса, следует рассмотреть отдельно.

3.2. Сербские СМИ

Слободан Милошевич, сербский лидер с конца 1980-х до 2000 года, несомненно, научился своим приемам контроля над прессой и теле- и радиовещанием еще в те времена, когда он был коммунистическим «аппаратчиком» в Белграде. Придя к власти в 1980-х годах, он просто изменил идейное содержание своей пропаганды.

Уоррен Зиммерман отмечает, что в то время, когда он служил послом США в Белграде в 1990-х годах, ему сообщали, что Милошевич ежедневно встречается с главой белградского теле- и радиовещания. Это не было каким-то особым исключением для бывшей Югославии. Тем не менее, Милошевич во многом более тонко манипулировал СМИ, чем его хорватский коллега Туджман. В течение всего времени, пока Милошевич был у власти, он разрешал существовать таким оппозиционным источникам информации, как, например, радиостанция «B92». Милошевич использовал этот факт в качестве аргумента, доказывая Западу, что он является настоящим демократическим лидером, допускающим оппозицию его правлению.

В действительности же Милошевич тщательно следил за тем, чтобы взгляды оппозиции не выходили за пределы Белграда. Только там работала радиостанция «Б92», и только белградские жители могли свободно приобрести еженедельный журнал «Време» или же смотреть телевизионный канал «Студия Б». У тех же, кто жил за пределами столицы, такого выбора не было. Милошевич следил за тем, чтобы «Студия Б» и «Б92» постоянно получали отказ в праве расширить свое вещание за пределы Белграда. Кроме того, распространители в других городах отказывались продавать «Време».

Правительство регулярно манипулировало законодательством, чтобы сделать работу независимой печати практически невозможной. Как утверждает Марк Томпсон из «Article 19», независимые газеты должны были платить за типографские услуги в три раза больше, чем издания, поддерживавшие политику Милошевича²²². Известно, что независимым журналистам неоднократно угрожали расправой; их сажали под арест, подвергали допросам. Во время кризиса в Косово цензура стала практически абсолютной.

Редактор «Време» Петар Лукович подвел итог политике Милошевича по отношению к независимой печати следующим образом: «Слобо чертовски умен. Хотите знать, почему? Посмотрите на меня. Я здесь... Он разрешает нашему журнальчику выходить, потому что знает, что мы не представляем для него угрозы. Кто нас читает? Несколько профессоров, дипломаты и иностранные журналисты... Он знает, что наше существование ему на руку. Мы являемся доказательством того, что в этой чертовой стране осталось еще немного демократии. Как только у нас вырастет тираж, Милошевич нас закроет»²²³.

Таким образом, Милошевич терпел определенное количество контролируемого недовольства с целью позитивной пропаганды своего режима за рубежом. Он был столь же умен при контроле официальных изданий и государственного телевидения, в которых поощрялась

самоцензура. Ему не нужно было лично читать все газеты перед публикацией. Журналисты знали, что могло произойти в случае, если они зайдут слишком далеко, поэтому немногие были готовы рисковать. Даже если режим не давал себе труд осуществлять предварительную цензуру, люди всегда чувствовали его тяжелую руку.

Так, в 1990 г., когда Милошевич пытался создать себе образ умеренного политика, он заставил прессу вдруг вспылать интересом к Воиславу Шешелю, имевшему еще более националистические воззрения, чем он сам. Тем не менее, когда Шешель стал слишком популярен и потому неудобен, он неожиданно исчез с экрана телевизора²²⁴.

Или, например, тогда же во время президентских выборов в Сербии (1990 г.) других кандидатов, помимо Милошевича, просто невозможно было увидеть на телевидении или встретить в прессе. Наконец, в ответ на международные и внутренние протесты Милошевич устроил фарс. Он объявил, что всем кандидатам будет отведено эфирное время, чтобы представить себя, один за другим по очереди. Сам Милошевич в этом ряду решил не появляться. Результаты подобного вещания были заведомо нелепыми, так как наряду с серьезными кандидатами от оппозиции на экране появлялись алкоголики, религиозные фанатики и прочие странные личности. Разумеется, на их фоне Милошевич казался вполне нормальным человеком²²⁵.

В то время, когда страна находилась на грани войны, сербские средства массовой информации играли значительную роль в раздувании огня. Журналы «Дуга» и «Интервью», а также газеты «Политика» и «Политика Экспрес» многое сделали для того, чтобы вызвать возмущение у жителей других республик, особенно Словении и Хорватии, публикуя бесчисленные статьи о «краже» сербских фабрик, сербской земли, изнасилованиях, поджогах и прочих противоправных действиях, направленных против все уменьшающегося сербского населения в Косово²²⁶.

Один из наиболее драматичных примеров изменений, происшедших в сербских СМИ, можно обнаружить, просмотрев номера газеты «Политика», начиная с 1980-х годов. Эта газета, образовавшаяся в начале XX в., была одним из наиболее крупных периодических ежедневных изданий в стране. У нее была репутация солидной и довольно космополитичной газеты. Все изменилось, когда Милошевич пришел к власти. Газета быстро превратилась в арену споров между разочарованными сербскими националистами²²⁷. Слободан Милошевич использовал газету для классического популизма, заявляя следующее: «Некоторые утверждают, что то или иное народное собрание поддерживается определенными лидерами. Народу не нужна поддержка, и лидеры не уполномочены давать поддержку народу. Только народ, граждане могут либо оказать поддержку лидерам, либо отказать в ней»²²⁸.

«Народ» вскоре был обязан оказать поддержку политике Милошевича и переменам, происшедшим в стране, прямо на страницах «Политики». Рубрики, которые вели «не-сербы», исчезли, и вместо них на страницах газеты появились другие колонки, например, «Эхо и реакция», которые предоставляли «народу» идеальную трибуну для выражения своих взглядов, становившихся все более односторонними.

Вот некоторые из заголовков и тем статей, опубликованных в газете в 1988 г.: «Сербия должна стать отдельным государством без проволочек и компромиссов»²²⁹; Пленум Центрального Комитета Союза коммунистов разоблачил тех лидеров, которые «были глухи к требованиям народа» и которые «не слышали плач матерей, чьих детей насиловали в Косово»²³⁰; «Обращение детей» (заголовок телеграммы, посланной из Смердеревска-Паланки, напечатанной жирным шрифтом и обведенной в рамку; текст телеграммы выходит за рамки самой бесстыдной пропаганды и приписывает невинным детям собственное мнение по поводу нежелательных последствий кризиса в Косово): «Люди Югославии, ваши дети адресуют вам это послание: каждый, кто преуменьшает значимость

этой проблемы или недооценивает ее, является не только врагом Югославии, но и врагом ее детей и их будущего»²³¹; «Новая конституция будет написана народом»; «Быть равнодушным значит быть соучастником преступления»²³².

Несомненно, подобные заголовки отражали исключительно взгляды «народа». Один из читателей, Бошко Йович из Курсумлии, поддержал новую линию «Политики», написав в газету: «Сербия была порабощена в течение пятисот лет, мы могли бы терпеть рабство еще столько же, но теперь мы не в состоянии находиться в подчинении ни единого дня. Как давний читатель «Политики» я прошу редакцию перестать публиковать статьи из словенских и хорватских газет. Я больше не собираюсь это читать. У нас в Сербии существуют более важные и насущные проблемы, которым следует уделить внимание»²³³. Довольно напыщенная тирада.

К концу 1980-х годов в прессе повсюду разоблачали Тито и его мечту о «братстве и единстве». К началу 1990-х годов все идеалы социалистической Югославии оказались абсолютно утраченными. Просматривая номера журнала «Дуга» с начала 1990-х годов, можно встретить следующие статьи: «Дража Михайлович – краткая биография», «О будущем фашизме в Югославии» и «Современники о генерале Михайловиче: балканский Робин Гуд». Статьи о Второй мировой войне перемежаются со статьями о 1990-х годах.

Иногда в самих статьях проводятся параллели между этими временными периодами. Одна из статей многозначительно озаглавлена «Лучше война, чем пакт» – намек на лозунг сербов, протестовавших против подписания их монархией договора с Германией в 1941 г. В статье говорится о «сербской боязни геноцида», огромных страданиях сербского народа во время мировой войны, и завершается она предсказанием судьбы «миллионов» сербов, которые опять окажутся в руках маньяков, жаждущих геноцида, если Хорватия станет независимым государством»²³⁴. Менее чем за десять лет, сербская пресса возродили у людей возмущение и

гнев, которые до тех пор открыто не проявлялись, а в некоторых случаях не существовали вовсе²³⁵.

Характерным проявлением раскола, происходившем в сербском обществе, был призыв на военную службу. Многие сербы не хотели принимать участие в братоубийственной войне. В результате, они пытались избежать службы в армии. Некоторые уезжали за границу, другие ночевали вне дома, скрывались и т.д. Венгерское правительство даже открыло приемник в Сегеде для венгров из Воеводины, пытавшихся избежать призыва. Газета «Вечерне новости» вскоре развернула массовую антивенгерскую кампанию. В октябре 1991 г. пограничники в Суботице подсчитали, что, по крайней мере, 500 венгров пересекли границу с Венгрией и не намерены возвращаться назад. Им весьма повезло. В ноябре вышел закон, запрещающий лицам мужского пола совершать заграничные поездки без специального разрешения военной комиссии²³⁶.

Средства массовой информации выступали с военной пропагандой, вербуя солдат для предстоящих боев. В Подгорице (Черногория) власти развернули кампанию в ежедневной газете «Победа». Газета восхваляла «патриотов» и нападала на «предателей» (тех, кто не хотел сражаться), а также публиковала письма от женщин, которые хотели пойти в армию и показать мужчинам, как надо сражаться. Когда в Хорватии разразилась война, истерия начала нарастать. В белградской газете «Политика» можно было встретить заголовки, подобные следующим: «Член муниципального правительства Панчево дезертирует!» В статье приводились полное имя и адрес этого человека и указывалось на то, что он «хорват по национальности». В октябре белградская «Политика Экспрес» опубликовала статью с фантазмагорическим названием: «Дубровник ждет освобождения». Казалось, автор находился под впечатлением, что Дубровник населяли сербы, живущие в страхе, что усташи возьмут верх.

Несмотря на кампанию, развернувшуюся в средствах массовой информации, случаи уклонения от службы и дезертирства были очень

частыми. Многие ходатайствовали об амнистии для дезертиров²³⁷. На эти просьбы еженедельник «НИН» отреагировал следующей публикацией: «Многие смельчаки убиты, ранены или стали инвалидами; столько детей осиротели – а дезертиры просят о помиловании! Права на дезертирство не существует!» Эту фразу нельзя было понять двояко. В начале 1992 г. в газете «Новости» утверждалось: «Вирус дезертирства в Воеводине, «заражающий» в основном, венгерское население, быстро распространяется... Более чем 25 тыс. людей из Воеводины (по большей части, венгры) сбежали в Венгрию». Эта статья преследовала две цели: она осуждала дезертиров и утверждала, что эти «беглецы» не могут быть настоящими сербами. Истинные сербы не смогли бы дезертировать, и те, кто так поступал, были венграми, то есть не настоящими сербами.

Эта одержимость по поводу вопроса о военной службе продолжалась всю войну. В марте 1995 г. пресса единодушно выступила в поддержку нового закона о наследовании, который провозглашал, что «призывники, покинувшие страну с тем, чтобы избежать выполнения воинской обязанности, и не вернувшиеся ко времени смерти завещателя, теряют право наследования»²³⁸. Даже поп-звезды стали участниками кампании по призыву на военную службу. Наиболее запоминающимися из всех, в целом ужасных, попыток агитации были песни Симониды Станкович, которая быстро прославилась благодаря текстам подобным следующему: «Они умножают славу сербов/ Они защищают сербскую землю/ Тигры Аркана/ Они рыцари без страха и упрека»²³⁹. Без сомнения, неотразимая тирада.

Если печатные средства массовой информации играли здесь немаловажную роль, то телевидение причинило еще больший вред. Сербское телевидение показывало бесконечные документальные фильмы об ужасах, которые творили усташы в концентрационном лагере Ясеновац. Казалось, что Вторая мировая война все еще продолжается. Это воскресило национальный вопрос, находившийся в латентном состоянии с 1945 г. Английский журналист Иан Трейнор утверждал, что в Сербии

телевидение было важнее истории и что оно было средством «промывания мозгов» населению²⁴⁰.

Роль телевидения кажется особенно важной, если принять во внимание, что у многих сербов просто не было средств для приобретения журналов или газет. Этот факт в сочетании с контролем, производимым Милошевичем над всеми телевещательными станциями, превращал телевидение в идеальное орудие пропаганды. Выступления Милошевича на телевидении, как казалось, в защиту этнических сербов в Косово помогли ему прийти к власти в апреле 1987 г.²⁴¹ Наученный этим опытом, он быстро приобрел контроль над национальными телевизионными сетями.

Изменения во взглядах Милошевича также лучше всего можно проследить по телевизионному вещанию. Например, в начале 1993 г. Милошевич был противником плана Вэнса-Оуэна разделить Боснию на кантоны по образцу Швейцарии. В результате, сербское телевидение воспротивилось плану. Неудивительно, что в результате опроса общественного мнения в апреле 1993 г. выяснилось, что большинство сербов тоже оказались против этого. Вдруг США дали понять, что они могут произвести военное вторжение, если сербы отвергнут план. Встревоженный Милошевич передумал. Мгновенно передумало и телевидение, а вслед за ним и сербы в опросах общественного мнения.

Многие впоследствии удивлялись, как люди, соседствующие друг с другом в течение семидесяти лет, могут начать убивать друг друга. На это журналист «Време» Милош Вашич ответил: «Вы должны представить себе Соединенные Штаты, где на всех каналах существует единая редакторская линия – линия, диктуемая Дэвидом Дюком. Через пять лет у вас тоже начнется война»²⁴². Это было заявлено журналисту Питеру Маассу в середине 1990-х годов. Последующие события в той же Сербии, Ираке и Афганистане лишь доказали правильность утверждения Вашича. В Сербии средства массовой информации сыграли серьезную роль в оживлении

прошлых трагедий и раздувании межнациональной вражды. Из-за своих действий они достойны резкого осуждения, но следует признать, что не они единственные.

Милошевич использовал средства массовой информации, чтобы оправдать ужасы, творимые сербскими войсками в Хорватии и Боснии. В обеих войнах (а позже и в Косово) метод был ясен. Сначала пресса обвиняла «противную сторону» (хорваты, мусульмане, позже – албанцы) в ужасающих преступлениях, совершаемых по причине этнической ненависти. Затем применялся так называемый «стиль Вьетконга», то есть в этнически смешанных областях провоцировались акты насилия, нагнетавшие атмосферу и иногда приводившие к гибели людей. После этого прибывала Югославская народная армия (ЮНА) для того, чтобы навести порядок, что сводилось к фарсу, так как к концу 1991 г. армия состояла в основном из сербов. На четвертом этапе созданные на территориях компактного проживания сербов мини-государства объявлялись независимыми. Это произошло как в Хорватии, так и в Боснии. В обоих случаях сербские средства массовой информации заявили о том, что каждая нация имеет право на самоопределение. И, наконец, Милошевич посылал поддержку в эти мини-государства, провозглашая, что все сербы имеют право жить в одном государстве²⁴³. Основная идея всей этой пропаганды была весьма проста: Милошевич является великим защитником идеи сербского единства, защищая сербов от усташей и исламских угроз. Идея была проста и доступна, и люди принимали ее²⁴⁴.

Время от времени «официальная правда» оказывалась совершенно неправдоподобной. Например, в 1991 г. был открыт огонь по президентскому дворцу в Загребе, где в то время находились Франьо Туджман, а также последние югославские президент и премьер-министр, хорваты по национальности – Стипе Месич и Анте Маркович. Был сделан вывод, что дворец обстреляла ЮНА, которая, как уже говорилось, к тому времени представляла собой армию, состоявшую в основном из сербов. Но

у сербской прессы было собственное представление о происшедшем: Туджман сам организовал обстрел дворца, чтобы «подставить» сербов и вызвать сочувствие Запада. Каким-то образом эта фантастическая версия стала известна во всей Сербии.

Подобная тактика неоднократно использовалась и в войне с Боснией. Так, сербская пресса объявила, что резня в хлебной очереди в Сараево (май 1992 г.), в которой погибло 17 человек, и обстрел рынка в Сараево (февраль 1994 г.), где было убито 68 человек, были организованы боснийскими мусульманами для того, чтобы очернить сербов²⁴⁵. С другой стороны, надо сказать, что вопрос о виновниках этих обстрелов остается не до конца выясненным. Возможно, сербские заявления не были только пропагандой.

3.3. Прямая трансляция из Пале

Обсуждение сербских средств массовой информации и войны в Боснии не может быть полным без упоминания о сербской машине пропаганды в самой Боснии. Во время конфликта в Боснии сербы рано поняли, что контроль над телевидением для них чрезвычайно важен. В марте 1992 г., когда в Боснии уже начались вооруженные столкновения на межэтнической почве, лидер боснийских сербов и глава Сербской демократической партии Радован Караджич особенно настаивал на создание новой телевизионной станции в Сараево. Его предложение было отвергнуто²⁴⁶. По мере того, как в апреле и мае 1992 г. обстановка накалялась, сербы стали просто одержимы идеей контроля над телевидением в Сараево. Хотя, надо сказать, все стороны в этом конфликте использовали телевидение как сильное орудие пропаганды.

Любопытно, что, как пишет Мартин Белл, сербы начали свою массовую пропаганду при невольной помощи ВВС и боснийских мусульман. Мусульмане организовали нападение на отель «Сербия» в удерживаемом сербами районе Илиджа. В это время там же располагался

штаб ВВС. Когда началась атака, его поспешно эвакуировали, но в спешке оставили довольно много оборудования, которое попало затем в руки сербов. Благодаря этому и было основано TV-PALE (или «Канал-С») ²⁴⁷.

Это была довольно странная организация. Ведущим корреспондентом «случайно оказался племянник Ратко Младича» ²⁴⁸. Директором была Соня Караджич. Репортер Тим Джуда описывал ее как «ответ Пале Марии Антуанетте» ²⁴⁹, а друзья Сони – как «хорошую сербскую женщину с усами». До того, как стать главой TV-PALE, Соня была рок-звездой. В песнях из ее первого альбома «Боец из Рая» она нападала на «приземленных, одержимых сербов-дегенератов из Белграда, которые всем обязаны настоящим сербам, живущим в Боснии» ²⁵⁰.

Неудивительно, что TV-PALE регулярно показывало интервью с отцом Сони, Радованном Караджичем. Это было для него удачным средством распространения сентенций подобных следующим: «Я не понимаю, что не так с Великой Сербией? Все в порядке с Великобританией, так почему же что-то должно быть не так с Великой Сербией?» Или: «этнические чистки» никогда не были частью нашей политики. Никогда. Мы никогда не заставляли людей переезжать. Мусульмане страстно желали уехать. Мы же не могли их держать силой...» и т.д.

В 1994 г. Соня получила пост руководителя пресс-бюро в Пале. Это сделало ее важной фигурой в Боснии, как для сербов, которые смотрели отобранные ею программы, так и для иностранных журналистов, которые быстро поняли, что все журналистские расследования в Пале можно вести только с согласия Сони.

Журналист Тим Джуда полагает, что Соня, возможно, сделала столько же, чтобы подорвать положение Сербии на Западе, сколько и ее отец. Как пишет Джуда, как только возникала ситуация, которая могла бы помочь западным журналистам объяснить позицию сербов или же вызвать сочувствие к сербам (как, например, в случае с сербскими беженцами),

Соня и ее команда становились на пути. Результатом явилось то, что либо западным журналистам запрещали находиться на месте событий, либо их допускали слишком поздно.

Почему дочь президента должна подрывать авторитет нации? Джуда уверен, что причиной этому были деньги. Не допуская западных журналистов на место событий в критические моменты для Республики Сербской, TV-PALE было единственным, кто располагал редким ценным материалом, который потом весьма выгодно продавался западным компаниям при помощи «телефонных аукционов». Например, в мае 1995 г. 375 миротворцев США были захвачены в заложники после того, как самолеты НАТО начали бомбардировку сербских позиций. Их скоро показали по телеканалам всего мира вместе с Р.Караджичем, который говорил: «Их казним не мы, а НАТО». Кроме очевидной пропагандистской ценности, эти кадры также могли принести прибыль и были быстро распроданы телевизионным агентствам всего мира.

Наиболее подходящие эпитеты для TV-PALE – это грубость и абсурдность. Организация была коррумпированной и возможно причинила больше вреда, чем пользы, боснийским сербам. Очевидно, Радован Караджич осознавал, что его дочь причиняет значительный ущерб делу, но не увольнял ее, потому что «каждый день ему нужно было возвращаться домой к жене»²⁵¹.

3.4. Хорватская пресса

Если у сербских средств массовой информации все было плохо, то и с хорватскими дела обстояли не лучше. Как и их сербские коллеги, хорватские лидеры в 1990-е годы плохо понимали, что такое свободная пресса.

Слободан Милошевич стоял в одном ряду с такими диктаторами, как, например, Фидель Кастро, лидеры мексиканской Институционно-

революционной партии и пр. Для него власть была важнее идеологии. Идеология Милошевича не была четко определена.

В отличие от него, хорватский лидер Франьо Туджман был искренним националистом. В отличие от более расчетливого Милошевича, эмоциональный Туджман был менее склонен терпеть хоть какое-либо количество оппозиционных изданий даже ради того, чтобы выставить себя перед Западом в выгодном свете. Как следствие, хорватские СМИ, как и СМИ Сербии, оказались под тяжелой пятой цензуры.

Марк Томпсон приводит пример с еженедельным журналом «Данас», хорватским эквивалентом сербского «Време». Хотя «Данас» яростно нападал на Милошевича и его режим, считалось, что он также слишком сильно критикует Туджмана и не в состоянии методично воссоздавать образ Хорватии в националистическом ключе. Редактору журнала Дражену Вуков-Количу не помогло и то, что он как-то назвал Туджмана «хорватским ответом Ле Пену»²⁵². В ответ, хорватское правительство сменило состав редакционной коллегии и попыталось (безуспешно) закрыть журнал, объявив его банкротом.

Пресса, преданная правительству, постоянно нападала на журнал; исчезла реклама «Данас», и его запретили продавать в киосках. В конце концов, журнал перекупили, и он превратился в еще одно пропагандировавшее националистическую идею издание. Его вновь стали рекламировать, а также загадочным образом освободили от стоимости типографских услуг²⁵³. «Данас» в этом смысле не был одинок. «Весник» и «Вечерни лист» тоже были взяты под опеку правительства. «Старт» («Start») закрыли, на «Слободну Далмацию» («Slobodna Dalmacija») постоянно совершались нападки, пока она также не стала правительственным изданием²⁵⁴.

При помощи различных грубых методов и кадровой политики, Туджман быстро приобрел власть над хорватскими средствами массовой информации. Во время войны в Боснии многие хорватские журналисты

твердо решили, что искажение правды – их патриотический долг. Антун Врдольяк, директор хорватского радио и телевидения, заявил, что его работа это – «часть моего долга перед родиной в ее борьбе за выживание... Когда я спрашиваю себя, сделал ли я что-нибудь для телевидения, думаю, что я могу ответить так: я выполнил свое военное задание»²⁵⁵. Будучи главным выразителем пропагандистских идей Туджмана, Врдольяк определял своей целью превращение хорватские СМИ в «храм духа Хорватии»²⁵⁶.

Только что созданная национальная служба новостей ХИНА очевидно также пыталась воздвигнуть этот храм. Ее директор Милован Сибл весьма своеобразно рекламировал свое агентство: «Многие из нынешних журналистов смешанного происхождения: один родитель – хорват, а другой – серб. Как такие люди могут дать объективную картину Хорватии? Они ненавидят Хорватию. Единственным местом, где вы можете прочитать правду о президенте Туджмане, являются новости ХИНА»²⁵⁷. Это ощущение участия в крестовом походе владело хорватскими СМИ в начале существования нового независимого государства.

Во многих случаях хорватские СМИ в тот ранний период дублировали своих коллег в Сербии. Снимались бесконечные документальные фильмы о длиннобородых четниках, готовых захватить хорватскую территорию. В иных случаях СМИ, особенно официальный телеканал ХТВ (НТВ), определенно испытывали злорадное удовлетворение, сообщая об убитых в Словении сербах. Это только подтверждало то, что пресса становилась все более параноидальной. В это же время, те же каналы усердно помогали правительству покрывать преступления, совершенные хорватскими военными и гражданскими лицами по отношению к сербам²⁵⁸.

В 1993 г. Совет Европы опубликовал сообщение, в котором обвинял Туджмана и его правительство в подавлении свободной воли журналистов

и использовании правительственных средств для контроля над периодическими изданиями и теле- и радиостанциями. Попытки властей привести в действие закон на ограничение вещания привели к тому, что оппозиция устроила забастовку в парламенте.

В конце концов, в ноябре 1993 г. Хорватская ассоциация журналистов напечатала протест во все еще независимом издании «Нови лист» («Novi list»): «в последнее время в СМИ Хорватии все чаще появляются статьи и программы, которые являются грубым нарушением законов и основных норм журналистского кодекса. Некоторые редакционные коллегии систематически печатают статьи, где люди, мнение которых расходится с мнением редакции, подвергаются оскорблениям; на этих людей наклеивают ярлыки или их призывают к ответственности. Нередко оскорбляются и целые народы. Все это способствует созданию атмосферы напряженности, страха перед преследованиями и ощущения отсутствия безопасности. Частота, с которой эти редакции печатают ордера на арест, заставляет подозревать, что это вопрос обдуманной редакционной политики»²⁵⁹.

Многие граждане поддержали этот протест. В опросе общественного мнения, проведенном сразу после окончания войны в 1995 г., 70% хорватов согласились с тем, что «без абсолютно свободных СМИ демократии не существует», и лишь небольшое количество граждан признало, что журналистика при Туджмане стала лучше, чем была при коммунистического режиме. Тем не менее, гонения продолжались. На некоторых журналистов, как, например, на Давора Бутковича, редактора «Ютарнего листа» («Jutarnji list»), писали доносы, из-за которых они неоднократно оказывались в суде.

Как и Милошевич, Туджман использовал «преданную» ему прессу для нападков на своих противников. Так, например, «Слободна Далмация» (которая, как и многие другие издания, при помощи ловких финансовых операций была перекуплена силами, поддерживавшими правительство)

публиковала статьи, где яростно критиковала политиков, чье мнение шло вразрез с линией Туджмана. Примером подобных действий может послужить статья «Месича выселяют из квартиры»²⁶⁰, где рассказывается о том, что Месича лишили владения его квартирой в Загребе. Но даже здесь опубликовано мнение Месича, который заявил, что его выселили из квартиры по политическим причинам.

Хотя большая часть хорватских СМИ и особенно телевизионных компаний передавали правительственную пропаганду, некоторые печатные издания продолжали оставаться в оппозиции. Неудивительно, что такие непатриотические издания, как «Ферал Трибуна» («Feral Tribune»), подвергались нападкам со стороны СМИ, находившихся под контролем Туджмана.

Журналисты болезненно отстаивали тот факт, что они якобы ни от кого не зависят. Например, Бранимир Лукшич из «Слободной Далмации» просто в штыки воспринял обвинения немецких журналистов в том, что хорватская пресса не является независимой, и опубликовал гневный ответ: «Я абсолютно убежден, что в хорватской прессе в военное время можно найти больше примеров свободной критики властей, безответственной клеветы, а нередко и образчиков отвратительной, анархичной и разрушительной критики, чем в иностранной прессе в мирное время. Разве мы должны удивляться, что иностранцы, вследствие недостаточного знания языка и сложного политического прошлого страны, начинают испытывать личную неприязнь к бывшим номенклатурным работникам, особенно, если эта неприязнь выражается в иностранных СМИ представителями антихорватской оппозиции»²⁶¹. Подобная «защита» нелогична и абсурдна.

И все же в конце 1990-х годов можно было наблюдать рост независимости СМИ. Хотя некоторые издания продолжали печатать пропагандистские и националистические статьи. Волнения по поводу предъявления обвинения хорватам Международным трибуналом в Гааге

привели к написанию огромного количества патриотических статей. Например, 1 февраля 1996 г. «Недельна Далмация» («Nedeljna Dalmacija») опубликовала статью «Мы защитим Блашкича», в которой описывает преданного суду и обвиненного в военных преступлениях генерала как «молодого человека, применившего свои военные знания на благо хорватского народа». Операции «Вспышка» и «Буря», за которые, в частности, судили этого и других хорватских генералов, тоже заслуживали одобрение.

Однако подобное прославление сдерживалось такими периодическими изданиями, как «Ферал трибуне» и «Нови лист». Андрей Облак и Зоран Даскалович пошли даже столь далеко, что напечатали статью «Сербы: недостаточно даже для статистической ошибки», в которой утверждали, что численность сербов резко уменьшилась в 16 муниципальных округах, в которых они раньше составляли большинство, и что эта информация «была бы интересной для Карлы дель Понте»²⁶².

«Ферал трибуне» чрезвычайно критически относилась к роли Хорватии в Боснии. В статье, озаглавленной «Хецег-Лагер», журналист Гордон Малич пишет, что «на территории «хорватского гособразования в Боснии и Герцоговине» 20 тысяч боснийцев (боснийских мусульман) прошли через «приемники» в Габеле, Дретели, Любуски, Мостарском Хелидроме, Отоке-близ-Витине, Кошерино, Посусье, Дувно, Биело-Поле и Широки-Бриеге. В некоторых из этих приемников пленных подвергали жестоким побоям, часть пленных были убиты, десятки боснийцев умерли в результате пыток». Как утверждает «Ферал трибуне», «мнение Туджмана по этому вопросу заключается в том, что «у других тоже есть подобные лагеря».

Журналу каким-то образом удалось завязать переписку с лидерами боснийских хорватов, которую впоследствии опубликовали к вящему ужасу правительства. Один из документов подписан Марко Рожичем, который как глава военных сил в Ябланице привел в исполнение приказ о

захвате и поджоге собственности, принадлежавшей мусульманам. В письме говорится, что «все военные были арестованы и допрошены, а гражданские лица собраны в нескольких местах. В общей сложности удерживалось 422 женщины и ребенка и 25 военных. Остальных 94 военных выслали в Любуски, 7 военных было убито, а те, кто принадлежал к армии Боснии и Герцеговины в Совичичи, уже похоронены. Все дома, принадлежавшие мусульманам, были сожжены, а две мечети – разрушены согласно приказу высшего командования»²⁶³.

Хотя правительство время от времени оказывало давление на журнал, он продолжал печатать обвинения в адрес собственного правительства в течение всего периода правления Туджмана и, как и «Време» в Белграде, этот журнал является подтверждением стойкости свободной прессы в бывшей Югославии.

Положение хорватских СМИ значительно улучшилось после смерти Туджмана. Хотя иные газеты продолжали придерживаться националистического курса, начали возникать и новые независимые журналы, которые освещали различные точки зрения. Такие еженедельники, как «Тедник» («Tjednik»), «Ферал Трибуне» и «Глобус» («Globus»), издания, выходящие раз в две недели: «Истарски Глас» («Istarski glas») и «Бродски лист» («Brodski list»), а также ежемесячные журналы «Аспослена» («Asposlena»), «Старт: нове генерације» («Start: nove generacije») и «Аркзин» («Arkzin») представляют различные взгляды на разнообразные темы – от феминизма до политики.

К 2002 г. члены международной организации защиты интересов СМИ отметили, что теперь хорватские средства массовой информации «относительно свободны», что доказывает значительное улучшение ситуации по сравнению с прошлым состоянием. Но, как отметил известный белградский радиоканал Б92: «Хорватский хельсинский комитет объявил результаты проверки работы Хорватского телевидения. Было сказано, что оно «больше не пропагандистская машина власти, но его

программы еще далеки от того, чтобы качественно служить интересам общества»²⁶⁴.

3.5. СМИ Боснии и Герцеговины

В журналистской войне «средства массовой информации Боснии и Герцеговины» или просто «СМИ Боснии» занимают особое положение. Однако сначала следует ответить на вопрос: что же такое СМИ Боснии? Босния – это многонациональная республика в бывшей Югославии, но во время войны она стала восприниматься как синоним слова «мусульмане». Такой взгляд не представляется правильным. Не все жители территории, оказавшейся под контролем правительства Боснии, были мусульманами. Кроме того, руководство Боснии во главе с Алией Изетбеговичем никогда публично не признавало себя мусульманским правительством. Более того, оно объявило себя светским правительством и выразило намерение сохранить многоконфессиональную культуру Боснии. Правда, насколько оно было искренним, остается под вопросом.

Босния и Герцеговина была признана независимым государством вследствие референдума, в котором приняло участие 99% хорватов и мусульман, вкуче составлявших около 60% всего населения этой республики. Из них за суверенитет Боснии проголосовало почти 63%. Сербы бойкотировали референдум, вернее – провели свой собственный, на котором 92% высказалось за то, чтобы остаться в составе югославского государства. Таким образом, за независимость выступали не одни только мусульмане, которые составляли 44% всего населения, но и большинство хорватов (17%). В то же время надо сказать, что, по мнению многих наблюдателей, поспешное признание независимости Боснии и Герцеговины в немалой степени подстегнуло военные действия. Кроме того, решив главную для себя задачу выхода из Югославии, мусульмане и хорваты стали воевать друг с другом.

Таким образом, термин «СМИ Боснии» используется в данной работе в основном лишь для того, чтобы отличать эти средства массовой информации от описанных выше, для того, чтобы показать, что эти СМИ представляли «сторону Боснии», а не Хорватии, Сербии или зарубежных стран. Следует также заметить, что, не будучи сербскими или хорватскими, боснийские СМИ целиком оставались в пределах Боснии. Они не получали поддержку от других бывших югославских республик. Тем не менее, они заслужили высокую оценку как со стороны Запада, так и мусульманских государств и от этих государств они получали поддержку.

Когда в конце 1980-х годов Югославия начала распадаться, в СМИ Боснии и Герцеговины появились различные национальные течения. Как уже отмечалось, к 1989 г. боснийские сербы читали «Политику» и «Политику Экспрес», хорваты – «Весник» и «Вечерни лист», а мусульмане – «Ослободженье». Разумеется, разделение не было столь четким, но тенденция существовала именно такая. В 1983 г. тираж «Ослободженье» достигал 71,5 тыс. экземпляров, а к 1990 г. упал до 47,7 тыс. Растущие разногласия между тремя основными национальными группами отражались и на содержании публикаций.

Были, однако, предприняты и некоторые попытки предотвратить тотальное разделение СМИ по этническому признаку. В 1991 г., вскоре после того, как в результате выборов к власти пришла Партия демократического действия (ПДД) А.Изетбеговича, был предложен новый закон, регулирующий вещание. При помощи этого закона телевидение пытались разделить на три отдельные части: хорватскую, мусульманскую и сербскую. Результатом явились бы три чудовищных орудия пропаганды. Хорватская и сербская ведущие политические партии поддержали законопроект, впрочем, как первоначально и ПДД. Тем не менее, законопроект провалился благодаря усилиям тележурналистов, которые отказались участвовать в предполагаемом разделении.

Когда война разгорелась, многие издания и информационные каналы прекратили свое существование. Информационные источники в основном продолжали функционировать лишь в Сараево. Были сделаны попытки продолжать работу независимой телевизионной компании Боснии и выпускать периодические издания.

Ведущим печатным изданием была ежедневная газета «Освобождение», выпускавшаяся в Сараево. Газета была основана 30 августа 1943 г. в то время, когда в стране продолжала свирепствовать Вторая мировая война. В 60-е и 70-е годы она стала выходить два раза в день – утром и вечером. В 1963 г. газета была награждена Орденом братства и единства, что в то время являлось большой честью. В декабре 1989 г. во время распада страны «Освобождение» наряду со «Свободной Далмацией» была признана лучшим ежедневным периодическим изданием Югославии. В конце 1980-х годов газета перестала следовать официальной линии коммунистической партии, сохранив при этом традиционную коммунистическую неприязнь к национализму. В то время как страна стала откровенно разваливаться, журналисты и редакторы газеты прилагали все усилия к тому, чтобы сохранить диалог между различными национальными группами.

После начала войны в апреле 1992 г. выпускать газету становилось все более и более трудно. Здание редакции располагалось на печально известной «аллее Снайперов» и не раз подвергалось яростным нападениям. Редакция была вынуждена переместиться в подвал постоянно обстреливаемого здания. Редактор газеты Кемал Курспахич вспоминает, что даже когда в здании начался пожар и сотрудникам пришлось бежать, чтобы спасти свою жизнь, они постарались забрать с собой как можно больше материала. Тем не менее, газета продолжала ежедневно выходить. Это был единственный источник информации в осажденном Сараево. Ситуация в столице все ухудшалась, и «Освобождение» описывало Сараево как самый большой в мире концентрационный лагерь, приводя

следующий образчик черного юмора: «в чем различие между Сараево и Аушвицем? В Аушвице были душ и газ»²⁶⁵.

Во время войны газета позиционировала себя как «пробоснийская». Свою концепцию она определяла как поддержание светских ценностей, принадлежащих к разным культурам. Она не определяла себя как мусульманская газета, несмотря на тот факт, что подавляющее большинство ее журналистов и читателей были мусульманами. Она заявляла, что ее симпатии принадлежат жертвам – как осажденным жителям Сараево, так и людям в других городах и странах – вне зависимости от их национальности.

В то же время, газета поддерживала правительство Али Исетбеговича и злобно нападала на правительство боснийских сербов, так же как и на Франьо Туджмана. Она не называла себя антикатолической или антиправославной. Она хвалила папу Римского за попытку приехать в Сараево, и за то, что он осудил зверства, происходившие в Боснии. Однако в газете все же трудно найти хоть какие-то положительные факты, написанные о православных лидерах. Их осуждали за отрицание того факта, что сербы совершали насилия, за встречи с экстремистскими лидерами вроде Владимира Жириновского и за то, что они пытались облегчить страдания людям, лишь одной с ними веры.

Весьма типично следующее высказывание: «В прошлом году патриарх Павел приезжал в Пале, чтобы благословить сербских варваров и «богобоязненных» преступников. Он не приехал в Сараево, где даже сейчас сербов в пять раз больше, чем в Пале. Он ни разу не осудил чудовищные преступления сербов против боснийских мусульман. Он даже не упомянул о разрушении их древнейших и наиболее прекрасных мечетей, он не произнес ни слова по поводу того, что в этих краях были стерты с лица земли все следы мусульманской культуры и цивилизации»²⁶⁶. В статьях, подобных этой, употреблены довольно

сильные выражения; по которым не трудно понять отношение «Освобождение» к сербскому патриарху и сербам.

Несмотря на подобные резкие выпады, газета практически в течение всего военного периода оставалась единственным выразителем идей довоенного многонационального сообщества. Журналисты, поддерживавшие газету, действовали с величайшим риском для жизни. Некоторые из них, например, мусульманин Садик Пазарац, несмотря на то, что им постоянно угрожали смертью, продолжали жить в районах, контролируемых сербами, для того, чтобы сообщать газете о событиях в Республике Сербской²⁶⁷.

Просматривая номера газеты военных лет, можно ясно проследить желание редакции сохранить традиции многонациональной республики. Она без колебаний нападала на правительство Изетбеговича, чей курс постепенно все больше изменялся в сторону национализма. В 1992-1993 годах она быстро заметила попытки превратить территориальные войска Боснии в мусульманскую армию, несмотря на тот факт, что некоторые высшие чины в новой армии Боснии принадлежали к разным национальностям, как, например, заместитель начальника штаба Йован Дивяк (серб) и бригадный генерал Степан Сибер (хорват). Когда правительство сместило с должности некоторых высокопоставленных военных офицеров, не исповедующих ислам, газета встала грудью на их защиту и призвала к расследованию подобных должностных перемещений²⁶⁸. Редакция газеты печатала интервью с сербами и хорватами, например, с тем же генералом Дивяком.

Когда война приближалась к концу, газета резко отвергла идею о разделении страны. Журналист Ибрахим Прохич заметил, что «целью агрессии против Боснии был ее распад. Основная идея агрессоров выражается в том, что разные народы не могут мирно сосуществовать друг с другом и решение проблемы заключается в их разделении и создании отдельных государств. Традиции же Боснии утверждают обратное и

основаны на сосуществовании... Чрезвычайно важно вновь возродить эту традицию через социальную практику». Это требовалось потому, что «распад сложной многонациональной структуры Боснии поможет агрессорам»²⁶⁹. Правда, в той же газете не вспоминалось, что и в предвоенной Югославии существовали традиции сосуществования разных народов, но ее, тем не менее, развали, в том числе и не без непосредственного участия мусульманских руководителей Боснии и Герцеговины.

«Освобождение» было одним из наиболее известных периодических изданий Боснии в военное время, но существовали и другие. Сенад Авдич и его товарищи основали газету «Слободна Босна» («Slobodna Bosna») как протест против ситуации, сложившейся со СМИ в Боснии и Герцеговине. Авдич сказал, что он с самого начала знал, что издание будет «политико-информационным, и оно пойдет до конца в освещении текущих событий». Газета одной из первых стала нагнетать военный психоз. 14 ноября 1991 г. она напечатала подробный план нападения сербов на Сараево. Сначала многие ему не поверили, но постепенно люди стали воспринимать написанное всерьез. С самого начала газета придерживалась радикальных взглядов и обличала Караджича и его партию как «агрессоров». Авдич подчеркивал, что «после того, как в Биелине была выпущена первая пуля, мы написали, что это была агрессия и только вооруженный отпор может спасти Боснию». В 1994 г. редакция газеты уехала из Сараево, и после этого газета время от времени печаталась в разных частях Боснии²⁷⁰. Сама газета была более радикальной, чем «Освобождение», и круг ее читателей – более узким.

Несмотря на то, что «Освобождение», как и почти все СМИ Боснии, находилось в осадном положении, оно была далеко не беспомощной. Газета имела значительное влияние во время войны и продолжает оставаться влиятельной и поныне. Как и белградское издание «Време»,

газета приобрела солидную, даже героическую репутацию среди западных средств массовой информации.

Когда западные журналисты хотели быстро узнать обо всех местных сенсациях, они обращались именно к журналу «Време» и газете «Освобождение». Редакция последней не оставила этот факт без внимания и умело его использовала. Журналисты газеты быстро научились представлять свои взгляды западной прессе и весьма в этом преуспели. Они стали выпускать англоязычную версию газеты для того, чтобы облегчить жизнь западным читателям, находившимся в Сараево, прежде всего журналистам, военнослужащим миротворческих сил ООН и представителям различных гуманитарных организаций.

В газету присылали сообщения и люди, живущие на Западе. Так, после завершения срока службы в Боснии (несколько сокращенного) бельгийский генерал Францис Брикмонт опубликовал открытое прощальное письмо в «Освобождение», в котором помимо всего прочего говорилось: «Мне трудно покидать Сараево. Этот город для меня – отражение той Европы, которую я люблю: многонациональной, многоэтнической и многоязычной...Я оставляю часть своего сердца в Сараево, а также часть своей европейской души»²⁷¹.

Правительство Боснии также не упускало возможности донести свои идеи и использовало для этого как можно больше изданий. Большая часть такой пропаганды находило свою аудиторию. Как уже отмечалось, во время войны в Боснии многие журналисты (особенно из западных стран) отказались от многолетнего убеждения, что репортажи должны быть объективными. Вопрос о том, хороша ли или плоха эмоциональная журналистика, выходит за рамки нашего исследования. Тем не менее, тенденция к эмоциональности в журналистике была быстро отмечена правительством Боснии, которое максимально использовало эту черту для своей борьбы с «фашизмом».

Как утверждает Дэвид Оуэн, идея подобного манипулирования журналистами принадлежала Эюпу Ганичу, вице-президенту Боснии, которого британский эмиссар описывает как «заслуживающего доверия, но жестокого»²⁷². Довольно часто министры Боснии делали не соответствующие правде или сильно преувеличенные заявления, как, например, в сообщении о том, что в Сараево тысячи людей умирают от голода. В ООН понимали, что эти заявления далеки от истины, но не могли открыто это признать, так как существовали международные соглашения, связывавшие им руки. Таким образом, подобные заявления редко проверялись. О двуличных с точки зрения морали решениях боснийского правительства (так, оно не выпускало тех, кто желал покинуть Сараево, страну или военные силы Боснии, провоцировало сербов на ответный артиллерийский обстрел и т.п.) также либо сообщалось в мягкой форме, либо не сообщалось вовсе. Подобная пропаганда, в основном, была рассчитана на Запад, но создавалась при помощи местных СМИ.

В начале войны «Освобождение» придерживалось позиции правительства, тем самым, представляя собой хорошее средство для передачи правительственных, в том числе пропагандистских, материалов. Тем не менее, это не означало, что «Освобождение» находилось под полным контролем правительства. Газета все же оставалась достаточно независимой, что помогло ей приобрести должную репутацию. «Освобождение» и «Слободна Босна» не позволили превратить себя в полностью правительственные газеты. Более того, в течение войны они не раз открыто нападали на правительство и обвиняли его в попытке распространения националистических идей.

Газеты остались независимыми и после войны, что в конечном итоге и привело их к конфликту с правительством. В сентябре 1998 г. Изетбегович обвинил «некоторые журналы и газеты» в том, что они «печатают лживые сообщения в погоне за дешевыми сенсациями». Он заявил: «Есть честные женщины и есть проститутки. По аналогии

существуют честные журналисты и журналисты-проститутки». Эти слова подразумевали «Слободу Босну», в которой было опубликовано несколько статей, обвинявших тайную полицию в злоупотреблении властью.

«Ослободженье» ринулось на помощь коллегам. Оно опубликовало интервью с главным редактором «Слободна Босна», который защищал себя и всю независимую прессу: «Изетбегович расстроен... Ему неприятно, что за последний месяц «проститутки» из «Слободной Босны» раскрыли глаза на ту наводящую ужас инфраструктуру тайной полиции, которую Изетбегович поощрял и стимулировал. Ему неприятно, что мы практически доказали, что его сын Бакир принимает во всем этом непосредственное участие. Ему не нравится, что мы показали, что люди, которых Изетбегович назначил ответственными за безопасность граждан, убийцы и монстры»²⁷³.

С помощью этого отрывка мы можем постигнуть суть лучшей части журналистики Боснии: это решительные журналисты, которые бесстрашно сообщают о зверствах, чинимых врагом, но отказываются быть рупором чужих идей.

* * *

Хорватская журналистка Славенка Дракулич как-то заметила по поводу «исторической ненависти»: «История, конечно, играет свою роль. Но то, что случается с историей, представляет собой предмет политической манипуляции. Требуется годы и годы подготовки к войне при помощи средств массовой информации, чтобы история вышла на первый план по отношению к частной жизни и чтобы люди приняли ту или иную сторону. Иначе, как вы можете объяснить тот факт, что, имея одну и ту же историю, люди умудрялись мирно уживаться друг с другом в течение 50 лет? История одна, вопрос же в том, оставляете ли вы ее в покое или же используете в своих целях?»²⁷⁴

Освещение средствами массовой информации войн в Югославии было, как правило, ужасным, особенно в Сербии и Хорватии. Да и в

мусульманской части Боснии до идилии было очень и очень далеко. Очевидно, СМИ много сделали для того, чтобы вызвать эти войны, используя в своих интересах историю, которая во многих случаях была болезненной темой. Сербское телевидение никогда не упоминало о том, что пересечение границы с Боснией (через реку Дрина) сербскими нерегулярными войсками способствовало началу войны; оно никогда не показывало, как сербы нападают на деревни, насилюют женщин или осаждают Сараево. Хорватское телевидение было не лучше. По нему нельзя было увидеть, как хорватские солдаты взрывают мосты или нападают на мусульманские деревни, оказавшиеся у них на пути. Мусульманские СМИ также не всегда были корректными.

Тем не менее, следует заметить, что были и весьма качественные военные репортажи. Если руководство Сербии упорно вело свою ужасную пропаганду, то некоторые сербские журналисты были столь же упорны в создании солидных репортажей о ведении военных действий. Так, «Время» постоянно демонстрировало высокопрофессиональный уровень журналистики и анализа событий. Попытки сохранить в Сараево независимое многонациональное телевидение можно без преувеличения назвать героическими. К сожалению, попытки сохранить независимость не всегда увенчивались успехом. Так, «Время» не выпускалось за пределы Белграда, а независимое телевидение Сараево (по подсчетам организации «Article 19» в 1994 г.) могли смотреть лишь 20% населения Боснии.

Еще более тревожит тот факт, что, как утверждает «Article 19», большинство людей в бывшей Югославии осознавали, что ими манипулируют, но охотно с этим мирились. Марк Томпсон приводит результаты исследования, проведенного в 1992 г.: 8,4% сербов считали, что СМИ, подконтрольные правительству, хорошо информировали их о политической ситуации в стране, в то время как 43,5% населения сказали, что официальные источники их информируют плохо. На вопрос о независимой прессе 42,9% ответили, что она их хорошо информирует о

политической ситуации, в то время, как только 12,9% считали, что независимая пресса информирует плохо²⁷⁵. Эти данные подтверждают, что сербы осознавали, что они подвергаются воздействию пропаганды со стороны правительства. Настораживает то, что, стоя перед выбором (по крайней мере, в Белграде), они предпочли пропаганду!

Необходимо упомянуть о предмете тревог некоторых авторитетных специалистов в этой области: проявятся ли в будущем последствия войны и пропаганды, которые велись в течение более 10 лет? Какими будут психологические последствия для людей, которым с детства постоянно внушали национальную ненависть?

В своей книге «Если меня нет» Славенка Дракулич описывает, как маленький мальчик, подслушавший разговор взрослых в лагере беженцев, говорит: «Когда я вырасту, я буду убивать сербов вот так». Он поднимает руку и прицеливается, как будто стреляет в кого-то с близкого расстояния. Взрослые замолкают... Все, чего не хватает, это пистолет в руке ребенка, в остальном он готов. Не важно, в какой стране он будет жить, когда-нибудь этот мальчик выполнит свое намерение²⁷⁶. Возможность подобного ужасает

И все же, если большая часть этих проблем создавалась и поощрялась во многом при помощи средств массовой информации, то, возможно, именно СМИ и послужат «противоядием» в этой ситуации. Это предположение исходило от Ибрахима Прохича, журналиста газеты «Освобождение», который призвал к позитивной пропаганде против войны в статье «Сначала в наших душах». Как он пишет: «В этом состоит историческое испытание для интеллектуалов всех мастей»²⁷⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно, что средства массовой информации разных стран по-разному реагировали на войну. Иногда репортажи из разных стран, казалось, совершенно противоречили друг другу. Один важный вопрос так и остается без ответа: почему наблюдается такое расхождение между российскими и западными СМИ?

Многие сербы обвиняли западные средства массовой информации в заговоре против их страны. В 2002 г. эта тема была поднята в совместном британско-сербском документальном фильме «Югославия. Войны можно было избежать». Режиссер фильма Джордже Богданович делает весьма тревожащее умы заявление, что большая часть наиболее отвратительных событий на Балканах была специально инсценирована для СМИ. Он утверждает, что случаи резни и различные зверства, а также выставление напоказ мертвых тел для показа их по телевидению являются результатом сознательного плана мусульман настроить мир против сербов. В фильме даже говорится, что мусульмане привозили тела мертвых солдат на место предполагаемых побоищ и пытались их выдать за убитых гражданских лиц.

В этом документальном фильме на протяжении 165 минут доказывается также, что американское телевидение могло воспринять только истории о «хорошем парне и плохом парне» и поэтому было вынуждено искажать правду, чтобы удовлетворить вкусы своих сограждан. Кроме того, как говорится в фильме, это служило на пользу американской политике, так как давало США предлог сохранить и даже укрепить НАТО в то время, когда распад коммунизма делал эту организацию излишней. Кульминационным моментом, однако, является следующее утверждение: целью НАТО было оккупировать Косово, Боснию и Македонию, и ее армия, состоявшая из военнослужащих из 19 стран, вступила в заговор с

мусульманами для того, чтобы совместно совершать военные преступления.

И все же самым «сильным» моментом в фильме является тот, когда режиссер заявляет, что за спинами боснийских мусульман стоял ... Усама бен Ладен. Перед нами классический пример предвзятой журналистики, хотя Богданович и критикует других представителей СМИ. Возможно или даже наверное, те или иные факты, о которых повествует фильм, на самом деле имели место. Возможно даже, что некоторые из тех фундаменталистов-моджахедов, которые проникали в Боснию, и поддерживали ранее связь с Усамой бен Ладеном. Но выпячивание только этих фактов и умалчивание о других дает в целом искаженную картину. Все-таки люди в бывшей Югославии убивали друг друга не только для специальных инсценировок, и война там была вызвана не только планами сохранения НАТО, но и глубокими внутренними причинами.

Во время конфликта в Косово и бомбардировок Югославии в 1999 г. у сербов были более веские основания заявлять, что мир стоворился против них. К 1998-1999 годам так называемое мировое сообщество было единодушно в отрицательной оценке их действий, следствием чего явился тот факт, что сербам, как и раньше, не было предоставлено настоящей возможности рассказать о своих взглядах. Более того, во время бомбардировок сербское телевидение было сознательно разгромлено, в результате чего погибли гражданские лица.

По нашему мнению, имевшие место агрессивные действия были предприняты больше для того, чтобы наказать сербов, нежели ради защиты косовских албанцев. Зачем нужно было наказывать Сербию? Потому что Западу не удалось достаточно покарать сербов в Сербии за то, что они поддерживали боснийских сербов в Боснийской войне. При подписании Дейтонских соглашений к Милошевичу относились как к государственному деятелю, в то время как многие на Западе считали его военным преступником. Поддержка косовских албанцев виделась Западу

компенсацией за то, что он не выполнил свой долг по отношению к боснийским мусульманам.

Многие сербы, например, Богданович, (а также некоторые русские) заявляли, что вмешательство Запада означало попытку или превратить Балканы в западную колонию, или сохранить НАТО, или вытеснить с полуострова Россию и т.д. Люди, придерживающиеся подобного мнения, считают, что в сговоре против Сербии виноваты *правительства* западных стран, использовавшие в своих целях СМИ.

На наш взгляд, это не совсем так. По крайней мере, в начале конфликта американские и, в особенности, британские власти желали бы никогда не слышать о проблемах на Балканах. Так, Брендан Симмс считает, что многие в английском правительстве надеялись на быструю победу сербов, которая бы положила конец конфликту и позволила Британии остаться в стороне. В итоге, СМИ выставили британское правительство в глупом свете.

Речь не идет о том, что западные власти никогда не использовали средства массовой информации в своих целях. Американское правительство, безусловно, запятнало себя попытками манипулировать СМИ и оказывать на них давление во время нынешнего конфликта в Ираке. Тем не менее, как представляется, в Боснии было несколько иначе. Нам кажется, средства массовой информации гораздо быстрее, чем западные власти, пришли к заключению, что у Запада есть долг по отношению к боснийским мусульманам и хорватам, и сами во многом повлияли на свои правительства.

Итак, правда ли, что у Запада был долг перед боснийцами? А у России перед сербами? На мой взгляд, именно здесь нужно искать ключ к различным позициям российских и западных СМИ. Русские видят балканский вопрос под совершенно иным углом зрения, чем западные европейцы и американцы.

В работе, напечатанной в Сербии, В.К.Волков отмечал, что как мусульмане, так и хорваты обращались в пиар-фирму «Рудер Финн» в Вашингтоне для того, чтобы поддержать на Западе их курс против сербов. Волков считал, что «Рудер Финн» по ряду причин себя скомпрометировала. В качестве таковых Волков называл то, что «сербы героически боролись на стороне союзников во время обеих мировых войн», что «нацисты в годы Второй мировой войны подарили хорватам государство, которым хорваты сегодня бесстыдно кичаться», что «лидер боснийских мусульман Изетбегович еще в 1970 г. опубликовал «Исламскую декларацию», в которой не только сам стал на мусульманскую сторону, но и выступил за создание исламского государства, которое бы простиралось от Марокко до Индонезии»²⁷⁸.

С этими моментами, разумеется, трудно поспорить, но удивительно то, что Волков считал их весьма важными, хотя и *негативными*, для западных умов. Это не так. Наоборот, многие из этих факторов представляются западным людям *позитивными*, так как они совпадают с теми установками, которые им внушались с детства.

Освешая череду войн в Югославии, многие журналисты замечали, что на Балканах Вторая мировая война так и не кончилась. Люди говорили об устахах и четниках и с быстротой молнии проводили параллели между прошлой войной и нынешней. В меньшей степени это утверждение оказалось правильным и для России. Московское сообщество иностранцев долго удивлялось тому факту, что Россия все еще празднует День Победы 9 мая, несмотря на то, что война окончилась почти 60 лет назад. Во время Второй мировой войны Шотландия, например, воевала на той же стороне, что и Россия. Разница в том, что русские (и сербы) воспринимают окончание войны как победу, а шотландцы нет. Так же, как и праздник 8 марта, День Победы представляется западному человеку абсолютно чуждым и «прокоммунистическим». Западные люди не смотрят на мир и, особенно, на Западную Европу сквозь призму Второй мировой войны.

Причиной этому явилась «холодная война». Тогда Запад, так или иначе, объединился против одного врага – коммунизма. Средоточием коммунистического зла был Советский Союз. Появление этого врага повлекло за собой создание новых союзов, и в некоторых случаях – переписывание истории. Во время «холодной войны» Австрия заявила, что именно она первой пала жертвой нацистских агрессоров. В Италии, на одном из домов висит огромная мемориальная доска, где выгравированы слова благодарности Шотландии за освобождение Тоскании от нацистских оккупантов. В то же время такие страны, как Франция, Швейцария, Ирландия и Швеция начали расследовать свое собственное темное военное прошлое. В 1980-е годы (в самый разгар «тэтчеризма») некоторые оппозиционные шотландские политики зашли так далеко, что заявили даже о том, что было бы лучше, если бы Германия выиграла войну.

Другими словами, к концу «холодной войны» уже было не ясно, кто на чьей стороне воевал, не существовало тех четких границ, которые есть в российских учебниках. Бывшие фашистские страны, такие, как Италия и Германия, приняли активное участие в этой перегруппировке сил. Серб может сейчас назвать хорвата фашистом, но было бы смехотворно, если бы британец сказал то же самое итальянцу.

Более того, вопросы лояльности в военное время пересматривались Западом с точки зрения права нации на самоопределение перед угрозой коммунизма. С западной точки зрения, восточноевропейские страны пали жертвами советского империализма. Эти страны, как считалось, не хотели становиться коммунистическими, но они были оккупированы и контролировались советским правительством. Эти страны не были независимыми, так как ими управляли из Кремля. Граждане этих стран подвергались религиозным гонениям, проводимым жестокими атеистами. Больше всего на свете эти страны хотели обрести свободу.

Под этим углом зрения страны типа Венгрии приобрели героический ореол, и их нацистское прошлое было забыто. Например, в обязательном

списке школьной литературы значился роман «Мне 15 лет, и я не хочу умирать»²⁷⁹, где действие происходит в 1945 г., и главная героиня прячется в бомбоубежище в Будапеште от Красной Армии перед тем, как вместе с семьей сбежать в «демократическую» Австрию, а затем во Францию.

В школьном учебнике следующим образом объясняется роль Эстонии во Второй мировой войне: «У националистических сил не было выбора... разгром Германии означал бы смену германской оккупации Эстонии на русскую. Но советская армия, в конце концов, пришла». Эта глава в учебнике истории называется «Репрессии». Раздел о роли Эстонии во Второй мировой войне заканчивается следующим образом: «Несмотря на все страдания и попытки эстонцев освободиться, они так и не смогли вернуть своей республике независимость»²⁸⁰.

Поэтому, если Волков считал негативным тот факт, что хорваты могут без стыда говорить о своей позиции во время войны, то он весьма заблуждался. Западный человек считает весьма прискорбным тот факт, что в Независимом государстве Хорватии были фашисты, но в то же время такое государство выражало волю людей жить независимо. Эта воля была подавлена в 1945 и 1971 годах. В 1989 г. произошел распад коммунизма в Восточной Европе, и немцы, наконец, осуществили свою мечту жить независимо, что рассматривалось Западом как победа над злом.

Таким образом, в 1991 г., когда одни государственные деятели стремились сохранить единство Югославии и Советского Союза по политическим мотивам, другие считали справедливыми притязания словенцев, хорватов, эстонцев, латышей и литовцев на независимость как демократических наций, пытающихся освободиться от коммунистического гнета. Людям нравилось такое объяснение, и средства массовой информации были счастливы поставлять многочисленные истории о том, как коммунистические захватчики подавляли демократические нации.

Туджман уловил эту тенденцию и начал говорить о хорватской «тысячелетней мечте о независимости». Хотя немногие считали Туджмана

демократом в каком бы то ни было смысле, его слова были понятны всему Западу. Именно об этих словах помнила Маргарет Тэтчер, когда выступила на британском телевидении с просьбой признать право словенцев и хорватов на суверенитет, и многие определенно поверили этому.

В случае с Боснией западная идеология также играла существенную роль в восприятии боснийских мусульман. Многие сербы и русские, например, тот же Волков, приводят «Исламскую декларацию» Изетбеговича в качестве доказательства исламского фундаментализма в Боснии. Но на Западе эту проблему рассматривают в ином ключе. На школьных занятиях по политологии учащимся читают отрывки из «Декларации...» как пример *демократии!* Учитель доказывает, что этот документ был запрещен большевиками, потому что они были атеистами. Бедный автор Изетбегович был жестоко наказан за выражение своих взглядов и был приговорен к лишению свободы. Лишь с крахом коммунизма данный документ удалось напечатать.

Автор столкнулась с этим давним различием во взглядах летом 2002 г. во время своей поездки в Боснию, когда сфотографировала двух женщин у фонтана в Сараево. На одной из них была чадра, а на другой не было практически ничего. «Как ужасно!» – закричала моя соседка-сербка Елена, увидев фотографию, «это бы не произошло в социалистическое время!» «Как замечательно!» – воскликнула Джули, студентка из Калифорнии, приехавшая по обмену, посмотрев на тот же снимок, – «после 50 лет репрессий эти люди, наконец, получили право на самовыражение». Восточноевропейские и западноевропейские взгляды на ислам в Боснии совершенно противоположны.

В то время, когда в Боснии разгоралась война, средства массовой информации стали еще более горячо защищать боснийских мусульман. Так, в Великобритании взгляды правительства и СМИ часто были диаметрально противоположными. Пресса и телевидение постоянно осуждали правительство, призывая его к большей поддержке боснийцев. И

люди не оставались глухи к призыву средств массовой информации, так как он совпадал с тем убеждением, которое воспитывалось в британцах с детства, – идеей мирного сосуществования разных культур.

Этот вопрос особенно важен для молодого поколения, так как многие его представители имеют смешанное происхождение. Миллионы людей, живущих во Франции и Британии, родом из Африки и Азии. В Великобритании больше мусульманских народов, чем шотландцев. Без сомнения, многие журналисты встали на сторону мусульман Боснии, так как только они в этом конфликте более или менее поддерживала идею многонационального государства.

Пусть это было только на словах, но такие журналисты, как, например, Энтони Ллойд, очень этим прониклись. Сам Ллойд, в конце концов, стал воевать на стороне боснийцев. Как он отмечал, это было логично. Хотя он родился и вырос в Великобритании, у него были египетские, австрийские, английские и ирландские корни. И таких, как он, было немало. Так, знаменитый репортер CNN, Кристиана Аманпур, наполовину иранка. В Великобритании и во Франции в этом не находят ничего удивительного, и это постепенно становится нормой в странах подобных Канаде, куда идет большой поток эмигрантов. Любое предположение об этнически однородных государствах для Запада немыслимо и означало бы его гибель.

Тем не менее, той «промывке мозгов», которой молодое поколение на Западе подвергались в детстве, еще недостаточно, чтобы превратить западные средства массовой информации в рупор боснийского народа. Этому очень способствовало неумение сербов вести информационную войну. Уму непостижимо, как им удалось представить себя в настолько плохом свете. Хорваты и боснийцы быстро поняли, насколько важно завоевать положительное мнение Запада при помощи СМИ. Они обращались в пиар-фирмы, которые помогали им выгодно представить их позицию.

В странах подобных США такая линия поведения не только принята, но и необходима. Многие правительства используют американские пиар-фирмы, чтобы улучшить свой образ, и некоторые из стран, например, Израиль, весьма в этом преуспели, а Ирландская республиканская армия просто проявила гениальность. Эти факты далеко не секрет, и остается лишь удивляться, почему сербы не воспользовались услугами какой-нибудь пиар-группы. Были ли они слишком уверены в своей победе и потому не посчитали необходимым это сделать? Или им было все равно, что о них подумает Запад? Почему они шли на все, чтобы не пустить западных журналистов на места событий? Причиной были моральные принципы или желание что-то скрыть? Мы не в состоянии ответить на эти вопросы.

По нашему мнению, некоторых западных журналистов в освещении Боснии вело идеалистическое и подчас ошибочное чувство справедливости. Иные искали в этом заработка и приключений. Меньшая часть была фанатиками, которые верили, что их святой долг состоит в том, чтобы защитить европейский ислам от агрессии.

Югославские журналисты, тем не менее, играли другую роль. Некоторые хорваты (например, те, кто работал на ХТВ) видели себя в роли солдат, служащих своей нации и вождю в его желании «перекроить» страну по собственному плану. Многие сербские журналисты, казалось, чувствовали то же самое, безоговорочно поддерживая все действия Милошевича. Подобные журналисты были и в мусульманских СМИ в Боснии. Тем не менее, существовали и несогласные, хотя они и были в бывшей Югославии меньшинством. Без сомнения, оба этих течения – официальное и оппозиционное – выражали настроения, царившие как в сербском, хорватском, так и мусульманских обществах.

Настроения ожесточились вследствие политики чрезмерно амбициозных и жаждущих власти национальных лидеров. Эти лидеры

бессовестно эксплуатировали СМИ, с чем последние слишком охотно мирились. Результатом явилась бесстыдная пропаганда.

Мы можем только надеяться, что психологические последствия всего этого не принесут непоправимый вред в будущем.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ali, Rabia and Lifschultz, Lawrence (ed.). Why Bosnia? New Haven (UK distributor Central Books): Pamphleteer's Press, 1993.
2. Almond, Mark. Europe's Backyard War. London: Heinemann, 1994.
3. Anđelović, Fra Petar. Vjerni Bogu, vjerni Bosni. Sarajevo: Rabic, 2000.
4. Babić, Marko. Bosnian Posavina: International Diplomatic Legitimization of Serbian Occupation and Atrocities in Dayton. Zagreb: Croatan, 1996.
5. Balic, Smail. Das unbekannte Bosnien: Europas Brücke zur islamischen Welt. Cologne: Böhlau Verlag, 1992.
6. Bass, Gary Jonathan. Stay the Hand of Vengeance. Princeton: Princeton University Press, 2000.
7. Barros-Duchêne, Laurence de. Srebrenica: histoire d'un crime international. Paris: L'Harmattan, 1996.
8. Baumgartner, Ilse and Wolfgang. Der Balkan-Krieg der 90er: Fakten, Hintergründe, Analysen, Zukunftsperspektiven. Berlin: Verlag für Wissenschaft und Forschung, 1997.
9. Begić, Midhat. La Bosnie, carrefour d'identités culturelles. Paris: L'esprit des péninsules, 1994.
10. Bell, Martin. In Harm's Way: Reflections of a war-zone thug. London: Penguin, 1996.
11. Bennett, Christopher. Yugoslavia's Bloody Collapse. London: Hurst, 1995.
12. Benda, Marc and Crémieux, François. Paris-Bihac. Paris: Editions Michalon, 1995.
13. Berić Gojko. Pisma nebeskom narodu. Sarajevo: Oslobođenje, 2000.
14. Berman, David. The Heroes of Treća Gimnazija: a war school in Sarajevo, 1992-1995. London: Rowman and Littlefield Publishers, 2001.

15. Bert, Wayne. *The Reluctant Superpower: United States policy in Bosnia, 1991-1995*. London: St. Martens Press, 1997.

16. Bethlehem, Daniel and Weller, Marc (ed.). *The Yugoslav Crisis in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

17. Bianchini, Stefano. *Sarajevo, le radici dell'odio: identità e destino dei popoli balcanici*. Roma: Edizioni Associate, 1996.

18. Bildt, Carl. *Peace Journey: the struggle for peace in Bosnia*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1998.

19. Bougarel, Xavier. *Bosnie, Anatomie d'un conflict*. Paris: Editions La Découverte, 1996.

20. Braunstein, Mathieu. *François Mitterrand à Sarajevo*. Paris: L'Harmattan, 2001.

21. Bringa, Tone. *Being Muslim the Bosnian Way: identity and community in a central Bosnian village*. Princeton and London: Princeton University Press, 1995

22. Broz, Svetlana. *Good People in an Evil Time*. New York: Other Press, 2004.

23. Bucknam, Mark. *Responsibility of Command*. Alabama, USA: Air University Press, 2003.

24. Bulatović, Ljiljana. *General Mladić*. Belgrad: Evro, 2001.

25. Burg, Steven and Shoup, Paul. *The War in Bosnia-Herzegovina: Ethnic conflict and international intervention*. London: M.E. Sharpe, 1999.

26. Bryant, Lee. *The Betrayal of Bosnia*. London: University of Westminster Press, 1993.

27. Campbell, David. *National Deconstruction: Violence, Identity and Justice in Bosnia*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.

28. Carter, Bill. *Fools Rush In*. London: Doubleday, 2004.

29. Chamberland, Paul; Horic, Alain; Théoret, France and Vallières, Pierre (eds.). *La Bosnie nous regarde*. Montreal: Quartier Libre, 1995.

30. Chaslin, François. *Une haine monumentale: essai sur la destruction des villes en ex- Yougoslavie*. Paris: Descartes, 1997.

31. Cigar, Norman. *Genocide in Bosnia: The policy of "ethnic cleansing."* College Station: Texas A&M University Press, 1995.

32. Cigar, Norman. *The Right to Defence: thoughts on the Bosnian arms embargo*. London: IEDSS, 1995.

33. Cohen, Roger. *Hearts Grown Brutal*. New York: Random House, 1998.

34. Conversi, Daniele German. *Basing and the Break up of Yugoslavia*. Seattle: Donald W. Treadgold Papers, 1998.

35. Corwin, Philip. *Dubious Mandate*. Durham: Duke University Press, 1999.

36. Cot, Général Jean. *Demain la Bosnie*. Paris: L'Harmattan, 1999.

37. Cushman, Thomas and Mestrovic, Stjepan (ed.). *This Time We Knew*. New York: New York University Press, 1996.

38. Daalder, Ivo. *Getting to Dayton*. Washington, D.C.: Brookings Institute, 2000.

39. Davies, John; Myers, Bob and Robinson, Geoff (eds.). *Taking Sides - against ethnic cleansing in Bosnia*. Leeds: Workers Aid For Bosnia, 1998.

40. Demirović, Vahida. *Race With Death*. London, Ta-Ha Publishers, 2000.

41. Di Giovanni, Janine. *The Quick and the Dead*. London: Phoenix, 1994.

42. Dizdarević, Zlatko. *4/0 Za Nas*. Split: Feral Tribune Biblioteka, 1996.

43. Dizdarević, Zlatko. *Sarajevo: journal de guerre*. New York: Fromm International, 1993.

44. Donia, Robert and Fine, John. *Bosnia-Herzegovina: a tradition betrayed*. London: C. Hurst & Co, 1994.

45. Duijzings, Ger. *Geschiedenis en herinnering in Oost-Bosnië*. Amsterdam: Nederlands Instituut voor Oorlogsdocumentatie, 2002.

-
46. Duroy, Lionel .Il ne m'est rien arrivé. Paris: Mercure de France, 1994.
47. Faber, Mient Jan. Srebrenica: de genocide die niet werd voorkomen. Den Haag: Uitgeverij Ten Have Baarn, 2002.
48. Fink, Sheri. War Hospital. New York: Public Affairs, 2003.
49. Fogelquist, Alan. Hankbook of Facts on the Break-up of Yugoslavia, International Policy and the War in Bosnia- Herzegovina. London: AEIOU Publishing, 1993.
50. Friedman, Francine. The Bosnian Muslims: the denial of a nation. Boulder: Westview Press, 1996.
51. Gjelten, Tom. Sarajevo Daily: A city and its newspaper under siege. New York: HarperCollins, 1995.
52. Goisque, Thomas. Bosnie hiver 95. Paris: Addim, 1996.
53. Gow, James. Bosnia by Television. London: British Film Institute, 1996.
54. Goytisolo, Juan. Cuaderno de Sarajevo: anotaciones de un viaje a la barbarie. Madrid: Aguilar, 1993.
55. Grmek, Mirko; Gjidara, Marc and Simic, Neven (ed.). Le Nettoyage ethnique: documents historiques sur une idéologie serbe. Paris: Fayard, 1993.
56. Gutman, Roy. A Witness to Genocide. Rockport, Mass.: Element, 1993.
57. Gutman, Roy and Rieff, David (eds.). Crimes of War: what the public should know. New York - London :W.W.Norton & Company, 1999.
58. Hadžifejzović, Senad. Rat uživo. Ljubljana: Mladinska Knjiga, 2002.
59. Halilović, Semir. Državna tajna. Sarajevo: Matica, 2005.
60. Handke, Peter. Eine winterliche Reise zu den Flüssen Donau, Save, Morawa und Drina. Frankfurt: Suhrkamp, 1996.
61. Heller, Yves. Des brasiers mal éteints: un reporter dans les guerres yougoslaves 1991-95. Paris: Le Monde, 1997.
62. Helsinki Watch. War Crimes in Bosnia-Herzegovina. New York: Human Rights Watch, 1992.

63. Hoare, Marko Attila. *How Bosnia Armed*. London: Saqi Books, 2004.
64. Holbrooke, Richard. *To End a War*. New York: Random House, 1998.
65. Honig, Jan Willem. *Srebrenica: a record of a war crime*. London: Penguin, 1996.
66. Isaković, Alija. *Antologija Zla*. Sarajevo: Bosnica, 1994.
67. Ivanković, Nenad. *Krvava zemlja*. Mostar: Aluminij, 2003.
68. Janigro, Nicole. *L'Esplosione delle nazioni: il case jugoslavo*. Milano: Feltrinelli, 1993.
69. Jones, Lynne. *When They Started Shooting*. Cambridge: Harvard University Press, 2002.
70. Julliard, Jacques. *Ce Fascisme qui vient...* Paris: Éditions du Seuil, 1994.
71. Julliard, Jacques. *Pour la Bosnie*. Paris: Editions du Seuil, 1996.
72. Kappeler, Andreas; Simon, Gerhard and Brunner, Georg (ed. German edition, 1989) and Allworth, Edward (ed. English edition). *Muslim Communities RE-emerge: historical perspectives on nationality, politics and opposition in the former Soviet Union and Yugoslavia*. Durham: Duke University Press, 1994.
73. Kent, Gregory. *Framing War and Genocide*. New Jersey, Hampton Press, 2006.
74. Kent-Payne, Major Vaughan. *Bosnia Warriors*. London, Robert Hale, 1998.
75. Klemencic, Mladen. *Territorial Proposals for the Settlement of the War in Bosnia-Herzegovina*. Durham: International Boundaries Research Unit, University of Durham, 1994.
76. Kličić, Smail. *Međubošnjački sukob u cazinskoj krajini 1992-1995*. Bihać: Human Rights Conflict Prevention Centre, 2002.
77. Kolar, Ramo. *Sarajevske ratne priče*. Sarajevo, Oslobođenje, 1994.
78. Köpf, Peter. *Karadzic: dies Schande Europas*. Düsseldorf: Econ Taschenbuch Verlag, 1995.

-
79. Koschnick, Hans and Schneider, Jens. *Brücke über die Neretva*. Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1995.
80. Kovac, Nikola. *Bosnie, le prix de la paix*. Paris: Michalon, 1995.
81. Kumar, Radha. *Divide and Fall?* London: Verso, 1997.
82. Kurspahić, Kemal. *As Long As Sarajevo Lives*. Connecticut. Pamphleteer's Press, 1997.
83. Kurspahić, Nermina. *Sarajevski ratni pogled*. Sarajevo: Oko, 1996.
84. Laerhoven, Bob van. *Srebrenica: getuigen van een massamoord*. Antwerp: Icarus, 1996.
85. Lebor, Adam. *Milosevic: a biography*. London: Bloomsbury Publishing, 2002.
86. Lévy, Bernard-Henri. *Le Lys et la cendre*. Paris: Grasset, 1996.
87. Lévy-Vroelant, Claire. *Isaac Joseph. La Guerre aux civils*. Paris: L'Harmattan, 1997.
88. Libal, Michael. *Limits of Persuasion: Germany and the Yugoslav Crisis, 1991-1992*. Westport: Praeger, 1997.
89. Libal, Wolfgang. *Das Ende Jugoslawiens*. Vienna: Europaverlag, 1993.
90. Lovrenovic, Ivan (foreword by Ammiel Alcalay). *Bosnia: a cultural history*. London: The Bosnian Institute / Saqi Books, 2001.
91. Lovrenovic, Ivan. *Bosanski Hrvati: esej o agoniji jedne evropsko-orijentalne mikrokulture*. Zagreb: Durieux, 2002.
92. Lowe, Paul. *Bosnians*. London: Saqi Books, 2005.
93. Loyd, Anthony. *My War Gone By I miss It So*. New York: Atlantic Monthly Press, 1999.
94. Lukic, Rencio and Lynch, Allen. *Europe from the Balkans to the Urals: the disintegration of Yugoslavia and the Soviet Union*. Oxford: OUP, 1996.
95. Lukic, Rencio. *The Wars of South Slavic Succession: Yugoslavia 1991-93*. Geneva: Graduate Institute of International Studies, 1993.

96. Lutgart, Wim. *Check the Horizon: de Koninklijke Luchtmacht en het conflict in voormalig Joegoslavië*. Den Haag: Sdu Uitgevers, 2001.

97. Maas, Peter. *Love Thy Neighbour: A Story of War*. London, Papermac, 1996.

98. MacKenzie, Lewis. *Peecekeeper*. Toronto: Douglas and McIntyre, 1993.

99. Macek, Ivana. *War Within: Everyday life in Sarajevo under siege*. Uppsala: Uppsala Studies in Cultural Anthropology, 2000.

100. Magas, Branka. *The Destruction of Yugoslavia: tracking the break-up 1980-92*. London: Verso, 1993.

101. Magas, Branka (ed.). *Question of Survival: a common education system for Bosnia-Herzegovina*. London: The Bosnian Institute, 1998.

102. Malcolm, Noel. *Bosnia: a short history*. London: Macmillan, 1996.

103. Magas, Branka and Zanic, Ivo (eds), foreword by Noel Malcolm. *The War in Croatia and Bosnia-Herzegovina 1991-1995*. London: The Bosnian Institute / Frank Cass, 2001.

104. Mahmutćehajić, Rusmir. *The Denial of Bosnia*. Penn: Pennsylvania State University Press, 1998.

105. Mazower, Mark. *The War in Bosnia: an analysis*. London: Action for Bosnia, 1992.

106. McQueen, Carol. *Humanitarian Intervention and Safety Zones*. London: Palgrave, 2004.

107. Meier, Viktor. *Wie Jugoslawien verspielt wurde*. Munich: Verlag C.H.Beck, 1995.

108. Melcic, Dunja (ed.). *Das Wort im Krieg*. Frankfurt: Dipa-Verlag, 1995.

109. Mestrovic, Stjepan (ed.). *Genocide After Emotion: The post-emotional Balkan war*. New York: Routledge, 1996.

110. Mian, Marzio G. *Karadzic: carnefice, psichiatra, poeta*. Milano: Mursia, 1996.

111. Mock, Alois (ed.). *Das Balkan- Dossier: der Aggressionskrieg in ExJugoslawien - Perspektiven für die Zukunft*. Vienna: Signum, 1997.

112. Morgan, Peter. *A Barrel of Stones: in search of Serbia*. Aberystwyth: Planet, 1997.

113. Morillon, General Philippe. *Croire et oser: chronique de Sarajevo*. Paris: Grasset, 1993.

114. Mousavizadeh, Nader, Ed. *The Black Book of Bosnia: the consequences of appeasement*. New York: Perseus Books, 1996.

115. Murry, Rupert Wolfe. Ed. *IFOR on IFOR: NATO peacekeepers in Bosnia and Herzegovina*. Edinburgh: Connect, 1996.

116. Nilsen, Kjell Arild. *Europas svik: et oppgjør med vestlig unnfalldenhet I Bosnia*. Oslo: Spartacus Forlag, 1996.

117. Neier, Aryeh. *Brutality, Genocide, Terror and the Struggle for Justice*. New York: Times Books / Random House, 1998.

118. Neweklowsky, Gerard. *Die bosnisch-herzegowinischen Muslime: Geschichte, Brauche, Alltagskultur*. Klagenfurt: Wieser-Verlag, 1996.

119. O'Flaherty, Michael and Gisvold, Gregory. *Post-War Protection of Human Rights in Bosnia and Herzegovina*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1998.

120. Owen, Robert. *Deliberate Force*. Alabama, USA: Air University Press, 2000.

121. Paulsen, Thomas. *Die Jugoslawienpolitik der USA 1989-1994*. Bade-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1995.

122. Pejanovic, Mirko. *Through Bosnian Eyes: the political memoirs of a Bosnian Serb*. Sarajevo: Sahinpasic , 2002.

123. Pinson, Mark (ed.). *The Muslims of Bosnia- Herzegovina*. Cambridge Mass. and London: Harvard University Press, 1994.

124. Plisson, Gabriel. *Mourir pour Sarajevo*. Paris: Éditions In Fine, 1994.

125. Popovic, Alexandre. *Les Musulmans yougoslaves*. Lausanne: L'Age d'homme, 1990.

126. Prstojević, Miroslav. *Sarajevo Survival Guide*. Sarajevo: FAMA, 1993.

127. Ramet, Sabrina and Adamovic, Ljubisa (ed.). *Beyond Yugoslavia: politics, economics and culture in a shattered community*. Boulder: Westview Press, 1995.

128. Rathfelder, Erich. *Sarajevo und danach: sechs Jahre Reporter in ehemaligen Jugoslawien*. Munich: Beck, 1998.

129. Riess, David. *Slaughterhouse: Bosnia and the failure of the West*. New York: Simon and Schuster, 1995.

130. Ripley, Tim. *Air War Bosnia: UN and NATO Airpower*. Shrewsbury: Airlife, 1996.

131. Rogel, Carole. *The Break-up of Yugoslavia and the War in Bosnia*. Westport: Greenwood Press, 1998.

132. Rohde, David. *A Safe Area Srebrenica: Europe's worst massacre since the Second World War*. London: Simon and Schuster, 1997.

133. Rojo, Alfonso. *Yugoslavia: holocausto en los Balcanes*. Barcelona: Planeta, 1992.

134. Rose, General Sir Michael. *Fighting for Peace: Bosnia 1994*. London: Harvill, 1998.

135. Rumiz, Paolo. *Maschere per un massacre: quello che non abbiamo voluto sapere della Guerra in Jugoslavia*. Roma: Riuniti, 1996.

136. Scharf, Michael. *Balkan Justice*. Durham: Carolina Academic Press, 1997.

137. Sell, Louis. *Slobodan Milosevic and the Destruction of Yugoslavia*. Durham: Duke University Press, 2002.

138. Sells, Michael. *The Bridge Betrayed*. Berkeley: University of California Press, 1996.

139. Sharp, Jane. *Honest Broker of Perfidious Albion? British Policy in the Former Yugoslavia*. London: IPPR, 1997.

-
140. Silber, Laura and Little, Allan. *The Death of Yugoslavia*. London: Penguin/BBC, 1995.
141. Shatzmiller, Maya. *Islam and Bosnia*. Montréal: McGill - Queen's University Press, 2002.
142. Simms, Brendan. *Unfinest Hour: Britain and the destruction of Bosnia*. London: The Penguin Press, 2001.
143. Sofri, Adriano. *Lo specchio di Sarajevo*. Palermo: Sellerio, 1997.
144. Stamkoski, George and Cohen, Ben (ed.). *With No Peace to Keep: UN peacekeeping and the war in the former Yugoslavia*. London: Media East West, 1996.
145. Stefanov, Nenad and Werz, Michael (ed.). *Bosnien und Europa*. Frankfurt: Fischer Taschenbuch Verlag, 1994.
146. Stiglmayer, Alexandra. *Mass Rape: The War Against Women in Bosnia-Herzegovina*. Lincoln, University of Nebraska Press, 1994.
147. Stoltenberg, Thorvald and Eide, Kai. *De tusen dagene: fredsmeklere på Balkan*. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1996.
148. Sudetic, Chuck. *Blood and Vengeance*. New York: W. W. Norton & Co., 1998.
149. Tertsch, Hermann. *La venganza de la historia*. Madrid: Ediciones El País, 1993.
150. Thompson, Mark. *A Paper House: the ending of Yugoslavia*. London: Vintage, 1992.
151. Veiga, Francesco. *Els Balcans: le desfeta d'un somni*. Vic: Eumo Editorial, 1993.
152. Volcic, Demetrio. *Sarajevo: quando la storia uccide*. Milano: Mondadori, 1993.
153. Vollmer, Johannes (ed.). *Dass wir in Bosnien zur Welt gehören*. Solothurn and Dusseldorf: Benziger, 1995.

154. Vranic, Seada. *Breaking the Wall of Silence: the voices of raped Bosnia*. English edition prepared with the assistance of Diane Conklin, Zagreb: Antibarbarus, 1996.

155. Vuksanovic, Mladen. *From Enemy Territory: Pale Diary*. London: Saqi Books in association with The Bosnian Institute, 2004.

156. Vulliamy, Ed. *Seasons in Hell: understanding Bosnia's war*. London: Simon and Schuster, 1994.

157. Wachtel, Andrew Baruch. *Making a Nation, Breaking a Nation*. Stanford: Stanford University Press, 1998.

158. Welser, Maria von. *Am Ende wünschst du dir nur noch den Tod*. Munich: Knaur, 1993.

159. Wentz, Larry. *Lessons from Bosnia*. Virginia, CCRP, 1998.

160. Wynaendts, Henry. *L'Engrenage: chroniques yougoslaves juillet 1991-août 1992*. Paris: Denoel, 1993.

161. Zulch, Tilman (ed.). *Ethnische Säuberung Völkermord für "Grosserbien": eine Dokumentation der Gesellschaft für bedrohte Völker*. Hamburg: Luchterhand Literaturverlag, 1993.

162. Zulch, Tilman (ed.) *Die Angst des Dichters vor der Wirklichkeit*. Göttingen: Steidl Verlag, 1996.

* * *

163. Васильева Н., Гаврилов В. *Балканский тупик? (Историческая судьба Югославии в XX веке)*. М., 2000.

164. Васильева Н.В., Гаврилов В.А., Миркискин В.А. *Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке*. М., 2005.

165. *Военная политика стран НАТО на Балканах и обеспечение безопасности России на рубеже XX-XXI вв.* (Кольтюков А.А. и др.). М., 2006.

166. Волков В.К. Трагедия Югославии. (1991-1995) // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 223-271.

167. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. (1990-2000). М., 2001.

168. Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А. Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества». М., 2001.

169. Мяло К.Г. Россия и последние войны XX века. (1989-2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002.

170. Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999.

171. Романенко С.А. Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М., 2000.

172. Энгельгардт Г.Н. Россия и Боснийский кризис, 1992 год. Формирование подхода к урегулированию // Славяноведение. 2000. № 3.

173. Энгельгардт Г.Н. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция // Славянский альманах. М., 2006.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ *Badsey S.* Introduction // *Media and International Security*. London, 2000. P. xxix.

² *Ibid.* P. xviii

³ *Taylor Ph.* The Military and the Media: Past, Present, and Future // *Media and International Security*. P. 199.

⁴ *Rose Sir Michael.* The Media and International Security // *Media and International Security*.

Глава I. Историкография

⁵ *Fleming K.E.* Orientalism, the Balkans, and Balkan Historiography. // *American Historical Review*. 2000. October. P. 1218.

⁶ *Glenny M.* The Balkans: Nationalism, War and the Great Powers 1804-1999. London, 1999. P. xxi.

⁷ *Fleming K.E.* *Op. cit.* P. 1224.

⁸ *Горина Л.В.* Историкография истории южных и западных славян. М., 1987. С. 223.

⁹ *Pertusier C.* La Bosnie considérée dans ses rapports avec l'Empire Ottoman. Paris, 1822.

¹⁰ *Coquelle P.* Histoire du Monténégro et de la Bosnie depuis les origines. Paris, 1895.

¹¹ *Горина Л.В.* Указ. соч. С. 231.

¹² Там же с 213.

¹³ *Stoker B.* Dracula. London, 1994 (First published 1897).

¹⁴ *Habsbawm, E.* Age of Extremes: the Short Twentieth Century (1914-1918). New York, 1994.

¹⁵ *Fleming K.E.* *Op. Cit.* P. 1227.

¹⁶ *West R.* Black Lamb, Grey Falcon. New York, 1941. P. 387.

¹⁷ *Ibid.* P.1.

¹⁸ *Kaplan. R.* Balkan Ghosts. New York, 1993. P.xii.

¹⁹ *Fleming K.E.* *Op. cit.* P. 1227.

²⁰ *Горина Л.В.* Указ. соч. С. 231.

²¹ Там же. С. 233.

²² Там же. С. 234.

²³ *Durham E.* The Burden of the Balkans. London, 1925. P. 105.

²⁴ *Jelavich Ch, Jelavich B.* The Establishment of the Balkan States 1804-1920. Washington, 1977.

²⁵ *Donia R.J.* Islam under the Double Eagle: the Muslims of Bosnia and Hercegovina 1878-1914. Boulder, 1981.

²⁶ *Irwin, Z.* The Islamic Revival and the Muslims of Bosnia and Herzegovina // *East European Quarterly*. 17. 4. P. 437-458.

²⁷ *Holbroke R.* To End a War: from Sarajevo to Dejton and Beyond. New York, 1998.

²⁸ *Filipovic Z.* Zlata's Diary. London, 1994.

²⁹ *Glenny M.* The Fall of Yugoslavia. Third Edition. London, 1996.

³⁰ *Ramet, S.P.* Gender Politics in the Western Balkans: Women and Society in Yugoslavia and the Yugoslav Successor State. Philadelphia, 1999.

³¹ Information provided courtesy of the Embassy of Bosnia and Hercegovina, Washington.

³² *Malcolm, N.* Bosnia: a Short History. New York, 1996.

³³ *Donia R., Fine J.* Bosnia and Hercegovina: a Tradition Betrayed. New York, 1994.

³⁴ *Woodward S.* Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War. Washington, 1995.

- ³⁵ The Muslims of Bosnia and Herzegovina (Editor - M.Pinson). Cambridge, 1993.
- ³⁶ Norris H. Islam in the Balkans. Los Angeles, 1993.
- ³⁷ Tanner M. Croatia: a Nation Forged in War. New Haven, 1997.
- ³⁸ Judah T. The Serbs: History, Myth and the Destruction of Yugoslavia. New Haven, 1997. (Second edition 2000).
- ³⁹ Malcolm N. Op. cit. P.xxiii.
- ⁴⁰ Anzulovic B. Heavenly Serbia: From Myth to Genocide. New York, 1999.
- ⁴¹ Cohen Ph. Serbia's Secret War: Propoganda and the Deceit of History. Collage Station, 1996.
- ⁴² Costes A. La crise bosniaque 1908-1909. Paris, 1937. Tom 2.
- ⁴³ Samary C. La Déchirure yougoslave. Questions pour l'Europe. Paris, 1994.P 182.
- ⁴⁴ Dérens, J.A., Samary C. Les Conflits yougoslaves de A à Z. Paris, 2000.
- ⁴⁵ Bougarel X., Clayer N. Le Nouvel Islam balkanique. Les musulmans, acteurs du post-communisme 1990-2000. Paris, 2001. P.489.
- ⁴⁶ Rojo. Yugoslavia: Holocausto en los Balcanes: la agonía de un estado y por qué se matan entre si sus habitantes. Barcelona, 1992.
- ⁴⁷ Rouquie A. Amerique latine: Introduction à l'extreme-occident. Paris, 1998. P 293.
- ⁴⁸ Bosnia y Herzegovina. Studia Croatica Edicion Especial. Buenos Aires, 1965. (См.: WWW.STUDIACROATICA.COM).
- ⁴⁹ Vukota, P. La Historia politica de Bosnia. Buenos Aires, 1965. P 245.
- ⁵⁰ Nevistic F. Bosnia y Hercegovina: el fenomino grupo etnico musulman y su futura. Buenos Aires, 1965. P 356.
- ⁵¹ Горина Л.В. Указ. соч. С. 87.
- ⁵² Там же. С. 120.
- ⁵³ Там же. С. 174.
- ⁵⁴ Janša J. The Making of the Slovenian State, 1988-1992. Ljubljana, 1994.
- ⁵⁵ Drnovšek J. Der Jugoslawien- Krieg: Meine Wahrheit. Smartbooks: Kilchberg, Switzerland, 1998. P.109.
- ⁵⁶ Tomac Z. The Struggle for the Croatian State ... through Hell to Democracy. Zagreb, 1993.
- ⁵⁷ Rudolf D. Rat koji nismo htjeli: Hrvatska 1991. Zagreb, 1999.
- ⁵⁸ Mesić S. Kako smo rušili Jugoslaviju. Zagreb, 1992.
- ⁵⁹ Špegelj, M. Sjećanja Vojnika. Zagreb, 2001.
- ⁶⁰ Kadivić V. Moje vidjenje raspada. Beograd, 1993.
- ⁶¹ Jović B. Poslednji dani SFRJ: Izvodi iz dnevnika. Beograd, 1995.
- ⁶² Tomac Z. Op cit. P.407.
- ⁶³ Judah T. Croatia Reborn // The New York Review of Books, 10.08.00.
- ⁶⁴ Izelbegović A. Sjećanja: Autobiografski zapis. Sarajevo, 2001.
- ⁶⁵ Halilović S. Lukava strategija. Sarajevo, 1998.
- ⁶⁶ Filipović M. Bio sam Alijin diplomata. Sarajevo, 2000.
- ⁶⁷ Mahmutćehajić R. Bosanski odgovor. Zagreb, 2002.
- ⁶⁸ Filipović M. Pitanje odgovornosti za rat u Bosni I Hercegovini 1992-1996 godine. Sarajevo, 2002.
- ⁶⁹ Rat u Hrvatskoj I Bosni I Hercegovini 1992-1995. Zagreb-Sarajevo, 1999.
- ⁷⁰ Šarinić H. Sve moji tajni pregovori sa Slobodanom Milosevićem 1993-95. Zagreb, 1999.
- ⁷¹ Буха А. Аргументи за Републику Српску. Нови Сад. 1996.
- ⁷² Djamić D. Bosansko Bojiste sumraka. Beograd, 1998.
- ⁷³ Knežević M. Balkanska pometnja. Beograd, 1998.
- ⁷⁴ Djukić S. Kraj srpska bajke. Beograd, 1999.
- ⁷⁵ Srpska strana rata (Editor - Popov N.). Beograd, 1999.
- ⁷⁶ Ivanišević M., Mišeljčić B. Velike Obmane. Beograd, 1997.
- ⁷⁷ Motull M.H. The Bloodthirst Vampires of Serbia. Tirane, 1994.

⁷⁸ Горина Л.В. Указ. соч. С. 206-207.

⁷⁹ Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли. М., 1983; Вяземская Е.К. Конфессии и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // Роль религии в формировании южнославянских наций. М. 1999. С. 112-135.

⁸⁰ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. (1990-2000). М., 2001.

⁸¹ См., например: Югославия в огне. Документы, факты комментарии (1990-1992). Современная история Югославии в документах. Т. 1. М., 1992; Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990-1993). Современная история Югославии в документах. Т. 2. М., 1993; Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Том первый, второй. М., 2000; Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Том третий. М., 2000.

⁸² Волков В.К. Трагедия Югославии. (1991-1995) // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Москва, 2000. С. 223-271.

⁸³ Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999.

⁸⁴ Романенко С.А. Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М., 2000.

⁸⁵ Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик? (Историческая судьба Югославии в XX веке). Москва, 2000.

⁸⁶ Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. М., 2000

⁸⁷ Мяло К.Г. Россия и последние войны XX века. (1989-2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002.

⁸⁸ Рыжков Н.И., Теткин В.Н. Югославская Голгофа. М., 2000.

⁸⁹ Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А. Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества». М., 2001.

⁹⁰ Наши миротворцы на Балканах (сост. и отв. ред. Е.Ю.Гуськова). М., 2007.

⁹¹ Поликарпов М. Русская сотня. Наши в Сербии. М., 1999.

⁹² Энгельгардт Г.Н. Россия и Боснийский кризис, 1992 год. Формирование подхода к урегулированию // Славяноведение. 2000. № 3; он же. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция // Славянский альманах. М., 2006.

⁹³ Тягуниченко Л.В. Уроки Дейтонских соглашений // Свободная мысль. 1997. №2.

⁹⁴ Кандель П.Е. Сможет ли Босния и Герцеговина существовать в дейтонском формате? // Конституционное право. Восточноевропейское обозрение. 1996.

⁹⁵ Куликова Н., Милованов В. Дейтонское соглашение: достижения просчеты, перспективы // Вестник научной информации. 1997. №3.

⁹⁶ См., например: Никифоров К.В. Указ. соч. С. 17-19, 27.

Глава II. Роль СМИ в современном мире

⁹⁷ Badsey S. Op cit. P. xxi

⁹⁸ Ibid. P. xxiii

⁹⁹ English Bill of Rights. 1698. Clause 9.

¹⁰⁰ La Declaration des droits de l'homme et du citoyen. 1789. Clause 11.

¹⁰¹ American Bill of Rights. 1791.

¹⁰² Roosevelt F.D. The Four Freedoms. 1941. London, 1997. P. 403-406.

¹⁰³ United Nations Universal Declaration of Human Rights. 1948. Article 19.

¹⁰⁴ Badsey S. Op cit. P. xx.

¹⁰⁵ Beham M. Ratni doboši: medija, rat, politika. Beograd, 1997.

¹⁰⁶ Hankinson A. Man of Wars: William Howard Russell of the Times. London, 1982. P. 282.

¹⁰⁷ McLaughlin G. The War Correspondent. London, 2002. P. 6.

¹⁰⁸ Beham M. Op cit. S. 17.

- ¹⁰⁹ Ibid. S. 18.
- ¹¹⁰ *McLaughlin G.* Op cit. P. 27.
- ¹¹¹ *Adie K.* The Military Portrayal of the Media. // Media and International Security. P. 52.
- ¹¹² Ibid. P. 53.
- ¹¹³ *Duncan B.* Mixing with the Media // Media and International Security. P. 117.
- ¹¹⁴ *McLaughlin G.* Op cit. P. 63.
- ¹¹⁵ *Beham M.* Op cit. P. 24.
- ¹¹⁶ *McLaughlin G.* Op cit. P. 27.
- ¹¹⁷ *Beham M.* Op cit. P. 24.
- ¹¹⁸ Ibid.
- ¹¹⁹ *Badsey S.* Op cit. P. xxiii
- ¹²⁰ *Triandafillov V.K.* The Nature and the operations of Modern Armies. London, 1994. (First edition 1929). P. 163.
- ¹²¹ *Zimmerman W.* The Captive Mind // New York Review of Books. 02.02.95.
- ¹²² *McLaughlin G.* Op cit. P. 59.
- ¹²³ Ibid. P. 55.
- ¹²⁴ Ibid. P. 63.
- ¹²⁵ *Stewart I.* Reporting Conflict: Who Calls the Shots // Media and International Security. P. 66.
- ¹²⁶ *Neuman J.* Lights, Camera, War. New York, 1995. P. 19.
- ¹²⁷ *McLaughlin G.* Op cit. P. 29.
- ¹²⁸ Ibid. P. 30.
- ¹²⁹ *Knightley Ph.* The First Casualty: The War Correspondent as Hero, Propagandist and Myth Maker. London, 1982. P. 15.
- ¹³⁰ *McLaughlin G.* Op cit. P. 37.
- ¹³¹ *Stewart I.* Op cit. P. 54.
- ¹³² *McKnight S.* Media Perceptions of Other Forces: Iraq and the Gulf War // Media and International Security. P. 91.
- ¹³³ *Badsey S.* Op cit. P. xxix.
- ¹³⁴ Ibid. P. xxx.
- ¹³⁵ Ibid. P. xxxi
- ¹³⁶ *Adie K.* Op cit. P. 87.
- ¹³⁷ *Rose Sir Michael.* Op cit P. 5.
- ¹³⁸ Ibid. P. 6.
- ¹³⁹ *Adie K.* Op cit. P. 52.
- ¹⁴⁰ Ibid. P. 53.
- ¹⁴¹ *Bell M.* In Harm's Way. London, 1995. P. 5.
- ¹⁴² *Adie K.* Op cit. P. 54.
- ¹⁴³ *Duncan B.* Op cit P. 23.
- ¹⁴⁴ *Adie K.* Op cit P. 57.
- ¹⁴⁵ Ibid 56.
- ¹⁴⁶ Ibid 58.
- ¹⁴⁷ *Maass P.* Love Thy Neighbour: A Story of War. London, 1996. P. 122.
- ¹⁴⁸ *Bell M.* Op cit. P. 143.
- ¹⁴⁹ *Giovanni di J.* Introduction // Zlata's Diary. London, 1994. P. xiii.
- ¹⁵⁰ *Maass P.* Op cit. P. 247.
- ¹⁵¹ *Glenny M.* The Fall of Yugoslavia. P. 98.
- ¹⁵² *Drakulić S.* in an interview to Steve Kettman // Mother Jones. 27.02.02.
- ¹⁵³ *Taylor Ph.* Op cit. P. 192.
- ¹⁵⁴ *McLaughlin G.* Op cit. P. 191.

- ¹⁵⁵ *Bell M.* Truth is our Currency // Harvard International Journal Press- Politics. Volume 3. No 1. P. 103.
- ¹⁵⁶ *Bell M.* In Harm's Way. P. 43.
- ¹⁵⁷ *McLaughlin G.* Op cit. P. 161.
- ¹⁵⁸ *Drakulic S.* in an interview to Stan Persky // Vancouver Sun. 14.06.99.
- ¹⁵⁹ *Maass P.* Op cit. P. 181.
- ¹⁶⁰ *Simms B.* Unfinest Hour. London, 2001. P. 23.
- ¹⁶¹ *Taylor Ph.* Op cit. P. 198.
- ¹⁶² *Ibid* 200.
- ¹⁶³ *Simms B.* Op cit. P. 301.
- ¹⁶⁴ *Taylor Ph.* Op cit. P. 198.
- ¹⁶⁵ *Ibid.* P. 199.
- ¹⁶⁶ *Ibid.* P. 200.

Глава III. Освещение Боснийского кризиса

- ¹⁶⁷ *Welsh I.* Glue. P 489.
- ¹⁶⁸ *Brown E.* Stereotypes and other types: The Portrayal of the Army in British Television Drama // The Media and International Security. P. 80.
- ¹⁶⁹ *Simms B.* Unfinest Hour. London, 2001. P 177.
- ¹⁷⁰ *Ibid.* P. 300.
- ¹⁷¹ *Ibid.* P. 301.
- ¹⁷² *Ibid.* P. 302.
- ¹⁷³ Цит. по: *McLaughlin G.* Op. cit. P 169.
- ¹⁷⁴ *Loyd A.* My War Gone By, I Miss It So. London, 1999. P 85.
- ¹⁷⁵ *Bell M.* In Harm's Way. P 29.
- ¹⁷⁶ *McLaughlin G.* Op cit. P. 168.
- ¹⁷⁷ *Ibid.* P. 169.
- ¹⁷⁸ *Adie K.* Op. cit. P. 52.
- ¹⁷⁹ *Roitberg R., Weiss Th.* From Massacres to Genocide: The Media, Public Policy, and Humanitarian Crises. Washington, 1996. P.1.
- ¹⁸⁰ *Bell M.* In Harm's Way. P. 145.
- ¹⁸¹ Actualite entretien avec Christiane Amanpour, de CNN.
- ¹⁸² *Jenkins S.* The Sunday Times.
- ¹⁸³ *Simms B.* Op cit. P. 340.
- ¹⁸⁴ *Bell M.* In Harm's Way. P. 111.
- ¹⁸⁵ *Judah T.* Op. cit. P. 222.
- ¹⁸⁶ *Bell M.* In Harm's Way. P. 104.
- ¹⁸⁷ *Loyd A.* Op cit. P. 308.
- ¹⁸⁸ CNN, 14.08.95
- ¹⁸⁹ CNN, 19.08.95
- ¹⁹⁰ CNN, 11.08.95
- ¹⁹¹ CNN, 11.07.95
- ¹⁹² *Danner M.* The Killing Fields of Bosnia // The New York Review of Books.
- ¹⁹³ Op cit.
- ¹⁹⁴ The Sunday Times, 13.08.95.
- ¹⁹⁵ The Independent on Sunday, 23.07.95.
- ¹⁹⁶ *Danner M.* Op cit.
- ¹⁹⁷ *Sudetic Ch.* Blood Vengeance.
- ¹⁹⁸ Le Monde, 13.07.91.
- ¹⁹⁹ Le Monde, 08.10.92.
- ²⁰⁰ Le Monde, 09.04.93.

- ²⁰¹ *Rumiz P.* Maschere per un massacro. Rome, 1996. P 33.
- ²⁰² *Ibid.* P. 11.
- ²⁰³ *Ibid.* P. 37.
- ²⁰⁴ *Kopruner K.* S 163
- ²⁰⁵ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 08.08.95
- ²⁰⁶ *Glenny M.* The Fall of Yugoslavia. P. 110
- ²⁰⁷ *Гускова Е.Ю.* Указ. соч.
- ²⁰⁸ *Энгельгардт Г.Н.* Россия и Боснийский кризис. С 27.
- ²⁰⁹ Там же. С. 29.
- ²¹⁰ *Никифоров К.В.* Югославия 1990-х годов; кризис общества и распад государства // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. М., 2002. С 346-347.
- ²¹¹ *Энгельгардт Г.Н.* Россия и Боснийский кризис. С. 35.
- ²¹² Подробнее см.: *Никифоров К.В.* Между Кремлем и Республикой Сербской.
- ²¹³ ОРТ, 13.11.94
- ²¹⁴ BBC, 14.11.94
- ²¹⁵ *Tripalo M.* Hrvatsko proljece. Zagreb, 1990. P. 213.
- ²¹⁶ *Tanner M.* Croatia: A Nation Formed in War. New Haven, 2001. P. 196.
- ²¹⁷ *Ibid.* P. 202.
- ²¹⁸ *Zimmerman W.* Op. cit. P. 2.
- ²¹⁹ *Glenny M.* The Fall of Yugoslavia. P. 45.
- ²²⁰ *Biserko S.* P. 1.
- ²²¹ *Ramet S.P.* Balkan Babel. Boulder, 1999. P 39.
- ²²² *Thompson M.* Forging War: the Media in Serbia, Croatia and Bosnia- Hercegovina. Article 19: Washington, 1995.
- ²²³ *Maass P.* Op. cit. P 196.
- ²²⁴ *Thompson M.* Op cit. P. 20.
- ²²⁵ *Hartmann F.* Milosevic: la diagonale du fou. Paris, 2002. P. 75.
- ²²⁶ *Nenadović A.* Politika in the Storm of Nationalism // Srpska strana rata. S. 246.
- ²²⁷ *Ibid.* S. 247.
- ²²⁸ Политика, 25.06.88.
- ²²⁹ Политика, 14.08.88.
- ²³⁰ Политика, 15.08.88.
- ²³¹ Политика, 10.10.88.
- ²³² Политика, 30.10.88.
- ²³³ *Nenadović A.* Op.cit. S. 247.
- ²³⁴ Duga, 05.05.91.
- ²³⁵ *Ramet S.P.* Balkan Babel. P. 40.
- ²³⁶ *Bačković O., Vasić M., Vasović A.* Rat u Hrvatskoj I Bosni I Hercegovini 1992-95. Sarajevo, 2001. P. 343.
- ²³⁷ *Ibid.* P. 345.
- ²³⁸ *Ibid.* P. 344.
- ²³⁹ *Ramet S.P.* Balkan Babel. P 267.
- ²⁴⁰ Цит по: *Maass P.* Op cit. P. 227.
- ²⁴¹ *Hartmann F.* Op cit. P. 96.
- ²⁴² *Maass P.* Op cit. P. 229.
- ²⁴³ *Grmek M., Gjidara M., Simac N.* Le nettoyage ethnique. Paris, 2002. P. 295.
- ²⁴⁴ *Maass P.* Op cit. P. 230.
- ²⁴⁵ *Glenny M.* The Fall of Yugoslavia. P. 266.
- ²⁴⁶ *Thompson M.* Op. cit. P. 5.
- ²⁴⁷ *Bell M.* In Harm's Way. P 102.

- ²⁴⁸ *Judah T.* Op. cit. P. 221.
²⁴⁹ *Ibid.* P. 220.
²⁵⁰ *Ramet S.P.* *Balkan Babel.* P. 267.
²⁵¹ *Judah T.* Op. cit. P. 222.
²⁵² *Tanner M.* Op. cit. P. 231.
²⁵³ *Thompson M.* Op. cit. P. 42.
²⁵⁴ *Ramet S.P.* *Balkan Babel.* P. 164.
²⁵⁵ *Thompson M.* Op. cit. P. 45.
²⁵⁶ *Tanner M.* Op. cit. P. 231.
²⁵⁷ *Thompson M.* Op. cit. P. 60.
²⁵⁸ *Glenny M.* *The Fall of Yugoslavia.* P. 123.
²⁵⁹ *Novi List,* 03.11.93.
²⁶⁰ *Slobodna Dalmacija,* 14.09.95.
²⁶¹ *Slobodna Dalmacija,* 14.09.95.
²⁶² *Feral Tribune,* 13.10.01.
²⁶³ *Feral Tribune,* 29.04.96.
²⁶⁴ *B92,* vesti za 16.04.03.
²⁶⁵ *Bell M.* *In Harm's Way.* P. 266.
²⁶⁶ *Oslobodjenje,* 21.01.94.
²⁶⁷ *Ramet S.P.* *Balkan Babel.* P. 285.
²⁶⁸ *Oslobodjenje,* 08.02.96.
²⁶⁹ *Oslobodjenje,* 14.09.95.
²⁷⁰ *Slobodna Bosna,* 11.07.96.
²⁷¹ *Maass P.* Op. cit. P. 199.
²⁷² *Owen D.* *Balkan Odyssey.* London, 1995.
²⁷³ *Slobodna Bosna,* 30.09.98
²⁷⁴ *Drakulić S.* in an interview to *Steve Kettmenn // Mother Jones Magazine.* 27.02.02.
²⁷⁵ *Thompson M.* Op. cit. P. 50.
²⁷⁶ *Drakulić S.* *Kao da me nema.* Split, 2001. P. 155.
²⁷⁷ *Oslobodjenje,* 14.09.95.

Заклучение

- ²⁷⁸ *Volkov V.* *Školski primer dezinformacije.* Beograd: 2002. S 2; см. также: *Volkoff. V.* *Désinformation flagrant délit,* Editions du Rocher, Monaco, avgust 1999.
²⁷⁹ *Arnothy Ch.* *J'ai quinze ans et je ne veux pas mourir.* Paris, 1956.
²⁸⁰ *Mati L., Lukas T., Maesalu A., Pajur A., Tannberg T.* *The History of Estonia (Second Edition).* Tallinn, 1997.

Сара МАКАРТУР КОГДА К ШТЫКУ ПРИРАВНЯЛИ ПЕРО